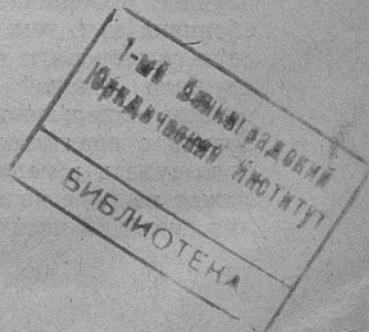

М. М. ИСАЕВ и А. А. ПИОНТКОВСКИЙ

66184 к. у. г. проф.
ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ПРАВА
И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Под редакцией и с предисловием
проф. И. Т. ГОЛЯКОВА

МОСКВА 1947

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 5 октября 1946 г. отметил крупные недочеты в области правоведения. Этими недочетами, как указано в постановлении, являются не только отсутствие ряда учебников и монографических исследований; как на серьезный пробел в области науки права ЦК ВКП(б) обращает внимание на отсутствие научного обобщения судебной практики, обобщения практики прокуратуры и административных органов. Следует признать, что судебная практика действительно до сих пор не нашла еще своего исследователя. А между тем теоретическое обобщение судебного опыта не может не иметь огромного значения как для развития науки, так и для улучшения правосудия.

Бесспорное влияние судебной практики на развитие науки видно хотя бы из последних изданий ряда вузовских учебников (Уголовное право, Гражданское право, Трудовое право и др.). Однако отдельные иллюстрации в учебниках из области судебной практики далеко еще не являются теоретическим обобщением этой практики.

Настоящий сборник постановлений Верховного суда СССР, составленный М. М. Исаевым и А. А. Пионтовским, является первой попыткой научно прокомментировать ряд принципиальных решений Верховного суда СССР. Правда, сборник весьма скромнен по своему объему и далеко не охватывает многих важнейших вопросов уголовного права в практике Верховного суда СССР. Однако ценность его не только в том, что в нем впервые дано научное обобщение практики Верховного суда СССР; ценность сборника и в том, что авторы его, как члены Верховного суда, сами участвовали в обсуждении и решении тех дел, которые послужили основой настоящего сборника. Будем надеяться, что авторы используют свой ценный опыт сочетания теоретических знаний с практической деятельностью в качестве членов Верховного суда и в недалеком будущем своей дальнейшей работой положат твердое начало глубокого, действительно научного обобщения судебной практики.

И. Т. Голяков.

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ НАКАЗАНИЯ ЛИШЬ К ЛИЦАМ, СОВЕРШИВШИМ ОПРЕДЕЛЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

**Руководящее постановление Пленума Верховного суда Союза ССР
от 12 июля 1946 г.**

По общему смыслу советского уголовного законодательства наказание может быть назначено судом лишь в случае признания подсудимого виновным в совершении определенного преступления. Так, согласно ст. 6 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», меры наказания могут применяться в судебном порядке только к лицам, которые предвидели или должны были предвидеть общественно-опасный характер последствий своих действий. Таким образом, по прямому смыслу этой статьи наказание может быть применено судом при наличии вины умышленной или неосторожной лишь к лицу, совершившему определенное общественно-опасное действие или бездействие. Следовательно, в силу указанной статьи исключается возможность применения судом наказания к лицам, не признанным виновными в совершении того или иного определенного преступления.

Равным образом и п. «д» ст. 6 «Основ уголовного судопроизводства» устанавливает, что уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжено и подлежит прекращению во всякой стадии процесса при отсутствии состава преступления в действиях обвиняемого. Таким образом, и по смыслу этого закона для применения в судебном порядке наказания необходимо наличие определенного преступления, совершенного обвиняемым.

От указанного общего правила содержится в «Основных началах» отступление лишь в отношении ссылки и высылки. Согласно ст. 22 «Основных начал», наказание в виде ссылки или высылки может быть применено приговором суда по предложению прокуратуры к лицам, признанным социально опасными, независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение оп-

ределенного преступления, а также и в том случае, когда они по обвинению в совершении определенного преступления будут судом оправданы. Указанное правило воспроизведено в уголовных кодексах ряда союзных республик (ст. 54 УК УССР, ст. 29 УК БССР, ст. 32 УК ТуркССР, ст. 38 УК УзССР, ст. 35 УК ГрузССР, ст. 35 УК АрмССР).

Однако это отступление от общих правил советского уголовного законодательства должно считаться отпавшим в связи с изданием впоследствии Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, который, устанавливая условия применения судом наказания, не содержит указанного отступления. Согласно п. «а» ст. 4 этого закона, суды в СССР осуществляют задачи правосудия путем разбирательства в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к изменникам родины, вредителям, расхитителям социалистической собственности и другим врагам народа, а также к грабителям, вора, хулиганам и иным преступникам. Таким образом, по смыслу этого закона наказание может быть применено судом лишь к лицам, совершившим определенные преступления, примерный, но не исчерпывающий перечень которых приведен в самом законе.

Ввиду изложенного и учитывая, что с изданием закона о судостроительстве, как более позднего закона, должны считаться утратившими силу все ранее изданные нормы, находящиеся с ним в противоречии, Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующее указание:

Установленные законом меры уголовного наказания, в том числе ссылка и высылка, могут быть применены в судебном порядке по приговору суда лишь в том случае, если подсудимый признается тем же приговором виновным в совершении определенного преступления.

Комментарии

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 12 июля 1946 г. имеет большое принципиальное значение для понимания нашего уголовного права. Необходимым условием возможности применения судом наказания является установление виновности лица в совершении определенного преступления. Если в действиях лица нет требуемой законом формы виновности, то в его действиях отсутствует и состав преступления. Согласно ст. 6 «Основных начал уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное преследование подлежит прекращению при отсутствии состава преступления в действиях обвиняемого. Однако из этого общего правила «Основные начала» уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик делают одно исключение. В ст. 22 они предоставляют суду возможность применять ссылку и высылку к лицам, признанным общественно-опасными в

силу своей прошлой деятельности или по своим связям с преступной средой, хотя бы эти лица и не совершили какого-либо определенного преступления. Уголовные кодексы отдельных союзных республик содержат в себе общие положения о допустимости применения к лицам, признанным общественно-опасными, мер социальной защиты судебно-исправительного характера, т. е. наказания. Так, ст. 7 УК РСФСР гласит: «В отношении лиц, совершивших общественно-опасное действие или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского, либо медико-педагогического характера». Аналогичное же постановление содержится в уголовных кодексах Украинской ССР, Белорусской ССР, Армянской ССР, Азербайджанской ССР, Грузинской ССР, Узбекской ССР, Таджикской ССР. Наряду с этим ряд уголовных кодексов отдельных союзных республик содержит в себе специальные постановления, в соответствии со ст. 22 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» о возможности применения ссылки и высылки к лицам, не признанным виновными в совершении определенного преступления, но представляющих общественную опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности. Такое постановление имеется в уголовных кодексах Украины, Белоруссии, Туркмении, Узбекистана, Грузии и Армении. Такое постановление отсутствует в УК РСФСР.

Судебная практика РСФСР не знает случаев использования в этом отношении судом ст. 7 УК. Судебная практика тех союзных республик, где специально в уголовных кодексах оговорена возможность применения ссылки и высылки при отсутствии виновности лица, но при установлении его общественной опасности, знает и случаи использования этого права судом. Пленум Верховного суда СССР пришел к выводу, что применение наказания по суду к лицам, признанным невиновными, но общественно-опасными, противоречит Закону о судостроительстве 1938 г. Поэтому все постановления по этому вопросу общесоюзного уголовного законодательства, а равно и все соответствующие нормы уголовных кодексов отдельных союзных республик должны считаться утратившими силу. Закон о судостроительстве 1938 г. в ст. 3, говоря о задачах применения наказания, имеет в виду исключительно лишь преступников, т. е. лиц, признанных по суду виновными в совершении определенного преступления. «Советский суд, применяя меры наказания, не только карает преступников, но также имеет своей целью исправление и перевоспитание преступников. Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплине труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, ува-

жения к правилам социалистического общежития». Статья 4 Закона о судостроительстве специально указывает, что задачи суда в СССР, формулированные во второй части ст. 3, осуществляются, в частности, путем «разбирательства в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к изменникам родины, вредителям, расхитителям социалистической собственности и другим врагам народа, а также к грабителям, ворам, хулиганам и иным преступникам». Таким образом, Закон о судостроительстве и здесь имеет в виду, что наказание применяется к преступникам, т. е. лицам, признанным виновными в совершении преступления. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 12 июля 1946 г. «О возможности применения судами наказания лишь к лицам, совершившим определенные преступления», кладет предел той несогласованности, которая существует в действующем уголовном законодательстве по вопросу о необходимых предпосылках применения наказания судом. Тот вывод, к которому пришла судебная практика, что и по действующему уголовному законодательству наказание может быть применено судом лишь при установлении виновности лица в совершении определенного преступления должен быть положен и в основу разрабатываемого ныне проекта Уголовного кодекса СССР. Сказанное не исключает необходимости при определенных условиях применять принудительные меры в отношении лиц, являющихся общественно-опасными в силу своей прошлой деятельности или связи с преступной средой. Однако это не наказание, применяемое судом, а мера административного воздействия.

ВОСПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 17 мая 1946 г.

По приговору Военного трибунала Дунайского морского пароходства от 5 февраля 1946 г., оставленному в силе определением Военной водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР от 5 марта 1946 г., грузчик порта Затыка был осужден по п. «б» ст. 206-7 УК УССР к 2 годам лишения свободы в общих местах заключения по обвинению в том, что 19 января 1946 г. он совершил самовольную отлучку в течение 7 часов.

На приговор Военного трибунала и определение Военной водно-транспортной коллегии Генеральный прокурор СССР внес протест, указывая, что Затыка назначено наказание, не предусмотренное по п. «б» ст. 206-7 УК УССР, к тому же превышающее по тяжести наказание, предусмотренное в этом пункте. В связи с этим Генеральный прокурор СССР, не предпринимая в своем протесте вопроса о виде наказания для Затыка, предлагает, отменив определение коллегии, передать дело на новое рассмотрение в ту же коллегию в ином составе.

Рассмотрев настоящее дело, Пленум Верховного суда СССР полагает, что назначение в данном случае Затыка наказания как в виде лишения свободы, так и в виде направления в дисциплинарный батальон, прямо предусмотренного п. «б» 206-7 УК УССР, было бы неправильным и противоречило бы началам советского уголовного права.

Направление в дисциплинарный батальон, мера, установленная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1940 г., является специфической мерой наказания, применяемой к военным служащим рядового и младшего начальствующего состава. Согласно Положению о дисциплинарном батальоне, последний является особой воинской частью. Лицо, отбывающее наказание в дисциплинарном батальоне, не перестает быть военным служащим, из списка своей части не исключается и подчиняется в батальоне всем правилам Уставов Советской Армии с особенностями, установленными Положением о дисциплинарном батальоне. По отбытии назначенного судом наказания осужденный возвращается в свою часть для дальнейшего продолжения военной службы, в срок которой пребывание в дисциплинарном батальоне не засчитывается. Основная задача дисциплинарного батальона заключается в воспитании у лиц рядового и младшего начальствующего состава Советской Армии, совершивших воинское или общеуголовное преступление, твердых навыков воинской дисциплины. Этой задаче служит весь внутренний распорядок дисциплинарного батальона. Из существа такой меры, как дисциплинарный батальон, вытекает, что она применима только к военным служащим рядового и младшего начальствующего состава Советской Армии и не может быть применена к лицам, не являющимся военными служащими.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. о введении военного положения на всех железных дорогах, распространенного Указом от 9 мая 1943 г. и на водный транспорт, установлена ответственность работников железнодорожного и водного транспорта за преступления по службе наравне с военными служащими. Это значит, что их преступные действия рассматриваются в подлежащих случаях, как воинские преступления. Но отсюда нельзя сделать вывод, что они подлежат всем мерам наказания, которые установлены для военных служащих. Так, они не могут быть подвергнуты такой мере наказания, как лишение воинского звания, поскольку они не имеют такового. Равным образом они не могут быть направлены в дисциплинарный батальон, поскольку они не являются военными служащими.

Самовольная отлучка работников транспорта свыше 2 часов должна рассматриваться, как преступление, предусмотренное ст. 206-7 п. «б» УК УССР, 193-7 п. «б» УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, предусматривающими в виде наказания направление в дисциплинарный батальон. Имеется, таким образом, пробел закона, не предусматривающего санкции за это преступление в случае совершения его не военным

служащим, а работником транспорта. Пробел в смысле признания уголовно-наказуемыми тех или иных общественно-опасных действий, т. е. пробел в диспозициях Уголовного кодекса может быть пополнен на основании ст. 16 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, согласно которым ответственность за преступление, прямо не предусмотренное УК, определяется по статьям кодекса, предусматривающим наиболее сходные по роду преступления. В этих случаях пробел не может быть пополнен на основании общих начал уголовного законодательства. Но в случае пробела закона при решении вопроса, относящегося к Общей части УК, суд, установив пробел в уголовном законе, вправе прибегнуть к общим началам советского уголовного права и на основании их пополнить пробел закона, применив по аналогии закон, наиболее отвечающий особенностям данного случая.

Лишение свободы не может рассматриваться, как наказание, сходное с дисциплинарным батальоном как по своим целям, так и по порядку отбывания. Как правильно указывается в протесте Генерального прокурора СССР, лишение свободы является наказанием более тяжким, чем дисциплинарный батальон. Назначение поэтому лишения свободы работниками транспорта по п. «б» ст. 206-7 УК УССР, п. «б» ст. 193-7 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик противоречило бы общим началам советского уголовного права. Наиболее сходным по своему существу и по своим целям с дисциплинарным батальоном применительно к гражданским условиям является такое наказание, как исправительно-трудовые работы без лишения свободы, поскольку осужденный к ним, не будучи лишен свободы, как и осужденный к направлению в дисциплинарный батальон, подвергается исправительно-трудовому воздействию в целях воспитания к трудовой дисциплине, подобно тому как направление в дисциплинарный батальон преследует цель воспитания к воинской дисциплине.

На основании изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет: во изменение приговора Военного трибунала Дунайского морского пароходства от 5 февраля 1946 г. и определения Военной водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР от 5 марта 1946 г. определить наказание Затыка Ивану Леонтьевичу в виде 1 года исправительно-трудовых работ по месту работы с вычетом из заработной платы 15%.

Комментарии

I.

Ст. 16 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик предусматривают возможность пополнения пробела уголовного закона путем применения к общественно-опасному деянию, прямо не предусмотренному кодексом, статьи УК, предусматривающей наиболее сходное по роду преступление.

Могут оказаться, однако, пробелы не только в Особенной, но и в Общей части Уголовного кодекса. Советская теория уголовного права не останавливалась на этом вопросе, обращая свое внимание исключительно на применение по аналогии статей Особенной части Уголовного кодекса.

Возможность пробелов в области уголовного права (в том числе и в Общей части) и процесса предусматривается ст. 2 УПК РСФСР (и соответствующими статьями УПК других союзных республик), запрещающей «останавливать решение дела под предлогом отсутствия, неполноты или противоречия законов». Как надо полагать пробел в области Особенной части, указывается в ст. 16 УК.

В приведенном нами постановлении Пленума от 17 мая 1946 г., хотя оно и состоялось по конкретному делу, выражена общая мысль о пополнении пробела Общей части уголовного кодекса. В этом отношении указанное постановление имеет большое практическое и теоретическое значение.

В практике за последние годы Верховный суд в ряде руководящих постановлений восполнял пробелы Общей части УК. Так, в руководящем постановлении от 22 января 1942 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что осуждение в военное время лиц, совершивших уголовное преступление, к лишению свободы на срок не свыше двух лет без поражения в правах не является препятствием к призыву или мобилизации этих лиц в Советскую Армию или Военно-Морской Флот. В этих случаях «применительно» к ст. 19-2 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. (прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) исполнение приговора подлежало приостановлению со стороны суда, вынесшего приговор, до возвращения осужденного из Советской Армии или Военно-Морского Флота. В руководящем постановлении от 26 июля 1943 г. Пленум Верховного суда СССР дополнительно и опять-таки «применительно» к ст. 19-2 Основных начал разъяснил, что исполнение приговора к лишению свободы без поражения прав в военное время в отношении лиц, подлежащих призыву или мобилизации, может быть отсрочено судом, независимо от срока, на который данное лицо осуждено.

Ст. 19-2 Основных начал предусматривает особый вид условного осуждения, применяемого к военнослужащим в военное время.

Установление этого института вызывалось соображением, что справедливо и целесообразно предоставить возможность военнослужащему, совершившему преступление, загладить свою вину, проявив себя в действующей армии стойким защитником родины. «Защита отечества есть священный долг каждого гражданина», — гласит Сталинская Конституция, и выполнение этого долга должно быть всемерно предоставлено и совершившему преступление военнослужащему.

Применение особого вида условного осуждения к военнообязанным в военное время гражданскими судами не предусматривалось нашим уголовным правом. Но сходство положения военнообязанного с положением военнослужащего в смысле долга защищать свою родину с оружием в руках более чем очевидно. Общие начала советского уголовного права, выразившиеся в особом институте условного осуждения военнослужащих в военное время, вполне применимы и к военнообязанным в военное время. И руководствуясь именно этими началами, Пленум Верховного суда СССР вынес указанные руководящие постановления.

Заслуживает внимания и постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 января 1943 г. Этим постановлением указывалось на возможность досрочного освобождения лиц, отбывших наказание, от поражения в правах, препятствующего призыву в Советскую Армию или Военно-Морской Флот. Мотивировал свое постановление Пленум тем соображением, что в условиях Великой Отечественной войны было бы явно нецелесообразно лишать возможности выполнить свой воинский долг тех, кто по возрасту подлежит призыву или мобилизации и кто отбыл наказание за преступления, не представляющие исключительной общественной опасности, тем более что, как общее правило, эти лица сами выражают желание пойти на фронт и тем загладить свою вину перед родиной. Вместе с тем Пленум обосновал и юридически свое постановление, сославшись на ст. 8 УК РСФСР и соответствующие статьи УК и УПК других союзных республик, которыми он руководствовался.

Наши уголовные кодексы не предусматривают досрочного освобождения от наказания. Статья 8 УК имеет в виду освобождение от наказания судом, вынесшим обвинительный приговор (см. ст. 326 п. 2 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). В качестве предпосылки для освобождения от наказания в ст. 8 указывается на факт изменившейся социально-политической обстановки и на изменения в самой личности осужденного, дающие возможность не считать его более общественно-опасным. Эти предпосылки сохраняют свою силу и в тех случаях, когда встает вопрос о досрочном освобождении от наказания в виде поражения прав, отбываемого осужденным. Полное сходство в фактическом положении давало право Пленуму Верховного суда СССР обосновать досрочное освобождение от правопоражений и дать судам соответствующее руководящее указание. Это вполне соответствует общим началам советского уголовного законодательства по вопросу о применении наказания, по вопросу о задачах специального и общего предупреждения.

Мы могли бы привести и некоторые другие примеры из практики руководящих указаний Пленума Верховного суда СССР по этому вопросу. Но и приведенных примеров вполне достаточно, чтобы установить, что постановление Пленума от 17 мая 1947 г. лишь теоретически обобщает и обосновывает сложившуюся уже

судебную практику. Мы остановимся только на одном руководящем постановлении Пленума от 12 июля 1946 г.

II.

В постановлении от 17 мая 1946 г. большое значение уделено анализу юридической природы такой меры наказания, как направление в дисциплинарный батальон. В постановлении были отмечены специфические черты этой меры, и, учитывая именно эти черты, Пленум пришел к заключению, что наиболее сходным с дисциплинарным батальоном по своему существу и по своим задачам является такая мера наказания, как исправительно-трудовые работы.

Эти положения были высказаны Пленумом Верховного суда СССР в постановлении по конкретному делу. Но вскоре в руководящем уже постановлении от 12 июля 1946 г. по вопросу о порядке дальнейшего отбывания наказания подлежащих демобилизации лиц, отбывающих наказание в дисциплинарном батальоне, Пленум воспроизвел ту характеристику дисциплинарного батальона как меры наказания, которая была дана в постановлении от 17 мая 1946 г. Как в первом, так и во втором случае специфические черты дисциплинарного батальона как меры наказания и сходство этой меры наказания с такой мерой наказания, как исправительно-трудовые работы, дали, исходя из общих начал советского уголовного права, возможность Верховному суду СССР вполне удовлетворительно пополнить пробел в Общей части УК.

Руководящее постановление от 12 июля 1946 г. содержит следующее указание:

«Согласно Положению о дисциплинарном батальоне, последний является особой воинской частью, в которой в установленных случаях могут содержаться только военнослужащие рядового и сержантского состава. Поскольку, с другой стороны, пребывание в дисциплинарном батальоне не является обстоятельством, дающим основание для отмены или даже отсрочки демобилизации, следует признать, что лица, подлежащие демобилизации, для которых тем самым прекращается состояние на военной службе, не могут оставаться в дисциплинарном батальоне.

Наиболее сходным с дисциплинарным батальоном наказанием применительно к гражданским условиям являются исправительно-трудовые работы, которые преследуют цель воспитания осужденного к трудовой дисциплине, подобно тому, как направление в дисциплинарный батальон, не будучи видом лишения свободы, преследует цель воспитания к воинской дисциплине. Поэтому неотбытый срок наказания в дисциплинарном батальоне в отношении лица, подлежащего демобилизации, должен быть заменен исправительно-трудовыми работами по месту работы на тот же срок, который, однако, не может превышать одного года в силу ст. 30 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик».

НЕДОПУСТИМОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛОГИИ ПО СУБЪЕКТУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Руководящее постановление Пленума Верховного суда Союза ССР
от 29 ноября 1946 года.

По приговору Военного трибунала Винницкой ж. д. от 16 мая 1946 г. Ткаленко был осужден по ст. ст. 7 и 105 ч. I УК УССР к одному году лишения свободы без поражения в правах.

Ткаленко признан виновным в том, что, работая поездным кочегаром депо Жмеринка, он 22 февраля 1946 г. на станции Проскурово во время стоянки паровоза, в отсутствие паровозного машиниста разрешил незаконный проезд на тендере паровоза от ст. Проскуров до ст. Жмеринка одиннадцати пассажирам, получив от них 220 руб., которые присвоил.

Определением Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 28 июня 1946 г., вынесенным по кассационной жалобе осужденного, приговор был отменен и дело в уголовном порядке прекращено по тем основаниям, что Ткаленко, не являясь должностным лицом, не мог нести ответственность по ст. 105 УК УССР, карающей за получение взятки.

Считая это определение Коллегии необоснованным, Генеральный прокурор СССР внес по делу протест в Пленум Верховного суда Союза ССР.

Обсудив протест, Пленум Верховного суда СССР считает необходимым отметить следующее:

Ст. 105 УК УССР, (ст. 117 УК РСФСР и соответствующие им статьи УК других союзных республик), устанавливая уголовную ответственность за получение взятки, указывает в качестве субъекта этого преступления должностное лицо. Поскольку закон ограничивает круг лиц, ответственных за то или иное преступление, распространение такой ответственности путем аналогии на лиц, не указанных в законе, является неправильным. Согласно ст. 7 УК УССР (ст. 16 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик) в тех случаях, когда то или иное общественно-опасное деяние прямо не предусмотрено Уголовным кодексом, должна применяться по аналогии статья кодекса, предусматривающая ответственность за наиболее сходное по роду преступление. Это требование закона, однако, предполагает, что в применяемой по аналогии статье Уголовного кодекса не содержится специальных указаний, прямо ограничивающих круг ее применения. В последнем случае применение статьи Уголовного кодекса к деяниям, которые наряду со сходными с данной статьей элементами состава содержат элементы, специально исключенные этой статьей из сферы ее применения, представляет собой уже не применение аналогии, а неправильное применение закона вопреки ограничению, указанному в самом законе. В связи с этим недопустима аналогия по субъекту преступления, поскольку закон,

устанавливая специального субъекта, тем самым исключает из сферы своего применения всех иных лиц, лишенных свойств данного специального субъекта. Поэтому следует признать, что и статья УК, предусматривающая уголовную ответственность за получение взятки должностным лицом, устанавливая, таким образом, в качестве специального субъекта должностное лицо и исключая тем самым из-под действия этой статьи всех иных лиц, не может быть путем аналогии применена к недолжностным лицам. Ввиду изложенного Военная железнодорожная коллегия правильно отвергла в действиях кочегара Ткаленко, не являющегося должностным лицом, наличие ст. ст. 7 и 103 УК УССР, т. е. получение взятки по аналогии.

Однако, с другой стороны, коллегия без достаточных оснований признала, что в действиях Ткаленко вообще отсутствует состав какого-либо преступления.

Обращаясь к действиям, инкриминируемым Ткаленко, и не касаясь обоснованности обвинения по существу, следует отметить, что как суд первой инстанции, так и коллегия, сосредоточив свое внимание на вопросе о получении Ткаленко взятки, упустили из виду, что Ткаленко инкриминируется совершение за взятку такого нарушения трудовой дисциплины, которое само по себе влечет уголовную ответственность. Разрешение работником железнодорожного транспорта проезда на тендере паровоза посторонним лицам, к тому же в таком значительном количестве, как это инкриминируется по данному делу, представляет собой такое нарушение трудовой дисциплины, которое влечет угрозу правильности и безопасности движения, а тем самым и уголовную ответственность по ст. 56-3 «а» ч. I УК УССР (ч. I ст. 59-3 «в» УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Поэтому, признав Ткаленко виновным в совершении указанных выше действий, суд, неосновательно применив к нему ст. ст. 7 и 105 УК УССР, вместе с тем также неосновательно не поставил на свое обсуждение вопроса о направлении дела на следствие для предъявления Ткаленко обвинения по ч. I ст. 56-3 «а» УК УССР. Равным образом и коллегия, правильно отвергнув обвинение по ст. ст. 7 и 105 УК УССР, необоснованно прекратила дело за отсутствием состава преступления.

Вместе с тем, судя по материалам дела, оно было расследовано с недостаточной полнотой.

Из материалов дела видно, что согласно обвинительному заключению к уголовной ответственности за получение взятки привлекался не только кочегар Ткаленко, но и машинист Турко и помощник его Кузевич. Основанием для привлечения последних послужили показания Ткаленко о том, что деньги с пассажиров он собрал по предложению Турко и поделился этими деньгами с указанными лицами. Затем по постановлению военного прокурора дело в отношении Турко и Кузевича по ст. 105 УК УССР было производством прекращено по тем основаниям, что обвинение их

основано только на оговоре Ткаленко, не подтвержденном другими материалами дела. В связи с этим, согласно составленному прокурором обвинительному акту, суду был предан только один Ткаленко.

Такое решение вопроса явилось результатом неправильного представления о том, что ответственность за получение взятки покрывает собой ответственность за преступные действия, совершенные за взятку. Получение взятки должностным лицом карается независимо от законности или незаконности его действий, обусловленных получением взятки. Отсюда следует, что в тех случаях, когда должностное лицо совершает за взятку действие, содержащее состав преступления, это должностное лицо подлежит уголовной ответственности не только за получение взятки, но и по правилам реальной совокупности за то преступное действие, которое им за взятку было совершено. Равным образом, исключение по каким-либо основаниям обвинения во взяточничестве не устраняет ответственности лица за совершенные им преступные действия, если бы даже отпало обвинение в том, что оно их совершило за взятку. Поэтому, независимо от основательности прекращения дела по обвинению Турко в получении взятки, орган следствия, а затем и суд упустили из виду, что проезд пассажиров на тендере паровоза не мог не обратить на себя внимания Турко, который как машинист являлся ответственным за распорядок на паровозе. Сам Турко не отрицал, что он видел проезжавших на тендере паровоза пассажиров. При этих условиях освобождение Турко от ответственности по обвинению в получении взятки не освобождало его от ответственности по уже приведенным основаниям за допущение проезда посторонних лиц на паровозе.

Однако само прекращение дела в отношении Турко по обвинению во взяточничестве было допущено слишком поспешно—без достаточного исследования всех обстоятельств дела. Представляется мало правдоподобным, чтобы кочегар Ткаленко, 1928 г. рождения, работавший на транспорте всего несколько месяцев (с сентября 1945 г.), мог успешно провести операцию провоза пассажиров на паровозе на глазах у машиниста, ответственного за порядок на паровозе. Затем, как видно из постановления следователя (л. д. 33), при задержании Ткаленко у него был обнаружен 121 рубль, тогда как по материалам дела было собрано 220 рублей. Так как деньги были получены в момент отправки паровоза из Проскурова, а Ткаленко был задержан в Жмеринке и, таким образом, не мог их израсходовать, указанные обстоятельства свидетельствуют, что часть полученных денег была передана другим лицам, что косвенно подтверждает версию Ткаленко. Все указанные обстоятельства подлежали более тщательному и углубленному расследованию.

Судебная практика показывает, что по делам о взяточничестве, в частности на железнодорожном транспорте, лица, фактически получившие вознаграждение, нередко являются лишь по-

средниками по передаче взятки лицу, которое в силу своего служебного положения выполняет действия, обусловленные взяткой. Между тем, органы следствия и суда, не углубляя в ряде случаев исследования обстоятельств дела, ограничиваются привлечением к ответственности лиц, непосредственно получивших вознаграждение от взяткодателя, не выявляя основных виновников. В результате такого извращения перспективы по делу привлекаются к ответственности и осуждаются за получение взятки лица, виновные в посредничестве во взяточничестве по ст. 118 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, тогда как основные виновники, получившие взятку и выполнившие за нее в интересах взяткодателя те или иные действия, связанные со служебным положением, ускользают от ответственности, хотя именно они должны были бы нести ответственность за получение взятки и, по совокупности, за совершенные ими за взятку действия, если последние содержат состав преступления.

Исходя из всего вышеизложенного и из приведенного выше анализа материалов дела, следует признать, что по этому делу имелись основания для привлечения к ответственности Ткаленко за передачу взятки по ст. 106 УК УССР и машиниста Турко, являющегося должностным лицом и отвечавшего за распорядок на паровозе, за получение взятки и нарушение трудовой дисциплины, угрожавшее безопасности движения, т. е. по совокупности по ст. 105 ч. I и 56-3 «а» ч. I УК УССР.

При всех указанных обстоятельствах дело надлежало бы обратить к доследованию. Учитывая вместе с тем, что с момента инкриминируемого события прошло значительное время и доследование дела не может быть обеспечено надлежащей полнотой, что ввиду отсутствия тяжелых последствий и исходя из имеющихся в деле положительных характеристик Ткаленко и Турко они не могут рассматриваться как лица, представляющие в настоящий момент общественную опасность, что при всех указанных условиях дальнейшее производство по делу представляется явно нецелесообразным, — Пленум Верховного суда СССР постановляет:

1. Приговор Военного трибунала Винницкой ж. д. от 16 мая 1946 г. и определение Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 28 июня 1946 г. по делу Ткаленко Леонида Васильевича отменить и дело это, на основании ст. 5 УПК УССР, производством прекратить.

2. Учитывая, что вопросы, разрешенные в настоящем постановлении, имеют серьезное значение для судебной практики, на основании статьи 75 Закона о судеустройстве принять это постановление в качестве руководящего указания судебным органам.

Комментарии

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 29 ноября 1946 г. по делу Ткаленко Л. В. содержит в себе решение ряда

вопросов, имеющих существенное значение для нашей судебной практики.

Это постановление Пленума Верховного суда поднимает прежде всего вопрос о пределах законного использования судом предоставленного ему действующим уголовным законодательством права применения статей Особенной части Уголовного кодекса по аналогии. Ткаленко Л. В., не будучи должностным лицом (он был железнодорожным рабочим — кочегаром паровоза), был осужден по аналогии за взяточничество. Военная железнодорожная коллегия Верховного суда, рассматривавшая это дело по кассационной жалобе осужденного, признала неправильным применение судом в этом случае аналогии. Генеральный прокурор СССР не согласился с этим и принес протест на это определение коллегии в Пленум Верховного суда. Всему постановлению пленума Верховного суда по этому делу придано, в порядке ст. 75 Закона о судостроительстве, значение руководящего указания для наших судебных органов. Поэтому, в частности, и решение Пленума по вопросу о применении аналогии, содержащееся в настоящем постановлении, приобретает значение руководящего указания для наших судов. Для применения аналогии согласно ст. 16 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик требуется, чтобы общественно-опасное действие прямо не было предусмотрено в Особенной части Уголовного кодекса. Однако из анализа постановлений Особенной части Уголовного кодекса в целом ряде случаев можно сделать определенный вывод о том, какие действия по Уголовному кодексу не могут быть признаны общественно-опасными. Так, если ст. 175 УК РСФСР определяет уголовную ответственность за умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам, то, очевидно, отсюда нужно сделать вывод, что действующий уголовный закон сознательно не считал необходимым признавать общественно-опасным совершение тех же действий и по неосторожности. В этом смысле Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР неоднократно выносила определения. Так, например, в определении от 7 июня 1943 г. по делу Васильевой Судебная коллегия указала: «неосторожное обращение с огнем нельзя было квалифицировать по аналогии со ст. 175 УК, предусматривающей ответственность за умышленные действия. Следует признать, что всегда, когда уголовный закон признает общественно-опасными соответствующие действия лишь при наличии определенных ограничительных условий, то при отсутствии этих условий те же действия не могут быть признаны общественно-опасными, преступными». В связи с делом Ткаленко перед Пленумом Верховного суда встал вопрос о возможности применения статей Особенной части УК путем аналогии по субъекту преступления. Для состава целого ряда преступлений уголовный закон требует особых качеств субъекта: так, субъектом, исполнителем воинского преступления, может быть военно-

служащий или лицо, приравненное к нему законом в случаях уголовной ответственности; при установлении ответственности за должностное преступление необходимо, чтобы его субъектом, исполнителем, было должностное лицо; при определении ответственности за нарушения работниками транспорта по ст. 59-3в необходимо, чтобы субъектом совершенного преступления был работник транспорта и т. д. Совершение таких же действий лицом, не обладающим теми особыми качествами, которые требует закон для субъекта данного преступления, не может караться по аналогии по этим статьям Уголовного кодекса. Поэтому Пленум Верховного суда СССР в постановлении по данному делу с полным основанием пришел к выводу, что «недопустима аналогия по субъекту преступления, поскольку закон, устанавливая специального субъекта, тем самым исключает из сферы своего применения всех иных лиц, лишенных свойств данного специального субъекта». Исходя из этого принципиального положения, Пленум Верховного суда сделал правильный вывод и по конкретному делу, бывшему предметом его рассмотрения: Ткаленко не мог быть привлечен к уголовной ответственности по аналогии за получение взятки, так как субъектом получения взятки может быть по закону лишь должностное лицо.

Не может быть применена статья Особенной части по аналогии и тогда, когда соответствующее действие прямо предусмотрено другой определенной статьей Особенной части УК. Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении по настоящему делу указал, по какой статье следует квалифицировать преступление Ткаленко. На ошибочность использования в таких случаях аналогии для квалификации совершенного преступления неоднократно указывал Пленум. В частности, ошибочным является использование аналогии для применения более сурового наказания за совершенное преступление сравнительно с санкцией той статьи, которая непосредственно предусматривает данное преступление. В этом отношении можно указать на постановление Пленума Верховного суда СССР от 11 октября 1946 г. по делу Шуваева, совершившего покушение на изнасилование и затем убийство потерпевшей. Пленум отказался квалифицировать эти действия по аналогии с бандитизмом (ст.ст. 16-59-3). «По прямому смыслу ст. 16 УК РСФСР аналогия может быть применена только в том случае, если данное действие или бездействие прямо не предусмотрено Уголовным кодексом. В данном конкретном случае действие Шуваева, как оно изложено в приговоре, представляет собой покушение на изнасилование малолетней и убийство, совершенное с целью сокрытия этого преступления. Эти действия прямо предусмотрены ст.ст. 19-151 и 136 п. «г» УК РСФСР. Поэтому по данному делу отпадает необходимость применения аналогии. Равным образом не может быть признано существенным указание протеста на то, что действия Шуваева

отличались особой жестокостью. В законе нигде не указано, что убийство, совершенное с особой жестокостью, может быть признано бандитизмом. С другой стороны, применение аналогии только с целью использовать таким путем возможность назначения более высокого наказания является нарушением закона и выходит за пределы правила, изложенного в ст. 16 УК РСФСР, устанавливающей пределы применения аналогии». Постановление Пленума от 28 февраля 1947 г. отвергло квалификацию по ст.ст. 16 и 59-3 УК РСФСР действий Раврушко, выразившихся в покушении на убийство охранявшего его бойца с целью совершения побега из места заключения, и квалифицировало все совершенное по ст.ст. 19 и 136 п. «г» УК РСФСР.

Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении по делу Ткаченко специально отмечает недостаточную расследованность всего дела и необоснованное прекращение уголовного преследования за получение взятки в отношении машиниста, который по своему положению является должностным лицом. В связи с этим Пленум дает общие указания и о порядке квалификации действий недолжностных лиц, которые являются посредниками или иными соучастниками в получении взятки должностным лицом. Если ошибочно привлекать к уголовной ответственности недолжностное лицо по аналогии за преступление, которое требует в качестве исполнителя должностное лицо, то вполне возможно конструировать уголовную ответственность за соучастие частного (недолжностного) лица в должностном преступлении. Посредничество в получении взятки, как особый вид соучастия, предусмотрено в качестве специального состава преступления в нашем уголовном законодательстве (ст. 118 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Постановление Пленума по настоящему делу специально обращает внимание на порядок квалификации тех случаев взятничества на железнодорожном транспорте, с которыми часто сталкивается судебная практика, когда лицо, фактически получившее взятку, является вместе с тем посредником по передаче взятки должностному лицу, выполняющему в силу своего служебного положения действия в интересах дающего взятку. Нередко органы следствия и суда при этом обращают внимание исключительно на лиц, непосредственно получивших вознаграждение, и не выявляют главных виновников, совершающих за взятку соответствующее действие по службе. Ответственности в этих случаях должны подлежать и должностные лица, совершающие соответствующие действия по службе в интересах дающего взятку, и лица, которые выступают в качестве посредников в передаче взятки должностному лицу. Постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Ткаченко оставляет открытым вопрос о порядке квалификации тех случаев, когда должностное лицо по просьбе другого лица, получившего за это соответствующее воз-

награждение, совершает то или иное нарушение своих служебных обязанностей в интересах лица, давшего вознаграждение, не получая сам при этом каких-либо материальных выгод. В этих случаях посредник подлежит уголовной ответственности за соучастие в совершенном должностным лицом преступлении. В тех случаях, когда такой посредник сам является должностным лицом и за вознаграждение использует свое служебное положение для того, чтобы добиться от другого должностного лица соответствующих действий по службе, он должен сам отвечать и за взяточничество.

Важное указание постановление Пленума Верховного суда по делу Ткаленко дает и о порядке квалификации действия должностного лица, принявшего взятку и совершившего за нее соответствующее действие по службе. Взяточничество влечет за собой уголовную ответственность во всех случаях, независимо от того, совершило ли должностное лицо за взятку какое-либо действие или нет, было ли совершенное за взятку действие законным или незаконным. В тех случаях, когда должностное лицо за взятку совершает незаконное действие, злоупотребляя своим служебным положением, все совершенное надлежит квалифицировать как совокупность преступлений — взяточничества и соответствующего должностного преступления, совершенного из корыстных побуждений. Поэтому и при прекращении уголовного преследования за получение взятки ввиду недоказанности обвинения вовсе не должно механически быть прекращено обвинение за совершение должностным лицом другого преступления по службе, совершенного в интересах тех или иных лиц. Постановление Пленума по настоящему делу содержит специальное указание о том, что несомненно был вовсе освобожден от уголовной ответственности машинист паровоза Турко, который видел, как ехали пассажиры на тендере паровоза, и который вместе с тем является ответственным за общий распорядок на паровозе. Освобождение Турко от ответственности за получение взятки в силу недоказанности этого обвинения вовсе не должно было влечь за собой освобождение его от ответственности за допущение проезда посторонних лиц на паровозе.

Практически важный вопрос поставлен и разрешен в постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Ткаленко и о порядке ответственности работника транспорта за нарушение из корыстных мотивов трудовой дисциплины. Нарушение работником транспорта трудовой дисциплины влечет за собой всегда уголовную ответственность, если оно повлекло или могло бы повлечь тяжелые последствия, указанные в ст. 59-3 «в» УК РСФСР и в соответствующих статьях других союзных республик. Поэтому, когда работник транспорта, даже не будучи должностным лицом, совершает такого рода нарушение трудовой дисциплины за приня-

тие вознаграждения, то, если он и не может быть привлечен к уголовной ответственности ни за взяточничество, ни за посредничество во взяточничестве, все же этим еще не исключается возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 59-3 «в» УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Такое нарушение трудовой дисциплины и имело место в действиях Ткаленко. Поэтому постановление Пленума Верховного суда СССР по настоящему делу указывает, что, признав Ткаленко виновным в нарушении трудовой дисциплины, суд неосновательно не поставил перед собой вопроса о необходимости направления дела на следствие для предъявления Ткаленко обвинения по ч. 1 ст. 56-3 «а» УК УССР (59-3 «в» УК РСФСР). В силу этого Пленум Верховного суда СССР признал, что железнодорожная военная коллегия, правильно отвергнув обвинение Ткаленко по аналогии во взяточничестве, неосновательно пришла к выводу, что в действиях Ткаленко вовсе отсутствует состав преступления.

ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИЗА СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДЛЯ ЕГО ПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Постановление Пленума Верховного суда Союза ССР от 10 января 1947 г.

По приговору народного суда 1-го участка Ленинского района гор. Москвы от 10 октября 1945 г. Егорова была осуждена по ст. 142 ч. 2 УК РСФСР к лишению свободы сроком на шесть лет без поражения в правах.

По обстоятельствам дела можно считать установленным следующее:

14 сентября 1945 г. в первой половине дня Егорова услышала во дворе дома, где она проживала (дом № 14 по 5-му Донскому переулку г. Москвы), плач своей четырехлетней дочери Светланы. Егорова вышла во двор и увидела, как ее дочь били два мальчика. Один из них убежал, а другой, Женя Самсонов 5 лет, отошел к окну комнаты, в которой он проживал вместе со своими родителями. Егорова схватила его и отодрала за уши; когда же он ударил ее по ноге своим игрушечным ружьем, она ударила его одной или два раза рукой по голове (отец и мать ребенка показывают об одном ударе, свидетели Свиридов и Сыромятников — о двух). На голове ребенка была одета шапка — суконный солдатский шлем. Никаких признаков причинения какого-либо ущерба здоровью Жени Самсонова его родители ни в этот день, ни в следующий не заметили, за исключением того, что на следующий день ребенка сильно клонило ко сну. Однако этому обстоятельству они не придали никакого значения и брали мальчика с собой на огород, куда ездили для уборки картофеля. 16 сен-

тября у мальчика резко поднялась температура. Мать объяснила это тем, что, возможно, на огороде он проглотил сырую картошку. С диагнозом врача о пищевой интоксикации ребенок был направлен в больницу, где на следующий день, 17 сентября, скончался. Судебно-медицинское вскрытие трупа установило, что смерть последовала от перелома обеих теменных костей с точечным кровоизлиянием под мягкую мозговую оболочку и сотрясением мозга. Согласно заключению эксперта, эти повреждения могли получиться от удара по голове тупым твердым предметом, возможно рукой, сжатой в кулак, или даже просто ладонью со значительной силой.

Определением Московского городского суда от 23 октября 1945 г. указанный приговор народного суда, обжалованный защитником осужденной, был оставлен в силе.

Принесенный председателем Верховного суда СССР в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР протест, в котором указывалось на неправильную квалификацию совершенного Егоровой деяния, был отклонен определением Коллегии от 22 июня 1946 г.

Как приговор народного суда, так и последующие судебные определения являются неправильными.

Для состава преступления, предусмотренного ст. 142 УК РСФСР, должно быть установлено умышленное нанесение виновным тяжкого телесного повреждения, которое повлекло за собой смерть потерпевшего. Эти признаки в действиях Егоровой отсутствуют.

Для правильной квалификации учиненного Егоровой деяния необходимо проанализировать его объективную и субъективную стороны.

Нанесение Егоровой ударов по голове Жене, несмотря на ее категорическое отрицание, подтверждается рядом свидетельских показаний очевидцев. Вопрос о том, явилось ли тяжкое повреждение головы мальчика результатом нанесения этих ударов, должен быть разрешен положительно на основании приведенного заключения судебно-медицинской экспертизы. Предположение о том, что травма черепа могла явиться результатом падения ребенка и удара его головой о железные предметы, находившиеся на дворе, мало вероятно, так как, согласно заключению экспертизы, хотя месторасположение трещин свода черепа и могло получиться при падении на какой-либо тупой, твердый предмет, но, однако, «лишь при условии падения строго вниз головой, что в детском возрасте бывает исключительно редко».

Следует признать правильным вывод народного суда о том, что установленное судебно-медицинским вскрытием опасное для жизни повреждение черепа мальчика явилось результатом нанесенных ему Егоровой ударов по голове. Признание, что опасное для жизни повреждение черепа ребенка стоит в причинной связи с нанесенными ему Егоровой ударами, должно означать, что и

наступившее последствие — смерть Жени Самсонова также стоит в причинной связи с нанесенными ему ударами. То обстоятельство, что вследствие ошибочного диагноза не было применено правильное лечение, которое, может быть, могло бы дать благоприятный результат, не устраняет причинной связи между действиями Егоровой и смертью Жени Самсонова, ибо действия Егоровой создали реальную возможность наступления смерти ребенка. Таким образом, следует признать, что не только тяжкое повреждение головы ребенка, но и его смерть явились результатом действий Егоровой.

Не вызывает сомнений, что удар Егоровой по голове Жене Самсонову был нанесен умышленно. Об этом свидетельствуют все обстоятельства дела. Это, однако, еще не означает, что и само тяжкое телесное повреждение Жене Самсонову было причинено умышленно, как это признали народный суд, Московский городской суд и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР. Для признания этого было бы необходимо согласно ст. 10 УК РСФСР установить, что, нанося удар мальчику, Егорова предвидела, что последствием удара может быть причинение мальчику тяжкого телесного повреждения и что она желала этого или сознательно его допускала. Обстоятельства дела свидетельствуют о том, что ни прямого, ни эвентуального умысла на причинение тяжкого телесного повреждения в действиях Егоровой не было. Удар был нанесен ею по голове Жене Самсонову без использования какого-либо орудия, что могло бы свидетельствовать о намерении причинить тяжкое телесное повреждение. Удар был нанесен ею голой рукой, хотя, может быть, и сжатой в кулак, но как можно судить по заключению медицинской экспертизы, он не был нанесен с такой силой, когда сила удара сама по себе могла бы свидетельствовать о наличии у Егоровой предвидения возможности причинения опасного для жизни телесного повреждения потерпевшему. О том, что нанесенный Егоровой удар Жене Самсонову не носил такого характера, свидетельствует и то, что во время всего происшествия ни у родителей ребенка, ни у очевидцев действий Егоровой не было какой-либо тревоги за его возможные последствия для здоровья или жизни потерпевшего. По заключению экспертизы, удар рукой по голове ребенка может вызвать различные последствия, вплоть до весьма легких в виде кровоизлияния от ушиба. Характер этих последствий зависит от конституции ребенка, перенесенного рахита или каких-либо инфекционных заболеваний. С силу этого следует признать, что у суда не было никаких оснований для признания, что Егорова умышленно причинила Жене Самсонову тяжкое телесное повреждение. Такое решение народного суда, подтвержденное определениями Московского городского суда и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР, не вытекает из материалов дела.

Однако если Егорова в действительности и не предвидела возможности причинения ею тяжкого телесного повреждения, то

тем не менее по всем обстоятельствам дела (возраст ребенка, известное ей его слабое физическое здоровье) она обязана была с большей осмотрительностью относиться к возможным последствиям своего поведения. Если она не предвидела последствий своих действий, то все же должна была предвидеть, что нанесение ребенку удара по голове может иметь для него серьезные последствия. По прямому смыслу ст. 10 УК РСФСР следует признать, что она действовала неосторожно. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, не проанализировав внимательно субъективной стороны совершенного Егоровой преступления, некритически повторила мотивы определения Московского городского суда по настоящему делу. В определении коллегии сказано, что ссылка на то, что в действиях Егоровой не было умысла, «опровергается материалами дела, в частности даже тем, как это правильно указано в определении Московского городского суда, что Егорова, первый раз наказав Женю, возвратилась и вторично нанесла ему удар по голове, после того как он ее ударил игрушечным ружьем по ноге. Учитывая возраст и состояние ребенка, она должна была предвидеть последствия своих действий». Определение Судебной коллегии Верховного суда СССР по настоящему делу пользуется формулой неосторожной вины («должна была предвидеть») для утверждения своего положения о наличии в действиях Егоровой признаков умышленного тяжкого телесного повреждения. Коллегия должна была в совершенном Егоровой преступлении различать между ее действием — нанесением удара — и наступившими последствиями — тяжким телесным повреждением. Хотя удар ребенку и был нанесен Егоровой умышленно, но тем не менее умысел ее не простирался на наступившие в действительности последствия (опасное для жизни телесное повреждение, смерть потерпевшего). Поэтому в ее действиях нет необходимых субъективных признаков для квалификации совершенного ею преступления по ст. 142 ч. 2 УК РСФСР. Егорова, нанося умышленно удар мальчику, вместе с тем по неосторожности причинила ему опасное для жизни телесное повреждение, повлекшее в дальнейшем его гибель. Вместе с тем, если признать, что Егорова должна была сознавать, что от ее действий могло наступить опасное для жизни Жени Самсонова телесное повреждение, она должна была сознавать и возможность его гибели. Поэтому необходимо сделать вывод, что она должна подлежать уголовной ответственности не только за неосторожное причинение тяжкого телесного повреждения, — Егорова должна подлежать уголовной ответственности за неосторожное лишение жизни Жени Самсонова, и поэтому совершенное ею преступление должно быть квалифицировано по ст. 139 УК РСФСР.

На основании изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 22 июня 1946 г. по делу Егоровой Нины

Федоровны отменить. Переквалифицировать ее действия с ч. 2 ст. 142 УК РСФСР на ст. 139 того же УК, определив ей наказание в три (3) года лишения свободы в исправтрудлагерях без поражения в правах с зачетом времени, отбытого под стражей.

Приложение 1

Заключение судебно-медицинского эксперта

Народному суду 1-го участка Ленинского района
г. Москвы

1945 г. ноября 9 дня, я, судебно-медицинский эксперт г. Москвы Веселитский Мих. Алд-рович, ознакомившись с материалами предварительного следствия и заслушав судебное следствие по делу обвинения Егоровой Н. Ф. по ст. 142 части 2 Уголовного кодекса, прихожу к следующему:

1. Смерть мальчика Самсонова Жени 5½ лет последовала от перелома теменных костей при наличии явлений сотрясения мозга с точечными кровоизлияниями под мягкую мозговую оболочку.

2. Указанные повреждения черепа по тяжести своей должны считаться тяжкими, угрожающими жизни, и были получены от удара по голове тупым твердым предметом, вполне возможно, рукой, сжатой в кулак, или даже просто ладонью со значительной силой.

3. На основании описания расположения трещин теменных костей, а именно поперек свода от прямого теменного бугра через стреловидный шов к левому бугру, я считаю, что местом приложения силы тупого предмета является область стреловидного шва между теменными буграми, т. е. что называют на бытовом языке макушка или темечко.

4. Такая локализация, т. е. месторасположение трещин свода черепа, могла получиться при падении на какой-либо тупой, твердый предмет лишь при условии падения строго вниз головой, что в детском возрасте бывает исключительно редко.

5. Клиническая картина течения повреждений костей черепа и даже вещества головного мозга, имея в виду анатомические и функциональные особенности мозга как органа центральной нервной системы и интеллектуальной способности человека, — картина даже самых тяжелых смертельных повреждений клинически в большинстве случаев в детском возрасте протекает значительно легко, с малой симптоматикой, а поэтому сама диагностика этих повреждений крайне затруднительна, и часто лечащие врачи в подобных случаях у ребят устанавливают другие заболевания, как пищевую интоксикацию, воспаление брюшины, инфекционное заболевание и пр.

Своевременная же верная диагностика травматических повреждений костей черепа и мозга среди небольшого количества

детских хирургов обычно дает очень высокий процент выздоровления больных детей, так как у детей лечение и заживание таких повреждений протекает весьма благоприятно, чего почти никогда не наблюдается у взрослых.

6. В данном случае (смерть Жени Самсонова) прижизненная диагностика заболевания была неверной, а потому и пособия и лечение были неправильными. Это явление не следует расценивать, как небрежность или халатность врачей детской Образцовой больницы уже по вышеизложенным соображениям и на основании большого и многолетнего опыта моей работы. Здесь была очередная диагностическая ошибка, и если бы диагноз у Жени Самсонова был поставлен своевременно и правильно, то есть основание полагать, что, возможно, имел бы место благоприятный исход.

На вопрос прокурора, какая сила удара могла причинить перелом костей черепа Жени Самсонова, а также и на вопрос адвоката, могли ли получиться повреждения кожи черепа от удара ладонью, ответ мною дан в пункте 2 настоящего заключения.

Поздняя потеря сознания, а также позднее появление рвоты после полученной травмы головы, т. е. через 1, 1½ суток, не могут объясняться только величиной силы удара, а объясняются исключительно возрастными и биологическими особенностями анатомии и физиологии костей черепа и вещества головного мозга у детей (ответ на вопрос адвоката).

На основании данных акта судебно-медицинского исследования трупа Самсонова Жени 5½ лет не представляется возможным установить, какие болезни перенес покойный и в частности был ли у него рахит.

Рахит, или английская болезнь, — детская болезнь, вызванная неправильным обменом веществ и в частности расстройством солевого обмена, вследствие чего страдает формирование костной системы ребенка. Болезнь эта легко развивается у недоносков, слабых детей, рожденных от больных родителей, а также у детей, перенесших те или иные заболевания (детские инфекции). Кроме того, и, пожалуй, главной причиной является неправильное вскармливание, ранний прикорм и неполноценное питание ребенка в первые годы его жизни. Дети-рахитики апатичны, вялы, бледны, капризны, у них воспаленные глазки и обильное слюноотечение и выделение из носа, поздно появляются зубы, они долго не сидят и не ходят. Как правило, в силу неправильного химизма костей (нехватка минеральных солей) кости черепа, конечности и грудной клетки мягкие, прогибаются, а поэтому ножки кривые, грудная клетка и череп большие. Травматические повреждения костяка (перелома) легко образуются и очень медленно заживают с образованием вялой и неплотной костной мозоли.

На вопросы адвоката об условиях благоприятного исхода травматических повреждений черепа и мозга у детей мною даны ответы в пункте 5 и 6 настоящего заключения.

На вопрос, могли ли получиться у Жени Самсонова повреждения головы при падении, ответ мною дан в п. 4 этого заключения.

10 октября 1945 г.

Судебно-медицинский эксперт (подпись).

Приложение 2

Дополнительные вопросы защиты и ответы судебного эксперта

1. Вопрос: Всегда ли удар рукой, собранный в кулак, или ладонью в области «темени» влечет за собой смертельный или тяжелый исход и зависят ли указанные последствия от конституции потерпевшего?

Ответ: Удар по голове ребенка может вызвать различной тяжести повреждения (перелом костей черепа, кровоизлияния подболочки и в вещество головного мозга), а также весьма легкие исходы в виде кровопотека от ушиба.

Конституция—слабость, болезненность, рахит у потерпевшего, перенесенные им детские инфекционные болезни несомненно усугубляют последствия травмы черепа.

2. Вопрос: Перенесенные при жизни Женой Самсоновой болезни (воспаление легких, дважды корь, скарлатина с осложнением на почки и среднее ухо и др. болезни) могут говорить о слабости организма Жени Самсонова?

Ответ: По данным истории болезни и справки поликлиники, следует утверждать, что Женья Самсонов 5½ лет был ребенком болезненным, слабым, с пониженной сопротивляемостью.

3. Вопрос: Какие особенности костей черепа рахитика и их сопротивляемость при травме?

Ответ: Кости черепа у детей имеют следующие особенности: запоздалое зарастание родничков и сужение межкостных пространств—швов. При травме они легко прогибаются, т. е. хуже защищают мозг, а поэтому удары, даже по силе легкие, могут вызвать тяжелые последствия.

4. Вопрос: Потеря сознания у Жени Самсонова на вторые сутки не является ли доказательством того, что удар был нанесен с небольшой силой?

Ответ: Удар тяжелым тупым предметом с достаточной силой по голове Жени Самсонова должен был бы вызвать более ранние признаки тяжелого повреждения (потерю сознания, рвоту). В данном случае удар по голове был нанесен в область стреловидного шва черепа, повидимому с силой, которая и вызвала отраженную картину.

Комментарии

Постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Егоровой Н. Ф. имеет значение, далеко выходящее за рамки данного конкретного дела. Оно разрешает на материале конкретного дела некоторые общие вопросы уголовного права, имеющие большое и теоретическое и практическое значение. Случай в судеб-

ной практике, аналогичные делу Егоровой, — причинение тяжких последствий для здоровья человека или даже лишение его жизни в результате самих по себе относительно незначительных ударов или легких телесных повреждений — всегда вызывали большие споры вокруг вопроса об их юридической квалификации. Источники римского права свидетельствуют, что с этими трудностями сталкивались уже и римские юристы при решении вопроса о том, может ли быть вменена лицу смерть раба, которого он легко ранил, если смерть наступила в силу приводящих обстоятельств. Постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Егоровой касается понимания и причинной связи и виновности в уголовном праве.

Как известно, в юридической литературе существуют большие разногласия в оценке причинной связи в случаях нанесения удара относительно небольшой силы, повлекшего за собой смерть потерпевшего благодаря конституционным особенностям или болезненному состоянию потерпевшего. Сторонники так называемой адекватной теории причинности в этом случае отрицают наличие причинной связи между действием виновного и наступившим результатом. Для них причинная связь — суть лишь типичная связь между явлениями внешнего мира. Поскольку при нанесении относительно незначительного удара по голове не является типичным наступление смертельного исхода, постольку сторонники адекватной теории причинности не усматривали в наступлении в этих случаях смертельного исхода, обусловленного конституциональными особенностями или болезненным состоянием потерпевшего, наличия причинной связи между действием виновного и смертью потерпевшего. Такое понимание причинной связи не считается с реально существующей в действительности связью между событиями; оно рассматривает причинную связь не как объективно существующую вне нашего сознания связь между явлениями внешнего мира, а как лишь привычку нашего сознания считать за причинную связь определенную последовательность событий.

Пленум Верховного суда СССР не встал на эту чуждую нашему мировоззрению позицию идеалистического понимания причинности. Вместе с тем Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении по настоящему делу не встал на позиции механистического понимания причинности как любого из условий без которых результат не наступил бы (теория причинности, — *conditio sine qua non*). Пленум Верховного суда подчеркнул, что для ответственности за наступивший результат необходимо, чтобы действие виновного создало реальную возможность наступления данного последствия, т. е. последствие закономерно, с необходимостью из него вытекает. У суда были достаточно веские основания для признания наличия этой причинно-необходимой связи между нанесением удара Егоровой по голове мальчика и наступившим конечным результатом — его смертью. Факт нане-

сения Егоровой одного или двух ударов рукой по голове Жени Самсонова подтверждается свидетельскими показаниями, несмотря на категорическое отрицание этого самой виновной. Судебно-медицинская экспертиза дала заключение, позволяющее сделать вывод, что перелом теменных костей черепа Жени Самсонова явился результатом этих действий Егоровой: «1) Смерть мальчика Самсонова Жени 5½ лет последовала от перелома теменных костей при наличии явлений сотрясения мозга с точечным кровоизлиянием под мягкую мозговую оболочку. 2) Указанное повреждение черепа по тяжести своей должно считаться тяжким, угрожающим жизни, и оно получено от удара по голове тупым предметом, вполне возможно рукой, сжатой в кулак, или даже просто ладонью со значительной силой». В ходе судебного следствия защита выдвинула иную версию возможного происхождения повреждения черепа ребенка, а именно, что повреждение черепа явилось результатом падения ребенка и удара его головой о железные предметы, находившиеся во дворе. Эта версия не только не нашла подтверждения в заключении судебно-медицинской экспертизы, но, наоборот, им опровергается. Об этом свидетельствуют третий и четвертый пункты заключения судебно-медицинского эксперта: «3) На основании описания расположения трещины теменных костей, а именно поперек свода от прямого теменного бугра через стреловидный шов к левому бугру, я считаю, что местом приложения тупого предмета является область стреловидного шва между теменными буграми, т. е. что называется на обывательском языке макушка или темечко.

4) Такая локализация, т. е. место расположения трещин свода черепа, могла получиться при падении на какой-либо тупой, твердый предмет лишь при условии падения строго вниз головой, что в детском возрасте бывает исключительно редко». Поэтому на основании всех материалов дела суд с полным основанием имел право считать предположение защиты о возможном происхождении трещин черепа ребенка не отвечающим действительности.

Результатом нанесения Егоровой удара по голове Жене Самсонову было не только причинение ему тяжкого телесного повреждения, но и его гибель. Смерть мальчика стоит в необходимой причинной связи с нанесенным ему ранением, она явилась результатом закономерного развития возникшего заболевания. Было бы ошибочно считать, что смерть мальчика явилась результатом неправильного лечения его в больнице, а не нанесенного ему телесного повреждения. Материалы дела действительно свидетельствуют о том, что мальчику вследствие трудности диагностики мозговых заболеваний в таком возрасте был неправильно поставлен диагноз якобы желудочного заболевания. В Образцовой детской больнице, куда был помещен ребенок, этот ошибочный диагноз был подтвержден, что и определило принятие соответствующих лечебных мер. В заключении судебно-медицинского

эксперта на этот счет содержатся следующие указания: «Клиническая картина и течение повреждений костей черепа и даже вещества головного мозга... в большинстве случаев в детском возрасте протекает значительно легче, с малой симптоматикой, и поэтому сама диагностика этих повреждений крайне затруднительна, и часто лечащие врачи в подобных случаях у ребят усугубляют другие заболевания, как пищевую интоксикацию, воспаление брюшины, инфекционные заболевания и пр. Своевременная же верная диагностика травматических повреждений костей черепа и мозга среди небольшого количества детских хирургов обычно дает очень высокий процент выздоровления больных детей, так как у детей лечение и заживание таких повреждений весьма благоприятно, что почти никогда не наблюдается у взрослых. В данном случае (смерть Жени Самсонова) прижитая диагностика заболевания была неверной, а потому и пособия и лечение были неправильными... Здесь была очередная диагностическая ошибка, и если бы диагноз у Жени Самсонова был поставлен своевременно и правильно, то есть основание полагать, что, возможно, имел бы место благоприятный исход». Неправильное лечение ребенка в больнице, которое по заключению судебно-медицинской экспертизы нельзя даже рассматривать, как небрежность или халатность врачей, не устраняет необходимой причинной связи между действиями Егоровой и смертью Жени Самсонова, так как именно ее действие создало реальную возможность смерти потерпевшего. Эта реальная возможность закономерно превратилась в действительность, поскольку не было принято никаких мер для предотвращения возможности смертельного исхода от нанесенного ранения. Поэтому суд имеет основание признать, что не только ранение мальчика, но и его смерть явились результатом действий Егоровой, стояли в необходимой причинной связи с нанесением ею удара по голове мальчика.

В вопросе о квалификации действий Егоровой спорным являлась оценка субъективной стороны совершенного ею преступления. Народный суд первого участка Ленинского района г. Москвы, Московский городской суд и Судебная коллегия Верховного суда СССР считали, что все совершенное Егоровой должно быть квалифицировано по ст. 142 ч. 2 УК РСФСР, т. е. как умышленное нанесение тяжкого телесного повреждения, повлекшее смерть потерпевшего. Эта квалификация означала, что указанные судебные органы признали, что Егорова умышленно нанесла опасное для жизни Жени Самсонова телесное повреждение, повлекшее его смерть, которую она не предвидела, но по обстоятельствам дела должна была предвидеть. Пленум Верховного суда СССР признал ошибочной указанную квалификацию преступления, совершенного Егоровой. Пленум иначе расценил субъективную сторону совершенного Егоровой преступления. Не вызывает сомнений, что сам удар по голове Жене Самсонову был нанесен умышленно. Одна-

ко это вовсе не означает, что обвиняемая умышленно причинила тяжкое телесное повреждение Жене Самсонову. Именно это и было ошибочно признано судебным приговором по делу Егоровой и подтверждено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР. Для осуждения Егоровой за нанесение умышленного тяжкого телесного повреждения было необходимо, согласно ст. 10 УК РСФСР, установить, что она предвидела, нанося удар, что от этого может наступить тяжкое телесное повреждение, и желала или по крайней мере сознательно допускала наступление этого результата. Анализ всех обстоятельств дела привел Пленум Верховного суда СССР к выводу, что для такого заключения у суда не было оснований.

Действительно, для осуждения по ст. 142 УК необходимо было установить в действиях Егоровой прямой или эвентуальный умысел на причинение телесного повреждения, опасного для жизни потерпевшего. Что у нее не было при этом прямого умысла, т. е. цели причинить тяжкое телесное повреждение, достаточно ясно из всех обстоятельств дела. Целью нанесения ею ударов Жене Самсонову было наказание его для того, чтобы он впредь не обижал ее девочки. Все обстоятельства дела свидетельствуют вместе с тем и о том, что у Егоровой не было сознания возможности причинить своим ударом смертельное повреждение черепа ребенка. Удар был нанесен голый рукой, хотя возможно и сжатой в кулак; для нанесения удара она не использовала какого-либо тяжелого предмета, использование которого само по себе свидетельствовало бы о наличии у нея сознания возможности причинения тяжкого телесного повреждения. Удар рукой не был нанесен с такой силой, которая вызвала бы тревогу у очевидцев, и, прежде всего, у родителей мальчика, о его возможных тяжелых последствиях для здоровья ребенка. Поэтому удар, нанесенный Егоровой, сам по себе не был таким, чтобы нанесение его свидетельствовало, что она предвидела возможность причинения этим ребенку тяжкого телесного повреждения.

По заключению судебного эксперта удар одной и той же силы по голове ребенка может вызвать совершенно различные последствия в зависимости от конституционных особенностей ребенка и перенесенных им болезней. На вопрос адвоката о том, всегда ли удар рукой, собранной в кулак, или ладонью в области темени, влечет за собой смертельный или тяжкий исход и зависят ли эти последствия от конституции потерпевшего, судебно-медицинский эксперт ответил следующее: «Удар по голове ребенка может вызвать различной тяжести повреждения (перелом костей черепа, кровоизлияние в подболочку и вещество головного мозга), а также весьма легкие исходы в виде кровопотека от ушиба. Конституция — слабость, болезненность, рахит у потерпевшего, перенесенные им детские инфекционные болезни несомненно

усугубляют последствия травмы черепа». Из материалов дела видно, что Женя Самсонов перенес воспаление легких, дважды перенес корь, перенес скарлатину с осложнением на среднее ухо и почки и другие болезни. По данным истории болезни Жени Самсонова, судебно-медицинский эксперт сделал вывод, что он был ребенком болезненным, слабым, с пониженной сопротивляемостью. Не исключена возможность, что мальчик болел и рахитом, хотя на основании акта судебно-медицинского вскрытия трупа и не представлялось возможным установить это. Ходатайство защиты о производстве повторного судебно-медицинского исследования трупа ребенка для решения этого вопроса не было удовлетворено судом. Относительно особенностей костей черепа ребенка-рахитика судебно-медицинский эксперт указал, что они легко прогибаются, и поэтому удары, даже легкие по силе, могут вызвать тяжелые последствия. Если вопрос о том, был ли у мальчика рахит или нет, и остался открытым, то слабая сопротивляемость, перенесенные инфекционные болезни и общая болезненность мальчика являются неоспоримо установленным фактом. Не может быть сомнения, что именно они сыграли большую роль в наступлении опасных для жизни мальчика последствий от удара, нанесенного Егоровой. Что эти последствия не были предвидены Егоровой и носили скрытый характер, свидетельствует в частности и то, что они не были и впоследствии обнаружены ни врачом, приглашенным родителями к ребенку, ни врачами Образцовой детской больницы и были установлены лишь в результате вскрытия трупа ребенка.

В силу всех этих оснований Пленум Верховного суда СССР сделал вывод, что Егорова, нанося удар ребенку, не предвидела возможности наступления тех последствий, которые в действительности наступили, — причинение опасного для жизни телесного повреждения, повлекшего за собой смерть потерпевшего. Поэтому нельзя было и признать Егорову ответственной за умышленное нанесение тяжкого телесного повреждения.

По приведенным уже основаниям следует также считать ошибочным взгляд, что если у Егоровой и не было умысла на непосредственное причинение именно тяжкого телесного повреждения ребенку, то все же она действовала с неопределенным умыслом на причинение телесного повреждения, а потому должна отвечать за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения. Этот взгляд является неосновательным потому, что неопределенный умысел на причинение телесного повреждения включает в себе сознание возможности причинения любого вреда для здоровья потерпевшего, а в том числе и сознание возможности причинения тяжкого телесного повреждения. Однако анализ всех материалов дела приводит к выводу, что именно такое сознание и отсутствовало у Егоровой, когда она наносила удар по голове Жене Самсонову. Иной вывод нужно было бы сделать в тех случаях, когда, например, одно лицо уда-

ряет другое дубиной по голове с умыслом на причинение какого-либо вреда потерпевшему; если при этом он причиняет тяжкое телесное повреждение, то он отвечает за умышленное тяжкое телесное повреждение, так как возможность причинения этого вреда имелась в сознании виновного, раз он использовал для нанесения вреда здоровью потерпевшего такое оружие, как дубина.

Отвергнув наличие в действиях Егоровой умысла на нанесение тяжкого телесного повреждения, Пленум Верховного суда СССР признал наличие в ее действии неосторожной вины в отношении наступивших преступных последствий, и притом не только неосторожного причинения опасного для жизни ребенка телесного повреждения, но и неосторожного лишения его жизни. Какие материалы, имеющиеся в деле, послужили основанием для такого вывода? Если отвергнуть в действиях Егоровой умысел на причинение тяжкого телесного повреждения, то в зависимости от обстоятельств дела можно было признать, что она или по неосторожности причинила тяжкое телесное повреждение Жене Самсонову, или причиненное ею тяжкое телесное повреждение вовсе не может быть вменено ей в вину, и она не может нести уголовной ответственности. Если признать последнее, то она могла бы быть привлечена к уголовной ответственности лишь за умышленное нанесение удара, предусмотренное ст. 146 УК.

Разрешение вопроса о том, должна ли была Егорова предвидеть последствия, наступившие от нанесения ею удара, хотя она их и не предвидела в действительности, связано с решением вопроса о том, можно ли к ней предъявлять требования, чтобы она с большей осмотрительностью прибегала к своим дисциплинарным взысканиям по отношению к провинившимся перед ней чем-либо чужим детям, на что она, вообще говоря, и не имела никакого права. Пленум Верховного суда СССР в своем определении по настоящему делу положительно ответил на этот вопрос. Егорова обязана была с большей осмотрительностью относиться к возможным последствиям своих действий, особенно учитывая и возраст ребенка, и его общее болезненное состояние, и то, что свой удар она направила в голову ребенка. Поэтому, нанося умышленно удар по голове Жене Самсонову, Егорова, по мнению Пленума, хотя и не предвидела, но по всем обстоятельствам дела должна была предвидеть возможность наступления опасного для жизни потерпевшего телесного повреждения, если бы более осмотрительно относилась к своим действиям. Пленум Верховного суда СССР в анализе субъективной стороны совершенного Егоровой преступления на этом не останавливается. Если она должна была предвидеть возможность причинения в результате своих действий опасного для жизни ребенка телесного повреждения, то она должна была предвидеть и возможность наступившего в действительности конечного результата — смерти Жени Самсонова. Поэтому все совершенное Егоровой следует квалифицировать не как причинение по неосторожности тяжкого телесного поврежде-

ния, предусмотренное ст. 145 УК РСФСР, но как неосторожное лишение жизни, предусмотренное ст. 139 УК.

Определение Пленума Верховного суда СССР по делу Егоровой показывает, что при квалификации преступления нельзя руководствоваться лишь одними объективными последствиями виновно совершенного действия. Для правильной квалификации необходимо еще и внимательный анализ субъективной стороны всего совершенного преступления, необходимо установить имевшуюся в действительности форму виновности, необходимо установить психическое отношение лица к наступившим последствиям. Небрежность к субъективной стороне состава преступления означает сползание на позиции объективного вменения, чуждые нашему социалистическому уголовному праву. Невнимание к субъективной стороне состава преступления является источником нарушения социалистической законности в осуществлении правосудия.

ПОНЯТИЕ ЭВЕНТУАЛЬНОГО УМЫСЛА

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 27 сентября 1946 г.

По приговору Военного трибунала Пермской ж. д. от 13 апреля 1946 г. Сажин был осужден по ст. 182 ч. 1 УК РСФСР и по ст. 136 ч. 2 того же УК по совокупности к расстрелу.

По приговору обстоятельства дела, по которому осужден Сажин, представляются в следующем виде:

Сажин и осужденный с ним по данному же делу Оселков 18 марта 1946 г., находясь в нетрезвом состоянии, вышел на перрон вокзала ст. Пермь-III и направились к пригородному поезду. При этом Оселков допустил ряд хулиганских действий и, в частности, сорвал головной убор у одной гражданки, направляющейся на посадку к поезду, и схватил ее за грудь. Один из пассажиров вступился за эту гражданку, между ним и Оселковым началась драка, в результате которой Оселков, получив удар бидоном по голове, упал. Сажин, заметив Оселкова лежащим на земле, выхватил пистолет системы «Браунинг», стал наносить им удары по голове гражданину, дравшемуся с Оселковым, и при этом произвел 3 выстрела, которыми были убиты Назаров и Нифонтов, находившиеся в это время в тамбуре вагона № 2238 поезда № 112. Произведя затем еще 1 выстрел в воздух, Сажин пытался скрыться, но был задержан.

Рассмотрев настоящее дело в кассационном порядке по кассационной жалобе Сажина и кассационному протесту военного прокурора, Военная железнодорожная коллегия Верховного суда СССР своим определением от 30 апреля 1946 г. пере kvalificировала действия Сажина с ч. 2 ст. 136 УК РСФСР на ст. 139 того же УК и определила ему по этой статье наказание в 3 года

лишения свободы, по ст. 182 ч. 1 УК—2 года лишения свободы, а по совокупности преступлений 3 года лишения свободы без поражения в правах.

Не отвергая обстоятельства дела, как они изложены по приговору, коллегия указала, что ч. II ст. 136 УК РСФСР может быть применена только в том случае, если убийство совершено умышленно и обстоятельства, сопровождающие убийство, были особо отягчающими; в данном же случае все материалы дела свидетельствуют о том, что убийство Сажиным Назарова и Нифонтова совершено «случайно, по неосторожности», ввиду чего действия Сажина подпадают под признаки не ч. II ст. 136 УК РСФСР, а ст. 139 того же УК.

Определение коллегии подлежит отмене по следующим основаниям:

1. В определении коллегии содержится внутреннее противоречие, заключающееся в том, что действия инкриминируемые Сажину, расценены одновременно и как случайные действия, и как действия, допущенные по неосторожности.

Согласно советскому уголовному законодательству, в частности ст. 10 УК РСФСР, уголовное наказание может быть применено лишь к действиям, совершенным либо умышленно, либо по неосторожности; что же касается действий случайных, то такие действия, как исключаящие какую-либо вину, умышленную или неосторожную, вообще не могут влечь уголовной ответственности. Поэтому, если коллегия признала действия Сажина случайными, она их не могла одновременно признать и совершенными по неосторожности. И, наоборот, если коллегия признала действия Сажина совершенными по неосторожности, она не могла их одновременно признать случайными.

2. Указав глупо, что все обстоятельства дела дают основания квалифицировать действия Сажина по ст. 139 УК РСФСР, коллегия не указала, какие именно обстоятельства по делу дают основание для указанного ею вывода. Между тем, в материалах дела имеются данные, опровергающие вывод коллегии о том, что действия Сажина должны рассматриваться, как совершенные по неосторожности.

На первом допросе, состоявшемся 19 марта 1946 г., Сажин показал, что, увидев лежащего на земле Оселкова и стоявшего около него неизвестного гражданина, он направился к нему и схватил его. Когда гражданин стал вырываться, Сажин вынул револьвер и произвел два выстрела вверх; в борьбе, происшедшей затем между ним и гражданином, Сажин, по его показаниям, произвел еще два выстрела, старался стрелять вверх, но гражданин дергал его руку книзу. На допросе 27 марта Сажин поддерживал ту же версию, заявив, что первые два раза он выстрелил вверх, когда увидел, что около лежащего Оселкова стоит неизвестный гражданин и машет рукой, вторые же два выстрела получились во время схватки его с неизвестным, который набросился на Са-

жина, причем один выстрел был в землю, а другой неизвестно куда.

Эти показания расходятся с показаниями свидетелей сержанта Костенко и мл. лейтенанта Плешакова, которые показали на суде, что они услышали 3 выстрела, а затем, когда побежали к месту стрельбы, то увидели, что Сажин стрелял четвертый раз вверх. Как установлено по делу, Назаров и Нифонтов остановились в тамбуре вагона и тут же двумя выстрелами Нифонтов был убит на месте, а Назаров, смертельно раненный, вскоре умер, не приходя в сознание. Ранения обоим были причинены в голову.

Осмотром места преступления установлено, что стреляные гильзы лежали на земле между двумя путями, из которых на одном стоял поезд № 112, а на втором — поезд № 113. Судебно-медицинская экспертиза пришла к заключению, что наличие разрывов входной раны и сероватый их оттенок у обоих убитых свидетельствуют о том, что выстрелы в Назарова и Нифонтова произведены с очень близкого расстояния.

3. С учетом всех обстоятельств, установленных по делу, при квалификации действий Сажина прежде всего должен быть разрешен вопрос, является ли причиненная его выстрелами смерть Назарова и Нифонтова умышленным убийством или убийством по неосторожности.

Советское уголовное право (ст. 10 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) знает умысел в двух его видах: умысел прямой и умысел косвенный или эвентуальный. Прямой умысел характеризуется предвидением (сознанием) общественно-опасного характера последствий своих действий и желанием наступления этих последствий. Но для того чтобы квалифицировать действия лица как умышленные, по закону не требуется обязательно желание с его стороны наступления тех последствий, которые повлекли его действия. Поэтому для того, чтобы квалифицировать действия Сажина как умышленные действия, не требуется обязательно, чтобы Сажин действительно желал кого-либо убить. По делу не установлено наличие такого желания у Сажина, поэтому его действия не могут рассматриваться как действия, совершенные с прямым умыслом. Однако указанные статьи УК наравне с прямым умыслом одинаково расценивают в смысле виновности и косвенный умысел. Закон определяет этот вид умысла, как сознательное допущение наступления последствий своими действиями, общественно-опасный характер которых предвидел (сознавал) виновный. Производя беспорядочную, бессмысленную стрельбу в проходе между двумя пассажирскими поездами во время посадки на один из них, Сажин, который сам заявляет на суде, что он «хорошо помнит, как все происходило», сознавал всю общественную опасность своих действий. Сажин производил стрельбу, зная, что от этой стрельбы могут произойти несчастные последствия, зная, что такого рода стрельба может повлечь за собой не одну, а несколько жертв. Сажин стрелял умышленно,

с полным безразличием к тем последствиям, которые могли наступить от его действий, а в данном случае эти последствия и выразились в причинении смерти двум гражданам. Все эти обстоятельства, имеющиеся в деле, и требования закона, касающиеся вопросов, связанных с эвентуальным умыслом, не были учтены определением Военной железнодорожной коллегии, и поэтому вывод ее о том, что действия Сажина подлежат квалификации по ст. 139 УК РСФСР, не может считаться обоснованным и вынесен без достаточного учета и оценки всех указанных данных, вытекающих из материалов дела.

4. Вместе с тем, даже признавая действия Сажина умышленными, следует отметить, что Военный трибунал неосновательно квалифицировал действия Сажина по ч. II ст. 136 УК, для применения которой недостаточно, чтобы субъектом убийства был военнослужащий, которым являлся и Сажин. По смыслу ч. II ст. 136 УК, для ее применения необходимо, чтобы убийство военнослужащим было совершено при наличии особо отягчающих обстоятельств. Военный трибунал не указал, в чем он усматривает наличие такого рода обстоятельств, и по данному делу применение ч. II ст. 136 даже в случае признания действий Сажина умышленными не вызывалось необходимостью. Поскольку в материалах дела имеются данные, свидетельствующие о том, что Сажин производил выстрелы в обстановке, представлявшей опасность для жизни многих лиц, суд должен был поставить на свое обсуждение вопрос о квалификации действий Сажина по п. «в» ст. 136 УК РСФСР.

Учитывая, таким образом, что определение Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР в части изложенных в нем мотивов находится в противоречии с требованиями закона по вопросу об определении понятия вины умышленной и неосторожной, что вместе с тем это определение в оценке фактических обстоятельств по делу не учло ряд указанных выше обстоятельств, которые могут существенно повлиять как на квалификацию действий Сажина, так и на размер наказания, — Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 30 апреля 1946 г. по делу Сажина Бориса Павловича отменить и дело о нем передать на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегию в ином составе.

Комментарии

I.

Среди опубликованных до сих пор постановлений Пленума Верховного суда СССР и определений Судебной коллегии по уголовным делам этого суда немало постановлений и определений, которые содержат общий анализ умышленной и неосторожной вины. Но до сих пор не было опубликовано ни одного постанов-

ления или определения, которое останавливалось бы на втором виде умысла, а именно на косвенном или эвентуальном умысле.

Советское уголовное право определяет косвенный умысел, как такое психическое отношение виновного к совершаемому, когда он предвидит (сознает) общественно-опасный характер последствий своих действий и тем не менее сознательно допускает наступление этих последствий, безразлично относится к их наступлению. Безразличное отношение лица к тому, что его действия вызовут или могут вызвать общественно-опасные последствия, и ставится ему в вину. Чем вреднее для советского правопорядка последствия, тем значительнее вина лица, действовавшего с косвенным умыслом. Лицо, безразлично относящееся к тому, что вследствие его действий может наступить увечье или смерть одного или нескольких лиц, является более виновным, чем лицо, совершающее убийство под влиянием сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевшего.

Дело Сажина представляет интерес в том отношении, что оно позволяет более всесторонне и более глубоко раскрыть природу косвенного умысла.

Учебник по Общей части уголовного права ВИЮН указывает, что эвентуальный умысел на совершение данного преступления имеет место в тех случаях, когда лицо «преследует какие-либо другие цели или когда оно, осуществляя какие-нибудь сами по себе не преступные намерения, вместе с тем сознательно допускает возможность наступления данного преступного результата»¹. В качестве примера случаев первого рода приводится поджог дачи с целью получения страховой премии, когда виновный знает, что в даче ночуют лица, которые могут погибнуть при пожаре. К случаям второго рода относится открытие виновным в морозную ночь форточки, хотя он знает, что его сосед по комнате, и без того простуженный, может схватить воспаление легких, что в действительности и наступает.

Проф. Герцензон отличительный момент косвенного умысла усматривает, как и учебник ВИЮН, в сознании виновного, что «желательный для него результат может наступить лишь в связи с преступными последствиями и не отказывается от своей цели, допуская наступление преступного результата»².

Дело Сажина показывает, что психическое состояние в виде косвенного умысла вполне возможно и тогда, когда виновный и не преследует каких-либо иных преступных целей и когда преступные последствия его действий не являются «побочным» их продуктом. Вместе с тем действия Сажина и не являлись сами по себе не преступными.

В теории проводится грань между косвенным и прямым умыслом, с одной стороны, и между косвенным умыслом и самонадеянностью (преступным легкомыслием), с другой стороны. Дело

¹ Уголовное право, Общая часть, 3-е изд., 1943, стр. 147.

² Уголовное право, Общая часть, 1946, стр. 183.

Сажина показывает, что в практике могут быть случаи, когда суд усматривает в действиях виновного не косвенный умысел, а неосторожную вину в виде небрежности. В эту ошибку и впадала Военная железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, признав Сажина виновным в неосторожном убийстве. Коллегия совершенно неосновательно разделила доводы Сажи́на, приведенные им в кассационной жалобе. В этой жалобе, оспаривая приговор Военного трибунала¹, Сажин писал, что он «фактически даже не предвидел того, что произошло». Причиной смерти пострадавших, по мнению Сажи́на, явилось «неосторожное обращение с огнестрельным оружием путем применения его там, где можно было бы обойтись без его употребления». Конечно, добиваясь смягчения наказания, осужденный может видеть в умышленной, хулиганской стрельбе «неосторожное обращение с оружием», но такого рода понимание «неосторожности» полностью противоречит советскому уголовному закону.

Для наличия умысла вообще, для косвенного умысла в частности, вовсе не требуется, чтобы виновный предвидел неизбежность наступления результата своих преступных действий. Совершенно достаточно предвидения возможности его наступления. Стреляя из пистолета в сутолоке посадки на дачный поезд, в самом близком расстоянии от окон и тамбура вагона, Сажин, имеющий боевой опыт, не может оправдываться тем, что он не предвидел, что в итоге его стрельбы будут человеческие жертвы. Такого точного предвидения умысел и не требует. Последствием стрельбы в данном случае могла быть смерть одного, а не двух, могла быть не смерть, а тяжкое или даже легкое телесное повреждение, стрельба, наконец, могла бы не повлечь никаких последствий. Но для умысла закон требует предвидения возможности наступления общественно-опасных последствий своих действий, а такими возможными последствиями являются и смерть и телесное повреждение. Предвидение именно такой возможности и ставится в вину Сажи́ну. Поскольку же наступили определенные последствия, то они и вменяются в вину.

Даже прямой умысел не всегда направлен на причинение одного определенного результата. Прямой умысел, например, может быть и тогда, когда виновный, нанося удар колом по голове, одинаково желает наступления или смерти, или тяжкого увечья (в старой доктрине так называемый «альтернативный» умысел).

Допустима ли при косвенном умысле преступная предварительная деятельность? Учебник ВИЮН считает, что возможно представить ее и при реализации косвенного умысла, но что в громадном большинстве случаев практически затруднительно установить наличие приготовления или покушения на совершение

¹ В приговоре указывалось: «...находясь в месте скопления пассажиров у поезда и производя несколько выстрелов, Сажин тем самым сознательно допустил возможность наступления вредных последствий своих действий, т. е. смертельного исхода».

преступления с косвенным умыслом¹. Тем самым вопрос становится вопросом факта, и если будет, например, установлено, что лицо предполагало сжечь дачу, не останавливаясь перед тем, что в ней могут сгореть люди, то имеются все основания привлечь виновного и за приготовление или покушение на убийство с косвенным умыслом. Но, конечно, трудности доказывания наличия косвенного умысла при приготовлении и покушении слишком велики. К тому же практика стояла бы перед таким вопросом: какой возможный преступный результат следует вменять, — наиболее тяжкий или наиболее легкий?

Поэтому там, где действия лица были сами по себе преступными, практика могла бы привлечь к ответственности именно за эти действия. Так, если бы стрельба Сажина оказалась без последствий, то его можно было бы привлечь за злостное хулиганство по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР. Ошибка Военной железнодорожной коллегии заключалась и в том, что она не учла, что даже при отсутствии человеческих жертв закон расценивает хулиганскую стрельбу саму по себе суровее, чем неосторожное причинение смерти.

II.

В том же 1946 г. 27 сентября Пленуму Верховного суда СССР еще раз пришлось по делу Рогова встретиться с вопросом о косвенном уме́сле.

Приговором народного суда Медновского района Калининской области от 27 января 1946 г. был осужден по ст. ст. 143 ч. 1, 182 ч. I и 136 п. «в» УК РСФСР к 10 годам лишения свободы Рогов Н. А., 1910 г. рождения, колхозник, женатый, имеет двух детей, участник Отечественной войны, имеет две медали «За отвагу». Калининский областной суд оставил приговор в силе.

Рогов был признан виновным в том, что 13 декабря 1945 г., находясь в доме Пирогова в деревне Трестено на гулянье, где распивал вместе с гостями вино, без всяких причин начал производить стрельбу в присутствующих, в результате чего убил одного колхозника и легко ранил троих.

По протесту Генерального прокурора СССР 13 июля 1946 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР рассмотрела дело в порядке надзора. Генеральный прокурор указывал в своем протесте, что суд как первой, так и второй инстанции допустил грубую процессуальную ошибку, не подвергнув Рогова судебно-психиатрической экспертизе. Между тем из материалов дела видно, что у следствия и суда должны были возникнуть сомнения, не находился ли Рогов во время совершения преступления в состоянии невменяемости. Судебная коллегия отменила поэтому как приговор народного суда, так и определение областного суда за нарушение прим. 1 к ст. 63 УПК РСФСР и направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного

¹ Уголовное право, Общая часть, 3-е изд. 1943, стр. 186.

следствия для назначения Рогову судебно-психиатрической экспертизы. В этой части определение коллегии являлось совершенно правильным. Но неправильным явилось указание коллегии, что если будет установлено, что Рогов совершил свои действия в состоянии невменяемости, то их следует квалифицировать наряду со ст. ст. 143 ч. I, 182 ч. I, также и по ст. 137, а не по ст. 136 УК РСФСР. В этой части определение и было опротестовано в Пленуме председателем Верховного суда СССР. В своем постановлении Пленум высказал следующие положения:

«Предлагая квалифицировать действия Рогова не только как умышленное убийство (ст. 137 УК), но и как умышленное легкое телесное повреждение (ч. 1 ст. 143 УК) коллегия исходила из того, что в первом случае действия Рогова повлекли смерть потерпевшего, а во втором — легкое ранение потерпевших. Такая квалификация является неправильной, так как совокупность действий, инкриминируемых Рогову по обстоятельствам данного дела, представлял собою не два, а один состав преступления, специально предусмотренный уголовным законом. Если признать, что Рогов действовал в состоянии вменяемости, то произведенная им беспорядочная стрельба из пистолета в комнате, полной людей, дает основание прийти к выводу, что, не имея прямого умысла кого-либо убить, он, тем не менее, действовал с эвентуальным или косвенным умыслом. Он осознавал всю общественную опасность своего поведения и все же безразлично относился к последствиям своих действий, сознательно допуская в числе этих последствий и смерть кого-либо из присутствующих; в данном случае он причинил смерть одному из них — Мельникову. Поэтому убийство последнего Роговым должно квалифицироваться, как умышленное убийство. Так как вместе с тем убийство было совершено в комнате, полной людьми, в результате беспорядочной стрельбы, представлявшей реальную опасность не только для Мельникова, но и для всех других присутствующих, это убийство следует рассматривать, как убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих лиц, и квалифицировать не по ст. 137 УК РСФСР, как предлагает коллегия, а по п. «в» ст. 136 того же УК, прямо предусматривающему ответственность за умышленное убийство при указанных обстоятельствах.

Но квалификация действий Рогова по п. «в» ст. 136 УК исключает необходимость дополнительного применения к нему ч. 1 ст. 143 УК РСФСР за причиненное им легкое ранение трем другим лицам, так как это ранение явилось реальным воплощением той опасности, которая и давала основание для квалификации совершенного Роговым убийства, как убийства, совершенного способом, опасным для жизни многих людей. Поэтому причиненное Роговым ранение не является отдельным составом преступления, а представляет лишь один из признаков, определяющих необходимость квалификации инкриминируемых Рогову действий по п. «в» ст. 136 УК РСФСР».

Поскольку Пленум Верховного суда СССР вынес уже по делу Сажина развернутое постановление о содержании косвенного умысла, как протест председателя Верховного суда СССР, так и постановление Пленума хотя и не ссылались на само постановление по делу Сажина, но имели именно его в виду. Поэтому постановление по делу Рогова могло ограничиться констатацией, что в данном случае, в случае признания Рогова вменяемым, речь должна идти о квалификации его действий как умышленное убийство способом, опасным для жизни многих, совершенное с косвенным умыслом.

ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 июня 1946 г.

По приговору Военного трибунала войск НКВД Московской области от 22 августа 1945 г. Чичилин был осужден по ст. ст. 193-17 п. «а» и 137 УК РСФСР по совокупности к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях на шесть лет, без поражения прав. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией наказание ему было снижено до трех лет лишения свободы.

Чичилин признан виновным в том, что, являясь начальником отделения Сталиногорского городского отделения милиции Московской области, он 30 мая 1945 г. в своем служебном кабинете во время допроса гр-на Курчакова Н. М., задержанного по подозрению в краже, допустил злоупотребление властью и незаконно применил к Курчакову огнестрельное оружие, в результате чего умышленно в упор выстрелом из пистолета убил Курчакова.

Материалами дела можно считать установленным, что убийство Курчакова произошло при следующих обстоятельствах. Чичилин предложил Курчакову подписать составленный протокол о задержании. Курчаков предъявленный ему протокол подписать отказался и пытался его разорвать, а когда это сделать ему не удалось, он схватил правой рукой табуретку и хотел ею нанести удар Чичилину по голове. В тот момент, когда Курчаков поднял над головой табуретку, Чичилин выхватил из ящика письменного стола револьвер, привел его в боевую готовность и почти в упор произвел выстрел в Курчакова. От полученного смертельного ранения в область левого глаза Курчаков, не приходя в сознание, скончался.

На приговор Военного трибунала Генеральный прокурор СССР внес протест в Военную коллегия Верховного суда СССР с указанием на неправильное применение к Чичилину Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. и нарушение трибуналом ст. 49 УК РСФСР, так как трибунал при выне-

сении приговора Чичилину не определил ему наказание в отдельности за каждое преступление, в котором он был признан виновным. Генеральный прокурор СССР в своем протесте предлагал назначить Чичилину по совокупности преступлений лишение свободы сроком шесть лет.

Военная коллегия Верховного суда СССР своим определением от 28 декабря 1945 г. оставила протест Генерального прокурора СССР без удовлетворения и внесла вместе с тем следующее изменение в приговор Военного трибунала. Военная коллегия признала, что лишение жизни Курчакова явилось следствием превышения Чичилиным пределов необходимой обороны и потому подлежит квалификации не по ст. 137, а по ст. 139 УК РСФСР. Наряду с этим, Военная коллегия оставила в приговоре указание на ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР.

Приговор Военного трибунала войск НКВД Московской области по настоящему делу подлежит изменению, а определение Военной коллегии, Верховного суда СССР от 28 декабря 1945 г. подлежит отмене по следующим основаниям:

1. Квалификация действий Чичилина по ст.ст. 193-17 и 137 УК РСФСР не соответствует обстоятельствам дела и является потому ошибочной. Военный трибунал неправильно усмотрел в действиях Чичилина наличие идеальной совокупности двух преступлений, предусмотренных указанными статьями УК РСФСР. Если бы даже согласиться с приговором Военного трибунала и признать, что Чичилин при выполнении своих служебных обязанностей, злоупотребив своей властью, умышленно лишил жизни потерпевшего, то и тогда все совершенное следовало бы рассматривать не как совокупность двух преступлений, а как одно преступление, предусмотренное ст. 193-17. При квалификации должностных преступлений, совершенных военнослужащими лицами начальствующего состава, необходимо исходить из тех положений, которые проводит наше уголовное законодательство в определении ответственности за должностные преступления. Статья 193-17 УК РСФСР, говорящая о злоупотреблении властью, превышении властью, бездействии власти и халатном отношении к службе лица начальствующего состава Советской Армии, не может быть надлежащим образом уяснена без обращения к общему понятию этих должностных преступлений, данному в ст.ст. 109, 110 и 111 УК РСФСР. Часть 2 ст. 110 УК РСФСР предусматривает специально превышение власти, сопровождающееся насилием или применением оружия в отношении потерпевшего. По смыслу этой статьи всякое насилие над потерпевшим, а в том числе и лишение его жизни, которым сопровождалось превышение власти, надлежит рассматривать не как совокупность должностного преступления и преступления против личности, а как одно квалифицированное превышение власти. Поэтому и превышение власти военнослужащим лицом начальствующего состава, выразившееся в применении оружия и лишении жизни по-

терпевшего, следовало бы рассматривать не как совокупность преступлений, а как одно преступление — превышение власти, повлекшее за собой тяжелые последствия, т. е. квалифицировать, в зависимости от тяжести последствий, по п. «а» или «б» ст. 193-17 УК.

Однако в совершенных Чичилиным действиях вовсе не было никакого состава должностного воинского преступления. Чичилин применил оружие и лишил жизни потерпевшего в тот момент, когда на него происходило нападение и его жизни и здоровью угрожала непосредственная опасность. Наличие у него оружия в силу его служебного положения не дает основания считать, что он действовал в качестве должностного лица. Чичилин применил оружие не как представитель власти, совершающий действие, выходящее за пределы его прав и полномочий, а как гражданин, имеющий право обороняться от прозявшей его личности непосредственной опасности нападения. Для правильной квалификации действий Чичилина представляется поэтому необходимым разрешить два вопроса: а) имел ли Чичилин право на оборону в той конкретной ситуации, в которой он оказался, и б) превысил он или нет пределы необходимой обороны при защите своей личности.

Материалы по настоящему делу свидетельствуют о том, что Чичилину действительно угрожала непосредственная опасность со стороны гр. Курчакова. Показание Чичилина, что он, загородившись одной рукой от грозящего ему удара табуреткой по голове, выхватил из ящика стола револьвер и выстрелил в Курчакова, подтверждается показаниями свидетеля Уткина о том, что он видел, когда открыл дверь кабинета Чичилина, как задержанный Курчаков стоял около стола с одной стороны, а Чичилин находился с другой стороны, причем Курчаков держал приподнятой табуретку, имея намерение нанести удар Чичилину. Объяснению Чичилина и показанию Уткина полностью соответствует как имеющаяся в деле схема места происшествия, так и протокол вскрытия трупа потерпевшего. Указанное в протоколе вскрытия трупа направление прохождения пули было возможно лишь в том случае, когда передняя поверхность правого плечевого сустава Курчакова в момент выстрела Чичилина находилась не в обычном положении, а сзади правого сосцевидного отростка черепа. Это положение могло создаться лишь тогда, когда Курчаков занес правую руку вверх и назад для нанесения удара Чичилину. На основании изложенного нужно признать, что в создавшейся обстановке у Чичилина, как и у всякого другого гражданина, было право обороняться от произведенного на него нападения.

Вместе с тем следует признать, что Чичилин своими действиями превысил пределы необходимой обороны. Необходимая оборона может быть признана правомерной лишь тогда, когда характер обороны соответствует интенсивности совершенного нападения. Чичилин мог осуществить защиту своей жизни и здо-

ровья путем причинения меньшего вреда нападающему. Если даже поверить Чичилину, что он предупредил Курчакова о том, что будет стрелять и это не остановило нападавшего, то все же и при этом не было необходимости производить выстрел в упор в голову нападавшего. Курчаков производил нападение все же лишь с помощью табуретки, хотя и такой, которой можно было при сильном ударе, по показанию свидетеля Уткина, лишить жизни человека. Если и можно признать правомерным применение Чичилиным оружия в создавшейся обстановке, то достаточно было бы направить выстрел в руку или плечо Курчакова (Чичилин стрелял почти в упор), чтобы полностью защитить себя от происходящего нападения. Поэтому Чичилин превысил пределы необходимого применения насилия в отношении личности нападающего для отражения нападения. Чичилин виновен в совершении убийства с превышением пределов необходимой обороны, т. е. в его действиях имеется состав преступления, предусмотренный ст. 139 УК РСФСР. Квалификацию преступления Чичилина, данную в приговоре Военного трибунала, следует признать ошибочной.

2. Определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 декабря 1945 г. содержит в себе существенные нарушения норм УПК РСФСР, повлекшие за собой неправильное определение меры наказания Чичилину. Военная коллегия правильно нашла в действиях Чичилина состав преступления, предусмотренный ст. 139 УК, и правильно отвергла в этих действиях Чичилина наличие идеальной совокупности превышения власти и превышения пределов необходимой обороны. Тем не менее Военная коллегия оставила в приговоре ссылку на ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР. Состав преступления, предусмотренный этой статьей, она усмотрела в таких действиях Чичилина, которые вовсе не были предметом судебного разбирательства в первой инстанции: дефекты в составлении протокола о задержании Курчакова, неприглашение для подписания протокола одновременно с Курчаковым и задержанной жены Курчакова, а также в том, что «Чичилин, встретив со стороны Курчакова грубое поведение, имел возможность немедленно вызвать охрану или конвой, чего он не сделал». В этих действиях Чичилина Военная коллегия усмотрела наличие халатного отношения к своим служебным обязанностям и злоупотребления властью, квалифицировала их по ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР и приговорила за них Чичилина к шести годам лишения свободы. Этим Военная коллегия в производстве в порядке надзора взяла на себя функции суда первой инстанции. Военная коллегия, найдя в деле новые обстоятельства, заключающие в себе самостоятельный состав преступления, должна была передать дело на новое рассмотрение суда первой инстанции, где исследование этих обстоятельств было бы обставлено рядом необходимых процессуальных гарантий (участие сторон, допрос свидетелей и т. д.), не могущих быть обеспеченными в надзорной

инстанции. Таким образом, Военная коллегия в своём определении по делу Чичилина нарушила статьи 320, 414 и 419 «а» УПК РСФСР. Неправильным является в этой части определение Военной коллегии и по существу. Инкриминируемые Чичилину служебные нарушения являются столь незначительными, что они не могут дать основание для преследования его в уголовном порядке по ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР, а тем более для назначения за них 6 лет лишения свободы, как это сделала Военная коллегия.

В силу изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

1) Определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 декабря 1945 г. отменить.

2) Приговор Военного трибунала Войск НКВД от 22 августа 1945 г. изменить: квалифицировать действия Чичилина лишь по ст. 139 УК РСФСР и назначить ему наказание в три года лишения свободы без поражения в правах и без лишения звания старшего лейтенанта милиции. На основании Указа Президиума Верховного Совета от 7 июля 1945 г. об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией Чичилина В. Д. от дальнейшего отбытия наказания освободить.

Комментарии

Определение Пленума Верховного суда СССР по делу Чичилина имеет принципиальное значение для решения ряда вопросов как уголовного права, так и уголовного процесса.

Определение Пленума Верховного суда СССР по настоящему делу ставит в области уголовного права два вопроса: 1) об идеальной совокупности преступлений при совершении военными служащими лицами начальствующего состава превышения власти, выразившегося в насилии над личностью, и 2) о превышении пределов необходимой обороны.

Военный трибунал войск НКВД Московской области в своем приговоре и Генеральный прокурор СССР в своем протесте усмотрели в действиях старшего лейтенанта милиции Чичилина, застрелившего в своем служебном кабинете при допросе подозреваемого в краже хлеба гр. Курчакова, идеальную совокупность преступлений — превышения власти (неправильно названное в приговоре суда злоупотреблением властью) и умышленного убийства. Определение Пленума по настоящему делу отмечает, что если бы даже согласиться с приговором суда первой инстанции о том, что обвиняемый, злоупотребив своим служебным положением, умышленно убил потерпевшего, то и тогда все совершенное нельзя рассматривать как идеальную совокупность двух преступлений — умышленного убийства (ст. 137 УК РСФСР) и превышения офицером милиции своей власти (ст. 193-17 УК РСФСР). Глава о воинских преступлениях является лишь частью Уголовного кодекса. При выяснении содержания отдельных составов воинских преступлений необходимо учитывать не только постановления

Общей части УК, но и постановления соответствующих глав его Особенной части. В частности, для понимания ст. 193-17 УК, определяющей ответственность за злоупотребление, превышение и бездействие власти, а также за халатное отношение к своим служебным обязанностям, необходимо обратиться к тем статьям главы о должностных преступлениях, которые определяют признаки этих должностных преступлений. Применение должностным лицом с использованием своего служебного положения оружия или какого-либо незаконного насилия в отношении потерпевшего ст. 110 ч. 2 УК РСФСР рассматривает как одно преступление — квалифицированный вид превышения власти, а не как идеальную совокупность двух преступлений — превышения власти и соответствующего насилия над личностью потерпевшего. По ст. 110 ч. 2 УК наша судебная практика с полным основанием квалифицирует все случаи превышения власти, связанные с насилием над личностью потерпевшего, независимо от степени и характера примененного при этом насилия. Поэтому превышение власти должностным лицом, связанное с применением оружия и повлекшее за собой смерть потерпевшего, хотя бы при этом смерть потерпевшего и охватывалась умыслом виновного, следует квалифицировать по ст. 110 ч. 2 УК. Превышение власти, совершенное военнослужащим лицом начальствующего состава, должно в соответствии с этим, в зависимости от тяжести наступивших последствий, влечь за собой уголовную ответственность лишь по соответствующему пункту ст. 193-17 УК.

Признание наличия не идеальной совокупности двух преступлений, а одного преступления в совершении должностным лицом превышения власти, связанного с насилием над личностью потерпевшего или применением оружия, есть, по существу, часть более общего вопроса, относящегося к пониманию состава как основных должностных преступлений, так и ряда других преступлений. Поскольку наступление соответствующих последствий входит в качестве необходимого элемента в состав того или иного преступления, то и все совершенное нельзя рассматривать как совокупность двух преступлений. Поэтому, например, нельзя рассматривать, как совокупность преступлений причинение в результате злоупотребления своим служебным положением имущественного ущерба или нарушения прав и интересов отдельных граждан. Эти последствия являются необходимыми элементами самого состава злоупотребления властью; поэтому в совершенном должностным лицом действии имеется один состав преступления — злоупотребления властью, а не совокупность преступлений — злоупотребления властью и соответствующего имущественного ущерба или нарушения прав или интересов отдельных граждан. Точно так же и в нападении на гражданина с целью завладения его имуществом, сопровождавшимся причинением ему тяжкого телесного повреждения, нельзя усмотреть совокупность двух составов преступлений — разбоя и тяжкого телесного повреждения,

а один состав преступления разбоя, предусмотренный ст. 167 ч. 2 УК РСФСР.

Признание Пленумом Верховного суда СССР отсутствия в действиях Чичилина идеальной совокупности преступлений означало признание ошибочности позиций в этом отношении и судебного приговора по настоящему делу и протеста Генерального прокурора СССР. Вместе с тем сделанный Пленумом Верховного суда вывод устранял необходимость в исправлении приговора Военного трибунала в том направлении, как это ставил протест Генерального прокурора СССР, указывая на игнорирование Военным трибуналом требований ст. 49 УК о назначении за каждое из совершенных преступлений наказания в отдельности, прежде чем окончательно назначить наказание по совокупности преступлений.

Второй вопрос, имеющий принципиальное значение, который разрешен в постановлении Пленума по настоящему делу, — понимание необходимой обороны. Наше действующее законодательство определяет, что наказание не применяется, когда действие, предусмотренное уголовным законом, было совершено в состоянии необходимой обороны, если «при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны» (ст. 13 УК РСФСР). Действующий закон не определяет понятия необходимой обороны и не устанавливает сам всех признаков, указывающих на пределы правомерного ее применения. Закон предоставляет решение этих вопросов судебной практике. Постановление Пленума Верховного суда СССР по настоящему делу содержит в себе ряд положений, относящихся как к пониманию условий правомерности акта необходимой обороны, так и к характеристике обстоятельств, определяющих превышение ее пределов.

Пленум при рассмотрении настоящего дела пришел к выводу, что обвиняемый Чичилин в той ситуации, в которой он оказался, имел право на осуществление необходимой обороны, и поэтому применение им при этом оружия должно рассматриваться не как действие должностного лица, хотя и выходящее за пределы его прав и полномочий, а как действие пражданина, имевшего право обороняться от прозящей его личности опасности. Основанием Пленуму Верховного суда СССР для такого вывода послужило признание, что здоровью и жизни Чичилина действительно угрожала непосредственная опасность. Непосредственная опасность здоровью и жизни является, согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР, таким образом, основанием, порождающим право на оборону. Это положение имеет значение не только для вынесения правильного судебного приговора по настоящему делу. Оно имеет общее значение для понимания условий, порождающих право необходимой обороны. Это условие правомерности необходимой обороны следует отнести не только к тем случаям, когда происходит посягательство на жизнь и здоровье обороняющегося, но также и на его права, а равно на личность или права другого лица или на советскую власть.

Вывод Пленума Верховного суда СССР о том, что Чичилину угрожала непосредственная опасность, основан на анализе всех материалов по настоящему делу. Доказательством этому служат не только показания самого обвиняемого, данные как на предварительном, так и на судебном следствии, но также и показания свидетеля Уткина, который вошел в комнату, когда задержанный гр. Курчаков стоял против стола Чичилина с поднятым табуретом в руке. Картина совершения преступления, нарисованная в показаниях обвиняемого и свидетеля, полностью подтверждается как схемой места совершения преступления, так и результатами вскрытия трупа потерпевшего. Путь, который прошла пуля в теле потерпевшего, был возможен лишь только при условии, что Курчаков занес правую руку вверх и назад для нанесения удара.

Установив, что Чичилин имел право обороняться от произведенного на него нападения, Пленум Верховного суда СССР вместе с тем пришел к выводу, что обвиняемый своими действиями превысил пределы необходимой обороны: создавшаяся для Чичилина обстановка не требовала для защиты его жизни убивать нападавшего на него Курчакова. Для правомерности совершенного акта необходимой обороны требуется, чтобы интенсивность обороны соответствовала интенсивности нападения. Нарушение этого требования, причинение более значительного вреда нападающему, чем это требует весь характер совершаемого нападения, образует превышение пределов необходимой обороны. Это уже является действием неправомерным, за которое виновный подлежит уголовной ответственности. Характер обороны Чичилина не соответствует интенсивности происходящего нападения, поскольку он мог защитить свою жизнь и не прибегая к убийству нападающего. Действительно, Чичилин полностью мог осуществить защиту своей жизни и здоровья путем причинения телесного повреждения нападающему. Об этом свидетельствует с достаточной очевидностью вся обстановка, при которой происходило на него нападение. На Чичилина, имевшего при себе оружие, было произведено нападение лишь с помощью табурета, хотя и достаточно увесистого, чтобы сильным ударом убить человека. При всей неожиданности происходящего нападения для Чичилина все же не было необходимости, спасая свою жизнь, стрелять в упор в лоб нападающему. Это следует объяснить растерянностью Чичилина. Для защиты своей жизни ему достаточно было также в упор направить свое оружие в руку или плечо нападающего и причинением ему телесного повреждения полностью защитить себя от грозящей опасности. Поэтому Пленум Верховного суда СССР с полным основанием признал, что Чичилин хотя и имел право в целях самозащиты применить в создавшейся обстановке оружие, но тем не менее он совершил неправомерное действие: он совершил убийство с превышением пределов необходимой обороны. Совершенное им преступление надлежало квалифицировать по ст. 139 УК.

Постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Чичилина указывает на некоторые серьезные нарушения норм уголовно-процессуального кодекса РСФСР, допущенные в определении Военной коллегии Верховного суда СССР по настоящему делу. Военная коллегия в своем определении по делу Чичилина правильно отвергнула в его действиях наличие идеальной совокупности превышения власти и убийства с превышением пределов необходимой обороны. Тем не менее, однако, его действия были квалифицированы коллегией не только по ст. 139 УК, но и по ст. 193-17. Состав преступления, предусмотренный этой последней статьей, коллегия усмотрела в совершении Чичилиным таких нарушений по службе, которые не были совсем предметом судебного разбирательства в суде первой инстанции. При рассмотрении дела и в кассационном порядке и в порядке надзора суд не вправе брать на себя функции суда первой инстанции и признать лицо виновным в таких действиях, которые не были вовсе предметом рассмотрения в суде первой инстанции. Поэтому своим определением военная коллегия в качестве надзорной инстанции нарушила, как это указывает постановление Пленума по настоящему делу, ст.ст. 320, 414 и 419 УПК РСФСР. Согласно ст. 320 УПК к компетенции суда первой инстанции при вынесении приговора относится установление того, имело ли место приписываемое подсудимому деяние, содержит ли оно в себе состав преступления, совершил ли подсудимый это деяние. Военная коллегия, взяв на себя при рассмотрении дела в порядке надзора решение этих вопросов в отношении действий обвиняемого, не бывших предметом судебного разбирательства, нарушила требования этой статьи, так как вынесла решение по вопросам, которые должны были являться содержанием судебного приговора. Определение надзорной инстанции по настоящему делу нарушило ст. 414 УПК, согласно которой неправильно проведенным признается следствие, которое проведено таким образом, что остались невыясненными ни на предварительном, ни на судебном следствии обстоятельства, выяснение которых необходимо должно было повлиять на приговор. Разумеется, если надзорная инстанция взяла на себя функции суда первой инстанции, то тем самым было нарушено требование УПК о правильном проведении следствия по делу, так как обстоятельства, послужившие основой для осуждения Чичилина по ст. 193-17, вовсе не были предметом исследования ни на предварительном, ни на судебном следствии. Определение надзорной инстанции по настоящему делу нарушило также ст. 419 УПК, согласно которой надзорная инстанция не вправе в тех случаях, когда дело не передается на новое рассмотрение, ухудшать положение обвиняемого ни назначением наказания выше того, которое было назначено по данному делу в суде первой инстанции, ни назначением наказания за действия, по которым данному лицу не предъявлялось обвинения. Военная коллегия, найдя в деле новые обстоятельства, дающие основание для обвинения в новом

преступлении, обязана была передать дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Однако Пленум Верховного суда СССР не считал необходимым передавать дело Чичилина на новое рассмотрение, потому что новые инкриминируемые Чичилину деяния он признал по своему содержанию столь незначительными, что они не могут дать основания для преследования его в уголовном порядке.

КВАЛИФИКАЦИЯ УБИЙСТВА ИЗ РЕВНОСТИ

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 23 октября 1946 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 23 октября 1946 г. протест председателя Верховного суда СССР по делу Г. на определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 7 мая 1946 г., которым были отменены приговор народного суда 2 участка Молотовского района гор. Москвы от 17 января 1946 г. по делу Г., преподавательницы английского языка, рождения 1895 г., осужденной по ст.ст. 19 и 138 УК РСФСР к исправительно-трудовым работам сроком на один год по месту работы с удержанием 20% заработной платы, и определение Судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 8 февраля 1946 г., оставившее приговор народного суда в силе, и дело было возвращено на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе со стадии судебного следствия.

Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Г. 16 мая 1945 г. покушалась на убийство своего мужа, выстрелив в него из револьвера системы «Наган», в результате чего Г. был ранен в правую половину грудной клетки и в мягкие ткани правого плеча. По заключению судебно-психиатрической экспертизы преступление Г. было совершено в состоянии сильного душевного волнения, не достигшего, однако, степени патологического аффекта. Свидетельскими показаниями по делу установлено, что непосредственно перед совершением преступления между Г. и Г. была крупная ссора, что Г. был пренебрежителен и груб в отношении своей жены, что во время нахождения на фронте он сошелся с другой женщиной, имел от нее ребенка и намеревался развестись с Г.

Народный суд правильно отверг обвинение Г. по ст.ст. 19 и 136 УК РСФСР и квалифицировал совершенное ею преступление по ст.ст. 19 и 138 УК РСФСР. То обстоятельство, что ревность Г. к Г. сыграла определенную роль в покушении ею на его жизнь, не может служить еще основанием для квалификации совершенного ею преступления по ст.ст. 19 и 136 УК. По ст. 136 УК РСФСР не всякое убийство из ревности рассматривается как ква-

лифицированное убийство. Статья 136 УК содержит специальную оговорку о том, что убийство из ревности, подходящее под признаки ст. 138, не должно быть квалифицировано по п. «а» ст. 136 УК. Для квалификации умышленного убийства по ст. 138 УК требуется, чтобы оно было совершено: 1) в состоянии сильного душевного волнения, 2) в состоянии, вызванном насильем или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего и 3) убийство должно быть связано с внезапно возникшим сильным душевным волнением под влиянием нанесенного насилия или тяжелого оскорбления, т. е. состояние сильного душевного волнения непосредственно создает умысел на совершение убийства, который тотчас же и приводится в исполнение. Результаты предварительного и судебного следствия по данному делу свидетельствуют о том, что все эти условия, необходимые для квалификации совершенного преступления по ст. 138 УК, имелись налицо.

По заключению экспертизы, произведенной в Институте судебной психиатрии им. Сербского, преступление было совершено Г. в состоянии сильного душевного волнения. Показания допрошенного по данному делу красноармейца Ульянова свидетельствуют о том, что покушению на жизнь Г. предшествовала крупная ссора его с Г., при этом Г. обходился грубо со своей женой. Обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о том, что умысел на убийство возник у Г. внезапно, под влиянием сильного душевного волнения и грубого обращения с нею мужа. У нее не было умысла на лишение его жизни, когда она взяла его револьвер. Лежащий на диване револьвер она спрятала в отсутствие Г. в комод, опасаясь расправы с ней Г., который еще в свой предшествующий приезд грозил ее убить. Теми же мотивами руководствовалась она и тогда, когда отказалась вернуть ему немедленно оружие и заперлась от него с револьвером в уборную. При таких обстоятельствах следует признать, что народный суд поступил правильно, отвергнув квалификацию совершенного Г. преступления по ст.ст. 19 и 136 УК и квалифицировал ее деяние по ст.ст. 19 и 138 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР неосновательно согласилась с доводами протеста прокурора РСФСР, утверждавшего, что «народный суд при рассмотрении этого дела неправильно пришел к выводу о том, что в действиях Г. не было умысла на убийство, что выстрел произошел случайно, и переквалифицировал эти преступные действия на ст. 19 и 138 УК». Это утверждение прокурора является совершенно необоснованным выводом из правильной квалификации совершенного преступления, данной в приговоре народного суда. То, что народный суд отверг квалификацию совершенного преступления по ст.ст. 19 и 136 УК и квалифицировал его по ст.ст. 19 и 138 УК не означает, что он отверг у обвиняемой умысел на убийство и признал, что убийство произошло случайно, а лишь означает, что суд отверг наличие в действиях обвиняемой покушения

на умышленное убийство из низменных побуждений и признал наличие в ее действиях покушения на умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР должна была отвергнуть указанный довод протеста зам. прокурора РСФСР, как совершенно не вытекающий из существа приговора, вынесенного народным судом.

Нет оснований для отмены приговора народного суда и за мягкостью наказания, назначенного осужденной. Карательная санкция ст. 138 УК предоставляет суду право назначить даже за оконченное умышленное убийство, предусмотренное этой статьей, не только лишение свободы, но и исправительные работы на срок до одного года, а следовательно, и на срок, меньший, чем один год. Тем более суд имел право назначить за покушение на совершение этого преступления один год исправительно-трудовых работ. При этом суд в своем приговоре привел достаточные основания, почему он избрал в соответствии с санкцией ст. 138 УК именно исправительно-трудовые работы (удовлетворительное состояние здоровья потерпевшего, возраст осужденной).

На основании всего изложенного, соглашаясь с протестом председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Отменить определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 7 мая 1946 г. по делу Г., а приговор народного суда 2 участка Молотовского района гор. Москвы от 17 января 1946 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 8 февраля 1946 г. по делу Г. оставить в силе.

Приложение

Акт судебно-психиатрической экспертизы

Мы, нижеподписавшиеся, 30.VI.1945 года в Центральном институте судебной психиатрии им. проф. Сербского свидетельствовали Г., 50 лет, обвиняемую по ст. 19 и 136 «а» УК (в покушении на убийство мужа). Направлена в Институт на экспертизу, согласно постановлению следователя прокуратуры Молотовского района гор. Москвы от 29.VI.1945 г. (дело № 3548), в связи с возникшим у следственных органов сомнением в психической полноценности обвиняемой. Со слов испытуемой известно, что она росла и развивалась в детстве правильно. В школе училась хорошо, окончила среднюю школу, курсы иностранных языков и в 1933 г. окончила Институт иностранных языков. С 1933 г. все время была преподавателем английского языка в различных учреждениях. По характеру с детства была общительной, выдержанной. В 1940 г. испытуемая вышла второй раз за-

муж. Со вторым мужем жила хорошо. Год тому назад узнала об измене мужа и о существовании у него второй семьи. Это известие тяжело переживала. Стала нервной, раздражительной, плаксивой, писала мужу на фронт письма с просьбой приехать выяснить их отношения, угрожала ему расплатой. В день приезда мужа была взволнована и расстроена его враждебным к ней отношением и нежеланием продолжать с ней совместную жизнь. После происшедшей между ними ссоры в этот день муж испытуемой якобы пытался в нее стрелять. Испытуемая защищалась, пыталась якобы вырвать у него револьвер, произошел выстрел, которым муж испытуемой был ранен. В психиатрических больницах испытуемая никогда не лежала. У психиатров не лечилась. При обследовании в настоящее время в Институте обнаружено следующее. Со стороны физической: испытуемая высокого роста, астенического телосложения, удовлетворительного питания. Со стороны внутренних органов отклонений от нормы нет. Со стороны нервной системы: зрачки правильной формы, равномерные. Реакция их на свет и конвергенцию достаточная. Сухожильные рефлексы оживлены, равномерны. Со стороны психики: испытуемая в ясном сознании, правильно ориентирована в месте, времени и окружающей обстановке. Правильно осмысливает цель своего направления на экспертизу. В беседу вступает охотно, но заметно волнуется. Доступна. Сведения о себе сообщает подробно, последовательно, толково. Обеспокоена возникновением судебного дела, боится ответственности. О случившемся рассказывает охотно, при этом волнуется, плачет, отрицает свою вину, активно защищается. Уверяет, что выстрел произошел случайно, что она не имела намерения стрелять в мужа. Настаивает на том, что в нее пытался стрелять муж. Эмоционально неустойчива. Считает себя нервной больной. Мышление и интеллект без уклонений от нормы. Критика к своему положению и создавшейся ситуации достаточная. Бредовых идей не высказывает. Обманов органов чувств нет. На основании изложенного Комиссия приходит к заключению, что Г. душевным заболеванием не страдает, а является нервно устойчивой личностью с чертами повышенной раздражительности и возбудимости. Правонарушение было совершено ею в состоянии душевного волнения, не достигшего, однако, степени патологического аффекта. Как не душевнобольную в отношении инкриминируемого ей деяния, совершенного ею вне какого-либо болезненного расстройства душевной деятельности, Г. следует считать вменяемой.

Подписи председателя и членов комиссии.

Комментарий

Определение судебной коллегии Верховного суда СССР по делу Г. представляет интерес как для правильной квалификации убийства или покушения на него, совершенных из ревности, так и для понимания признаков состава умышленного убийства, пре-

дусмотренного ст. 138 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

Наше действующее уголовное законодательство рассматривает по общему правилу убийство из ревности как квалифицированное убийство, предусмотренное п. «а» ст. 136 УК РСФСР, т. е. как убийство из низменных побуждений. Вместе с тем тот же пункт ст. 136 УК содержит специальную оговорку, что убийство из ревности может быть квалифицировано по ст. 136 УК лишь в случаях, если оно не подходит под признаки ст. 138 УК. Таким образом при наличии определенных обстоятельств умышленное убийство из ревности может быть квалифицировано не только по ст. 136 УК, но и как менее опасный вид убийства, предусмотренный ст. 138 УК, осуждение за которое влечет за собой применение значительно более мягкого наказания.

По материалам настоящего дела видно, что ревность несомненно была одним из мотивов совершенного Г. покушения на жизнь своего мужа. Тем не менее судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР признала правильным приговор народного суда по настоящему делу, не нашедшего в действиях обвиняемой покушения на совершение квалифицированного умышленного убийства.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, как и народный суд, нашла необходимым квалифицировать действия Г. по ст.ст. 19 и 138 УК. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по настоящему делу указывает, что для квалификации умышленного убийства по ст. 138 УК необходимо установить, что оно было совершено: 1) в состоянии сильного душевного волнения, 2) в состоянии, вызванном насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего, и 3) убийство должно быть связано с внезапно возникшим сильным душевным волнением, под влиянием нанесенного насилия или тяжелого оскорбления. Анализируя обстоятельства настоящего дела, суд пришел к выводу, что в покушении на убийство Г. своего мужа есть все необходимые признаки, которые требует закон для квалификации совершенного умышленного преступления по ст.ст. 19 и 138 УК.

Действительно, можно считать установленным, что покушение на убийство совершено Г. в состоянии сильного душевного волнения. Это установлено судебно-психиатрической экспертизой по настоящему делу. Состояние сильного душевного волнения, как это отмечает психиатрическая экспертиза, не носило, однако, у нее характера патологического аффекта, когда лицо не сознает совершаемого и не способно руководить своими поступками. Если бы экспертиза признала, что Г. совершила покушение на убийство в состоянии патологического аффекта, то перед судом встал бы вопрос о возможности признания Г. действовавшей в состоянии невменяемости, а потому и не подлежащей уголовной ответственности за свои действия. Г. была признана судом совер-

шившей свое преступление в состоянии физиологического аффекта, что не исключает ее ответственности за совершенное преступление.

Материалы настоящего дела свидетельствуют о том, что сильное душевное волнение Г. было вызвано оскорблением со стороны ее мужа. Эти оскорбления суд оценил, как тяжелое оскорбление. Наличие оскорбления суд усмотрел не в самом факте измены мужа, а в характере обращения его с ней во время, непосредственно предшествующее совершению ее преступления: когда он вошел в квартиру, он даже не нашел нужным поздороваться со своей женой; по показанию свидетеля, он был груб и пренебрежителен с ней; непосредственно перед совершением Г. преступления между супругами произошла ссора, сопровождавшаяся криками и ругательствами.

Наконец, в настоящем деле имелись и достаточные данные для признания, что преступление было совершено под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по настоящему делу уточняет понимание того, что является внезапно возникшим сильным душевным волнением, о котором говорит ст. 138 УК. Определение Коллегии видит смысл этого указания закона в том, что умысел на совершение убийства должен возникнуть непосредственно под влиянием сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего. Обстоятельства совершения преступления Г. свидетельствуют о том, что это именно имело место в данном случае. Нельзя считать, что умысел на лишение жизни возник у нее уже тогда, когда она взяла оставленный на диване револьвер своего мужа. Материалы дела дают основание считать, что она спрятала револьвер, опасаясь расправы с ней со стороны мужа. Теми же мотивами руководствовалась она, когда убежала с револьвером и спряталась в уборной. Умысел на лишение жизни мужа возник у нее под влиянием нарастающего душевного волнения в результате продолжавшейся ссоры с мужем. В силу всех этих оснований, хотя Г. и совершила покушение на убийство из ревности, тем не менее совершенное ею покушение должно быть квалифицировано по ст.ст. 19 и 138 УК РСФСР.

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА В СОСТАВЕ ПОХИЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА

Постановление Пленума Верховного суда СССР
от 14 февраля 1947 г.

По приговору Хабаровского краевого суда 11 апреля 1946 г. Коновалов был осужден по ст. 162 п. «д» УК РСФСР к трем годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 167 УК к 10 годам лишения

свободы, а по совокупности к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 3 года.

По материалам дела можно считать установленным следующее: 13 декабря 1945 г. Коновалов, выпив дома значительное количество водки, отправился в кино. По дороге внимание пьяного Коновалова привлекла гр. Литвиненко, возвращавшаяся из магазина домой. Коновалов последовал за ней, нецензурно ругаясь. Опасаясь пьяного Коновалова, Литвиненко обратилась за помощью к неизвестному ей военному, который предложил Коновалову прекратить хулиганские выходки. Однако это не успокоило Коновалова. Неизвестный военный ушел в своем направлении, а Коновалов продолжал следовать за Литвиненко. Подходя к своему дому, Литвиненко сошла с тротуара, чтобы пересечь улицу. В этот момент Коновалов настиг ее и нанес ей перочинным ножом ранение в грудь, которое по заключению судебно-медицинской экспертизы должно быть отнесено к разряду тяжких телесных повреждений. Коновалов толкнул лежащую на земле Литвиненко два раза ногой и отправился в кино. Пьяный Коновалов за нарушение общественного порядка в фойе кино был задержан и направлен в военную комендатуру г. Хабаровска. Будучи освобожден комендантом, он вышел на улицу, самовольно сел на стоящую легковую машину, принадлежащую коменданту города, и уехал. Вскоре он налетел на телеграфный столб и сильно повредил машину. Здесь он был задержан бойцами комендатуры Хабаровского гарнизона. Произведенная судебно-психиатрическая экспертиза пришла к выводу, что преступление совершено им в состоянии обычного опьянения, и он подлежит ответственности за свои поступки.

Суд признал Коновалова виновным в совершении разбойного нападения на Литвиненко с целью овладения ее имуществом, а также в краже автомашины. В соответствии с этим суд квалифицировал действия Коновалова по ч. 3 ст. 167 и по п. «д» ст. 162 УК РСФСР по совокупности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР своим определением от 4 мая 1946 г. приговор Хабаровского краевого суда по настоящему делу оставила в силе. Принесенный председателем Верховного суда СССР протест в судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР, в котором указывалось на неправильную квалификацию совершенного Коноваловым преступления, был отклонен определением коллегии от 30 ноября 1946 г. Вместе с тем коллегия тем же определением снизила наказание Коновалову до пяти лет лишения свободы и исключила из приговора поражение его в избирательных правах.

Обсудив протест, внесенный председателем Верховного суда СССР в Пленум Верховного суда СССР, Пленум находит, что в действиях Коновалова нет состава преступлений, предусмотренных ст.ст. 167 ч. 3 и 162 п. «д» УК РСФСР.

Как видно из материалов дела, преступления, в которых обвиняется Коновалов, представляют собой единую цепь хулиганских действий, совершенных им в состоянии сильного опьянения. Если, согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы, преступления Коновалова не были совершены в состоянии патологического опьянения и он подлежит уголовной ответственности за совершенные преступления, то тем не менее для правильной юридической квалификации совершенных им действий является необходимым учесть состояние, в котором были совершены им данные преступления.

Хабаровский краевой суд неправильно квалифицировал нанесение Коноваловым ранения Литвиненко перочинным ножом как вооруженный разбой по ст. 167 ч. 3 УК РСФСР.

Для признания в действиях обвиняемого наличия состава преступления разбоя согласно ст. 167 УК требуется установить, что им совершено открытое нападение с целью завладения имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Поэтому лишь при установлении этой специальной цели нанесения ранения Литвиненко действия Коновалова можно было бы квалифицировать как разбой. Суд признал наличие этой цели в действиях Коновалова исключительно на основании показаний потерпевшей на судебном следствии. Литвиненко заявила, что Коновалов с целью ограбления нанес ей ножовое ранение в грудь и хотел вырвать у нее сверток, где находились ее покупки (детское платьице и детская комбинация) и сумка с партийным билетом. Утверждение Литвиненко, что Коновалов хотел вырвать у нее сверток, является, однако, исключительно предположением самой Литвиненко о намерениях Коновалова и не находит себе подтверждения в описании самой же Литвиненко обстоятельств совершенного преступления.

На допросе 26 января 1946 г. Литвиненко показала, что Коновалов по нанесении ей ранения за сверток, находившийся в ее руках, не хватался, так как она прикрыла сверток собой, упав на землю. На допросе 12 марта 1946 г. потерпевшая заявила, что она не знает, дотронулся ли нападавший на нее до свертка или нет. То, что имело место после нанесения ей ранения, она описывает при этом следующим образом: «Я помню хорошо, что я, предчувствуя, что неизвестный может забрать у меня сверток, в котором находилась сумка, а в сумке партбилет, сильно закричала, прижав к себе сверток, находившийся подо мною. После этого неизвестный ударил меня два раза ногой и побежал по направлению к улице К. Маркса». Показания Литвиненко свидетельствуют о том, что о намерении похитить у нее сверток она сделала вывод потому, что обвиняемый наклонился над ней, после того, как она упала в результате нанесенного ей ножового ранения в грудь. Из тех же показаний вытекает, что Коновалов ни за сумку, ни за сверток с покупками не хватался, не вырывал их из рук Литвиненко и не совершал каких-либо насильственных

действий, которые свидетельствовали бы более или менее отчетливо о его намерении завладеть имуществом потерпевшей. Поэтому нельзя согласиться с коллегией, которая в своем определении по настоящему делу, не подвергнув критической оценке показаний Литвиненко, признала по делу установленным, что Коновалов напал на Литвиненко с целью ограбления. Это утверждение Судебной коллегии является необоснованным. Все обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о том, что здесь имело место нанесение пьяным Коноваловым из хулиганских побуждений тяжкого телесного повреждения. Поэтому преступление Коновалова при отсутствии достаточно серьезного доказательства совершить похищение имущества потерпевшей должно быть квалифицировано не как вооруженный разбой по ст. 167 ч. 3 УК РСФСР, а как умышленное нанесение тяжкого телесного повреждения по ст. 142 ч. 1 УК РСФСР.

Второе преступление, совершенное Коноваловым П. И., — угон машины, принадлежащей коменданту г. Хабаровска — также неправильно квалифицировано судом по статье 162 п. «д» УК РСФСР. Суд без достаточного основания усмотрел в действиях Коновалова состав кражи государственного имущества. Это преступление Коновалова П. И. следует рассматривать как хулиганское действие, связанное со всем предшествующим поведением пьяного Коновалова в вечер 13 декабря 1945 г.

Для признания наличия в действиях Коновалова кражи, т. е. тайного похищения чужого имущества, необходимо установить, что он совершил изъятие имущества из чужого владения с целью присвоения. Однако хотя Коновалов и совершил изъятие автомашины из чужого владения, из владения Хабаровской военной комендатуры, тем не менее это изъятие произведено им без цели присвоения автомашины. Обстоятельства дела не дают оснований сделать вывод, что Коновалов преследовал при этом цель присвоения, т. е. обращения автомашины в свою собственность. Поэтому угон им стоявшей у подъезда военной комендатуры автомашины нельзя рассматривать как кражу. Его действия представляют собой лишь хулиганскую выходку человека, находившегося в состоянии сильного опьянения, и должны быть квалифицированы по статье 74 УК РСФСР. Так как это хулиганское действие было совершено после его задержания за хулиганские выходки в фойе кинотеатра и после того, как он уже получил в связи с этим предупреждение от коменданта города Хабаровска, хулиганство Коновалова следует квалифицировать по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет: во изменение приговора и последующих судебных определений по настоящему делу переквалифицировать действия Коновалова Петра Ивановича на ч. 1 ст. 142 и ч. 2 ст. 74 УК РСФСР, оставив в отношении его в силе наказание, назначенное определением Судебной коллегии по уголовным делам Верхов-

ного суда СССР от 30 ноября 1946 г., т. е. пять (5) лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах.

Комментарии

Определение Пленума Верховного суда СССР по делу Коновалова П. И. касается двух вопросов: во-первых, понимания разбоя в действующем праве и, во-вторых, более общего вопроса о необходимых субъективных признаках состава всякого похищения имущества.

Статья 167 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик определяют разбой как открытое с целью завладения чужим имуществом нападение, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Для признания наличия оконченного состава разбоя не требуется перехода имущества во владение виновного. Сам факт открытого нападения с целью завладения имуществом, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья, дает уже оконченный состав преступления разбоя. При определении ответственности за разбой наше законодательство пользуется конструкцией так называемого «усеченного состава» преступления. Существенным признаком разбоя является специальная цель нападения — завладение чужим имуществом. Поэтому в тех случаях, когда в действительности не имел места переход имущества в результате произведенного насилия во владение виновного, представляется необходимым с особым вниманием и тщательностью проанализировать все обстоятельства дела, которые служат доказательством наличия у нападающего именно этой цели нападения. В этом отношении характерным примером может служить настоящее дело. Является установленным, что Коновалов совершил нападение вечером 13 декабря 1945 г. на гр. Литвиненко, сопряженное с причинением ей насилия, опасного для жизни потерпевшей. Для того чтобы квалифицировать совершенное преступление как разбой, необходимо было на основании имеющихся материалов в деле установить наличие у Коновалова специальной цели завладения имуществом потерпевшей. Необходимых данных для такого вывода судебное следствие по делу Коновалова не дает. Поэтому Хабаровский краевой суд, руководствуясь лишь предположениями самой потерпевшей о цели нападения Коновалова, неосновательно сделал вывод о наличии у Коновалова цели завладения имуществом потерпевшей. Неосновательно на такую же позицию встала и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в своем определении по настоящему делу. Пленум Верховного суда в своем постановлении по настоящему делу специально отмечает, что Коновалов не совершил каких-либо насильственных действий, которые свидетельствовали бы

более или менее отчетливо именно о его намерении завладеть имуществом потерпевшей. Поэтому при отсутствии достаточно серьезных данных для установления в действиях Коновалова специальной цели завладения имуществом потерпевшей суд ошибочно квалифицировал совершенное им преступление, как вооруженный разбой. Пленум Верховного суда в своем постановлении по настоящему делу признал, что все собранные данные свидетельствуют о том, что здесь имело место нанесение из хулиганских побуждений тяжкого телесного повреждения потерпевшей, что предусмотрено ст. 142 ч. I УК РСФСР.

Большое принципиальное значение имеет постановление Пленума о квалификации второго преступления, совершенного Коноваловым, — угон автомашины, принадлежащей военной комендатуре г. Хабаровска. Пленум Верховного суда СССР отверг в этих действиях Коновалова наличие состава кражи государственного имущества, предусмотренной пунктом «д» ст. 162 УК, и признал необходимым квалифицировать эти действия, как хулиганство. Пленум не нашел состава кражи в этих действиях Коновалова потому, что в его действиях отсутствовал один из необходимых элементов состава любого похищения имущества, а в том числе и кражи — цель присвоения имущества, изъятая из чужого владения, цель обращения его в свою собственность: «Для признания наличия в действиях Коновалова П. И. кражи, т. е. похищения чужого имущества, необходимо установить, что он совершил изъятие имущества из чужого владения с целью присвоения. Однако, хотя Коновалов и совершил изъятие имущества из чужого владения, из владения Хабаровской военной комендатуры, но тем не менее это изъятие произведено им без цели присвоения автомашины. Обстоятельства дела не дают основания сделать вывод, что Коновалов П. И. преследовал при этом цель присвоения, т. е. обращения автомашины в свою собственность. Поэтому угон им стоявшей у подъезда военной комендатуры автомашины нельзя рассматривать, как кражу».

Для состава всякого похищения имущества недостаточно лишь умышленного изъятия имущества из чужого владения. С субъективной стороны всякое похищение имущества предполагает наличие не только прямого умысла, направленного на изъятие имущества из чужого владения, но еще и наличие специальной цели — обращения изъятая из чужого владения имущества в свою собственность, обращение с ним как со своим собственным имуществом. Эта специальная цель является необходимым элементом состава всякого похищения имущества. Отсутствие этого момента означает и отсутствие состава похищения имущества. В зависимости от обстоятельств дела в таком случае в действиях лица или вовсе отсутствует состав какого-либо преступления, или же в его действиях может иметься какой-либо другой состав преступления.

Наличие этой специальной цели деятельности (*animus rem sibi habendi*) признается единодушно и нашей теорией. Поэтому нельзя признать кражей тайное изъятие имущества из чужого владения для того, чтобы подшутить над его обладателем, а затем вернуть имущество потерпевшему. Не будет состава кражи в таком изъятии имущества из чужого владения с целью использовать это имущество в интересах владельца. Не будет состава грабежа в открытом захвате чужого имущества для того, чтобы немедленно его уничтожить; это следует рассматривать как умышленное истребление чужого имущества. Поэтому, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в своем определении от 12 февраля 1941 г. не нашла состава преступления в действиях Л., который, не получив корма для порученных ему лошадей, набрал для них корм из ячменки, предназначенной для корма свиней. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР не нашла состава кражи, а нашла состав лжедоноса в действиях виновных, взявших тайно с гумна 2 226 пудов пшеницы и закопавших ее в яму для того, чтобы сообщить следственным органам, что они похитили зерно по подстрекательству председателя колхоза. Определение Пленума Верховного суда по делу Коновалова, не усмотревшее состава кражи в угоне автомашины без цели ее присвоения, является новым доказательством того, что наша судебная практика считает цель обращения имущества в свою собственность составным элементом всякого похищения имущества.

О НЕОБХОДИМЫХ ПРИЗНАКАХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ РАЗБОЯ

**Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного
суда СССР от 14 июня 1947 г.**

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 14 июня 1947 г. протест председателя Верховного суда СССР по делу Дьяченко Ф. С. и Усова В. Н. на приговор Народного суда Хиславического района, Смоленской области, от 5 сентября 1946 г., которым были осуждены Дьяченко Федор Сидорович, 1920 г. рождения, член ВКП(б) с 1942 г., участник Отечественной войны, имеющий звание ст. лейтенанта, по ст. 182 ч. 1 УК к 2 годам лишения свободы и по ст. 142 ч. 1 УК—к 4 годам лишения свободы, а по совокупности к 4 годам лишения свободы и Усов Валентин Николаевич, 1922 г. рождения, кандидат в члены партии с 1942 г., участник Отечественной войны, имеющий звание ст. лейтенанта, по ст. 182, ч. 1 УК к трем годам лишения свободы, а также и на определение судебной коллегии по уголовным делам Смоленского Областного суда от 19 сентября 1946 г. по настоящему делу и определение судебной коллегии по уголов-

ным делам Верховного суда РСФСР по делу Дьяченко Ф. С. от 28 декабря 1946 г.

Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Дьяченко Ф. С., Усов В. Н. и брат его Анатолий возвращались на подводе 11 августа 1946 г. с базара из г. Мстиславля в поселок Хиславичи. Между 11—12 часами ночи, проезжая мимо деревни Грязь, Дьяченко, имея при себе револьвер системы «Наган», вместе с Усовым Анатолием проникли в сад гр-на Орловского с целью похищения яблок.

Будучи застигнутыми на месте совершения преступления соседом владельца сада гр-ном Харитоновым, подкравшимся к Дьяченко на расстоянии 4—5 метров, Дьяченко для того, чтобы избежать задержания, открыл беспорядочную стрельбу — произвел три выстрела, из которых одним ранил Харитонova в мягкую часть бедра и тем нанес ему ранение, отнесенное судебно-медицинской экспертизой к разряду легких. Установлено, что «наган», из которого был произведен выстрел, незаконно хранил у себя Усов В. Н. Кроме того, установлено, что Дьяченко Ф. С. и Усов В. Н. хранили у себя, без надлежащего разрешения, каждый в отдельности, по револьверу иностранной системы.

Приговор Народного суда в отношении Дьяченко был изменен определением судебной коллегии по уголовным делам Смоленского Областного суда от 19 сентября 1946 года: нанесение ранения гр-ну Харитонову было переквалифицировано со ст. 142 ч. 1 на ст. 143 ч. 1, по которой и было определено Дьяченко наказание — лишение свободы на один год. Приговор Народного суда в части осуждения Дьяченко по ст. 182 ч. 1 был оставлен в силе и в совокупности ему было определено наказание — лишение свободы на два года.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР определением от 28 декабря 1946 г. по протесту прокурора РСФСР, принесенного в порядке надзора, приговор Народного суда и определение судебной коллегии по уголовным делам Смоленского Облсуда по делу Дьяченко отменила и передала дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. При этом коллегия в своем определении указала, что инкриминируемое Дьяченко преступление надлежит квалифицировать как вооруженный разбой по ст. 167 ч. 3 УК РСФСР. Кроме того, судебная коллегия указала на необходимость привлечения к уголовной ответственности в качестве обвиняемого по настоящему делу Усова Анатолия Николаевича 1929 г. рождения, члена ВЛКСМ.

Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по настоящему делу подлежит отмене, а приговор Народного суда и определение судебной коллегии по уголовным делам Смоленского областного суда подлежат изменению по следующим основаниям:

1. Имеющиеся материалы в деле свидетельствуют о том, что нет оснований для квалификации преступления Дьяченко Ф. С. по

ст. 167 ч. 3 УК РСФСР. Согласно ст. 167 УК, разбоем признается открытое, с целью завладения чужим имуществом, нападение, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Для наличия состава преступления разбоя существенно необходимым является установить, что насилие в отношении потерпевшего произведено с целью завладения чужим имуществом.

Из всех материалов настоящего дела следует сделать вполне обоснованный вывод, что Дьяченко и Усов Анатолий пытались совершить тайное похищение яблок из чужого сада. Начатое тайно похищение имущества (кража) может перерасти в разбой, если насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего, применяется преступником с целью завладения чужим имуществом, с целью изъятия этого имущества из чужого владения. Материалы настоящего дела свидетельствуют о том, что применение Дьяченко насилия в отношении Харитоновых не было средством изъятия имущества из чужого владения, а было употреблено исключительно с целью избежать задержания со стороны Харитоновых. Одна лишь внешняя последовательность похищения имущества и применения в связи с этим насилия в отношении личности другого не дает еще состава разбоя. Для состава разбоя необходимо установить внутреннее единство этих действий. Это выражается в том, что насилие служит средством изъятия имущества из чужого владения. Поэтому действия Дьяченко следует квалифицировать не как разбой, а как совокупность преступлений — покушение на кражу и причинение телесного повреждения.

Покушение на кражу, совершенное Дьяченко совместно с Усовым Анатолием, следует квалифицировать по ст. 19 и п. «в» ст. 162 УК.

Что касается квалификации нанесения Дьяченко Харитонову телесного повреждения, то все обстоятельства дела свидетельствуют о том, что оно было нанесено им с эвентуальным умыслом. Стрелял Дьяченко для того, чтобы напугать Харитоновых и заставить его уйти. Стреляя, он не имел целью лишить жизни потерпевшего, он не имел и цели причинить ему какое-либо телесное повреждение. Однако та обстановка, в которой были произведены выстрелы Дьяченко, свидетельствует о том, что у него было сознание возможности причинения какого-либо вреда личности Харитоновых (выстрелы производились ночью, в воздух в ту сторону, где находился Харитонов). Следует признать, что Дьяченко предвидел возможность ранения потерпевшего и сознательно это допускал, т. е. причинил телесное повреждение с эвентуальным умыслом. Поэтому ранение Харитоновых в соответствии с характером нанесенного телесного повреждения подлежит квалификации по ст. 143 ч. 1 УК.

2. Хранение огнестрельного оружия Дьяченко Ф. С. и Усовым В. Н. суд правильно квалифицировал по ст. 182, ч. 1. Однако наказание за эти преступления суд определил им без должного учета личности осужденных и степени их виновности.

Дьяченко с начала до конца Великой отечественной войны находился на фронте, мужественно боролся с немецкими захватчиками, вступил на фронте в 1942 г. в ВКП(б), имеет пять правительственных наград — орден Отечественной войны первой степени, орден Отечественной войны второй степени, медали за взятие Варшавы, за взятие Берлина и за победу над Германией, получил 28 благодарностей за боевые действия от Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, дважды ранен на фронте.

Усов В. Н. также с начала и до конца Великой отечественной войны находился на фронте, имеет три правительственные награды, 13 благодарностей товарища Сталина за боевые действия против немецких захватчиков, в 1942 г. вступил в ВКП(б).

Осужденные указывают, что оружие им было подарено командованием за боевые действия, что они не успели оформить хранение его в надлежащем порядке и предъявили оружие по первому требованию соответствующих органов.

3. Что касается Усова Анатолия, то в его действиях имеются признаки покушения на кражу, предусмотренного ст. 19 и ст. 162 п. «в» УК РСФСР, но не было оснований к возбуждению о нем дела в силу примечания к ст. 6 УК РСФСР.

На основании изложенного, соглашаясь с протестом председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила.

Отменить определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 28 декабря 1946 г. по делу Дьяченко. Переквалифицировать действия Дьяченко на ст. ст. 142 ч. 1 и 182 ч. 1 УК РСФСР, определив ему наказание по каждой из этих статей один год лишения свободы, а по совокупности один год лишения свободы без поражения в правах.

Усову В. Н. по ст. 182 ч. 1 определить наказание один год исправительно-трудовых работ, зачесть отбытое лишение свободы в срок исправительно-трудовых работ и от дальнейшего отбывания наказания освободить.

Указать народному суду Хиславического района Смоленской области и судебной коллегии по уголовным делам Смоленского Областного суда, что действия Дьяченко Ф. С. заключали в себе еще состав преступления, предусмотренного ст. ст. 19 и 162 п. «в» УК РСФСР.

Комментарий

Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Дьяченко Ф. С. и Усова В. Н. имеет принципиальное значение, выходящее за рамки настоящего дела; для понимания состава преступления разбоя, а также понимания эвентуального умысла. Кроме того, в нем затрагивается вопрос об ответственности за совокупность преступлений и подчеркивается необходимость учета личности осужденного при определении меры наказания.

Уголовный кодекс РСФСР в ст. 167-й определяет разбой как открытое, с целью завладения имуществом, нападение, соединенное с насильем, опасным для жизни и здоровья. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. об усилении охраны личной собственности граждан расширил понятие разбоя за счет отнесения к нему тех случаев, которые ранее в нашем уголовном законодательстве рассматривались как грабеж с насильем. Указ считает разбоем нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насильем или угрозой применения насилья. К квалифицированному виду разбоя Указ относит разбой, соединенный с насильем, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой смерти, или тяжким телесным повреждением. Разбой является одним из видов похищения имущества. Действующее законодательство момент окончания преступления при совершении разбоя связывает не с моментом завладения чужим имуществом, а с моментом нападения с целью завладения чужим имуществом, т. е. прибегает здесь к конструкции «усеченного» состава преступления. Это, однако, не меняет юридической природы этого преступления. Отличительным признаком разбоя по сравнению с другими видами похищения имущества является его насильственный характер. Поэтому установление наличия этого признака в совершенном похищении имущества имеет решающее значение для его правильной квалификации. Для состава разбоя необходимо, чтобы примененное насилье над личностью было средством похищения имущества, т. е. изъятия его из чужого владения. Это означает, что в тех случаях, когда похищение имущества окончено, т. е. когда оно вышло из владения данного лица и перешло во владение виновного, для состава преступления разбоя необходимо установить причинную связь между совершенным насильем над личностью, изъятием имущества из чужого владения. В тех случаях, когда похищение еще не было завершено, для состава преступления разбоя необходимо установить, что насилье над личностью применялось с целью завладения чужим имуществом, т. е. с целью изъять имущество из чужого владения и установления владения на стороне похитителя. Поэтому применение преступником насилья в отношении потерпевшего после того, как уже похищение было окончено, например, для избежания задержания, нельзя рассматривать как насильственное похищение имущества, а следует рассматривать как совокупность двух преступлений — ненасильственного похищения имущества (кража) и соответствующего насилья над личностью. Точно так же когда ненасильственное похищение чужого имущества (кража) не было еще завершено, а остановилось на стадии покушения, применение в связи с этим насилья над личностью без цели завладения чужим имуществом не может превратить покушение на кражу в разбой. Кража может перерасти в разбой лишь в тех случаях, когда насилье было применено с целью завладения чужим имуществом. Исходя из этих соображений, судебная коллегия по уголовным делам

Верховного суда СССР в своем определении по настоящему делу указала, что «одна лишь внешняя последовательность похищения имущества и применения в связи с этим насилия в отношении личности другого не дает еще состава разбоя. Для состава разбоя необходимо установить внутреннее единство этих действий. Это выражается в том, что насилие служит средством изъятия имущества из чужого владения. Все обстоятельства настоящего дела свидетельствуют о том, что Дьяченко забрался в сад с целью тайного похищения чужих яблок. Причинение им телесного повреждения гр. Харитонову было вызвано единственно желанием создать для себя возможность благополучно ускользнуть из чужого сада. Насилие в отношении потерпевшего не было применено с целью завладения чужим имуществом — яблоками. Поэтому судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР с полным основанием не нашла в действиях Дьяченко состава преступления разбоя. Позиция по вопросу о юридической оценке преступления Дьяченко, занятая Прокурором РСФСР и судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР, является ошибочной. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР неосновательно согласилась с протестом Прокурора РСФСР и нашла в действиях Дьяченко состав разбоя, считая, что внешняя последовательность покушения на кражу и причинение насилия над личностью можно рассматривать как разбой, т. е. как нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием над личностью.

Таким образом, следует признать, что Дьяченко, пытаясь похитить яблоки, совершил не одно преступление — разбой, а совокупность двух преступлений. Первое из этих преступлений было покушение на кражу, совершенное по предварительномуговору с другими лицами (с Усовым Анатолием). Это преступление надлежало квалифицировать по ст. ст. 19 и 162 п. «в» УК РСФСР. Вопрос о квалификации другого преступления, выразившегося в нанесении Дьяченко телесного повреждения гр. Харитонову, поразному решался в процессе рассмотрения дела по различным судебным инстанциям.

Совершенное Дьяченко преступление нельзя было квалифицировать, как покушение на убийство Харитопова. Так было квалифицировано это преступление в обвинительном заключении прокурора. Однако такая квалификация справедливо была отвергнута в приговоре Народного суда. Для признания в действиях Дьяченко наличия покушения на убийство необходимо было установить наличие у него прямого умысла на лишение жизни Харитопова. Все обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о том, что целью его действий было вовсе не лишение жизни потерпевшего, а стремление лишь его напугать и заставить его уйти, чтобы самому благополучно выбраться из сада. Открывая стрельбу, Дьяченко не имел и вообще прямого умысла на

причинение какого-либо вреда здоровью потерпевшего. Тем не менее вся обстановка совершенного преступления позволяет сделать обоснованный вывод, что он действовал с неопределенным эвентуальным умыслом на причинение вреда здоровью потерпевшего. Он производил беспорядочные выстрелы ночью, в воздух, по направлению Харитонову. При оценке этих обстоятельств следует признать, что у него при этом было предвидение возможности наступления какого-либо вреда для здоровья потерпевшего, и он сознательно допускал его наступление. Поскольку эвентуальный умысел на причинение Харитонову телесного повреждения носил неопределенный характер, мы должны признать его виновным в умышленном причинении того телесного повреждения, которое фактически наступило, так как возможность его наступления входила в предвидение Дьяченко. Нанесенное телесное повреждение по заключению судебно-медицинской экспертизы должно быть отнесено к разряду легких. Поэтому нанесенное гр. Харитонову телесное повреждение следует квалифицировать как умышленное нанесение легкого телесного повреждения, предусмотренное частью первой ст. 143 УК РСФСР.

Дьяченко совершил совокупность преступлений—покушение на кражу и умышленное легкое телесное повреждение. Поэтому все совершенное Дьяченко должно было влечь за собой уголовную ответственность по правилам о совокупности преступлений.

Приговор народного суда и определение Смоленского областного суда по настоящему делу совершенно не упоминают об ответственности Дьяченко за покушение на кражу. Одной из частых ошибок наших судов при определении ответственности за совокупность преступлений является или полное упоминание о более легком из совершенных осужденным преступлений или отсутствие в приговоре определения наказания за каждое преступление в отдельности. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по настоящему делу специально указало как народному суду Хиславического района, так и судебной коллегии по уголовным делам смоленского областного суда на то, что действия Дьяченко наряду с телесным повреждением заключали в себе также и признаки состава преступления, предусмотренного ст.ст. 19 и 162 п. «в» УК РСФСР.

Специального внимания заслуживает вопрос о необходимости учета особенностей личности осужденного при определении ему меры наказания, поставленный в определении Судебной коллегии Верховного суда СССР по настоящему делу. Дьяченко и Усов были осуждены за незаконное хранение огнестрельного оружия по части первой ст. 182 УК РСФСР—Дьяченко к двум годам лишения свободы, Усов к трем годам лишения свободы. Судебная коллегия, считая в этом отношении правильным квалификацию действий осужденных, тем не менее признала, что назначенное судом наказание было определено без должного учета характера личности виновных. Хранение огнестрельного оружия без надле-

жащего разрешения представляет серьезную общественную опасность, так как таким путем создаются условия для возможности совершения ряда тяжких преступлений. Закон грозит достаточно суровым наказанием за это преступление. Суд в пределах карательной санкции должен выбрать наказание в соответствии со степенью вины и характера личности осужденных. В данном случае суд этого не сделал, поскольку назначил командирам Советской Армии, доблестно сражавшимся на фронтах Отечественной войны и имевшим ряд правительственных наград и большое число благодарностей от Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, слишком суровое наказание за хранение ими без разрешения огнестрельного оружия, к тому же полученного ими в качестве награды за их боевые действия на фронте. Судебная коллегия значительно снизила им наказание.

ОТЛИЧИЕ ГРАБЕЖА БЕЗ НАСИЛИЯ ОТ КРАЖИ

Определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 24 апреля 1946 г.

Приговором народного суда 4-го участка Кировского района г. Москвы от 11 декабря 1945 г. подсудимый Липилин Александр Сергеевич, рождения 1928 г., несудимый, и Солдатов Алексей Алексеевич, рождения 1928 г., несудимый, признаны виновными в том, что 26 октября 1945 г., встретив около Жуковского моста на железнодорожных путях Павелецкого вокзала г. Москвы гр. Бурмистрова, находившегося в сильном опьянении, затащили его в порожний вагон, стоявший на путях вблизи моста, и по обоюдному сговору произвели ограбление, сняли с потерпевшего демисезонное драповое пальто, хромовые сапоги, костюмный бостонный пиджак, в котором было денег 1860 руб., личные документы, и раздетого оставили в вагоне.

Тем же приговором подсудимый Гуров Анатолий Павлович, рождения 1923 г., несудимый, признан виновным в том, что в тот же вечер 26 октября 1945 г. взял от подсудимых Липилина и Солдатова похищенный ими пиджак, зная, что он был добыт преступным путем, для продажи на рынке за 800 руб. и утром 27 декабря 1945 г. был с этим пиджаком задержан на рынке потерпевшим.

Суд приговорил Липилина и Солдатова по ст. 165 ч. 3 УК РСФСР к лишению свободы сроком на три года каждого, а Гурова на основании ст. ст. 17 и 165 ч. 3 УК РСФСР к лишению свободы сроком на полтора года. Гражданский иск в сумме 7860 руб. был признан подлежащим удовлетворению за солидарной ответственностью Солдатова и Липилина.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда определением от 20 декабря 1945 г. приговор народ-

ного суда оставила в силе, а кассационные жалобы Липилина, Солдатова и Гурова — без последствий.

Приговор по настоящему делу подлежит изменению по следующим основаниям:

1. Квалификация действий Липилина, Солдатова и Гурова по ст. 165 ч. 3 УК РСФСР не соответствует обстоятельствам дела и не является поэтому правильной.

Грабеж, т. е. открытое похищение чужого имущества, рассматривается советским уголовным законодательством как преступление, более тяжкое, чем кража, т. е. тайное похищение чужого имущества. Основание такой оценки грабежа заключается в том, что грабеж, даже без насилия, свидетельствует о большой дерзости виновного, о том, что его не останавливает от совершения преступления сознание, что потерпевший понимает, что над ним совершается ограбление и что потерпевший может отказаться от сопротивления, боясь, что похититель применит к нему насилие.

Закон определяет грабеж как открытое похищение чужого имущества в присутствии потерпевшего. Но «присутствие» закон понимает не только в смысле фактического нахождения потерпевшего на месте преступления. При таком понимании карманная кража, при которой потерпевший не замечает, что его обкрадывают, должна была бы рассматриваться, как грабеж, что противоречило бы понятию кражи как тайного похищения. Для наличия грабежа необходимо, чтоб потерпевший понимал, что его имущество становится объектом похищения.

Но если бы потерпевший и сознавал это, а похититель был убежден, что он действует тайно, не замечаемый потерпевшим, то и тогда действия его не могли бы быть квалифицированы как грабеж, так как виновный действовал без той дерзости, без того открытого пренебрежения к личности потерпевшего, которое характерно для грабежа.

Как видно из дела, в своем первом заявлении, написанном в вечер ограбления, после того как Бурмистров проспал несколько часов раздетый в пустом вагоне, он писал, что с него сняли пальто и похитили другое имущество, так как был «в нетрезвом виде», и не давал абсолютно никаких указаний, кто, когда и где его ограбил. При допросе 27 октября Бурмистров показал: «Когда я шел по Дубининской улице, меня догнали примерно 3—4 человека, которые подхватили меня под руки, и более я не помню, что было».

На судебном заседании Бурмистров показал, что когда после выпивки он шел, то увидел, что за ним шли два неизвестных подростка. «Этот случай был около 7 часов, и я не помню, как я попал в вагон, и, очнувшись только в 9 часов вечера, увидел, что был раздет».

Таким образом, из показаний самого потерпевшего с несомненностью вытекает, что он не сознавал и не мог сознавать, находясь в бесчувственно пьяном состоянии, как с него снимают

пальто и другие вещи. Объяснения подсудимых, что они, проследив, как пьяный Бурмистров влез в вагон, последовали за ним и раздели его, лежащего на диване, являются вполне правдоподобными и соответствующими обстановке.

Народный суд в своем приговоре и городской суд в своем определении ссылаются как на доказанность грабежа на признание Липилиным и Солдатовым своей вины. Между тем из всех показаний Липилина и Солдатова видно, что они признавали себя вообще виновными в похищении у потерпевшего вещей. Отсюда отнюдь нельзя сделать вывод, что они соглашались с квалификацией их преступления как грабежа, как открытого похищения. Наоборот, они все время подчеркивали, что похитили вещи у лица, находящегося в «беспамятном состоянии».

Равным образом, не может быть признано основательным указание в определении Московского городского суда на то, что если бы даже Бурмистров и был в бессознательном состоянии, то и в этом случае действия подсудимых надлежало квалифицировать как грабеж, так как разделение потерпевшего имело место в дневное время, публично, в присутствии граждан. Такое толкование понятия грабежа противоречит закону, так как согласно ст. 165 УК под грабежом следует понимать открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведущего этим имуществом. Таким образом, присутствие третьих лиц само по себе не является еще основанием для квалификации хищения как грабеж. Только в том случае, когда третье лицо в отсутствие потерпевшего или при отсутствии у последнего сознания, что его имущество похищается (как, в частности, имело место и по данному делу) вступает в защиту его интересов и тем самым как бы принимает имущество в свое ведение, хищение имущества в присутствии третьего лица при таких именно условиях должно рассматриваться, как грабеж. Поскольку же по данному делу такие обстоятельства не имели места, действия осужденных, хотя, бы и совершенные при условиях, указанных в определении городского суда, не давали основания для квалификации их как грабеж, не говоря уже о том, что само утверждение городского суда не соответствует обстоятельствам дела, из которого видно, что хищение было совершено вечером в пустом вагоне, а не в присутствии граждан.

По изложенным соображениям следует признать, что действия Липилина и Солдатова подпадают не под ст. 165 ч. 3 УК, а под ст. 162 п. «в» УК РСФСР.

2. Поскольку действия Липилина и Солдатова квалифицируются как кража, то и действия Гурова как пособника их преступления, помогавшего реализовать похищенное и тем самым содействовавшего сокрытию их преступления, должны быть квалифицированы как пособничество в краже, а не в грабеже.

Гуров отрицает свою виновность, утверждая, что он не знал, что принял для продажи вещь, добытую преступным путем. Не

говоря об оговоре Липилина и Солдатова, виновность его доказывается показанием свидетеля Волкова.

Судебная коллегия определяет: переквалифицировать действия Липилина и Солдатова на п. «в» ст. 162 УК РСФСР, а действия Гурова на ст. ст. 17 и 162 п. «в» того же УК, определив наказание Липилину и Солдатову в 1 год лишения свободы в общих местах заключения каждому без поражения в правах; Гурову в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 13 апреля 1944 г. «О порядке определения наказания за хищение личного имущества граждан» определить наказание в четыре месяца лишения свободы. Зачесть всем осужденным время, отбытое ими под стражей. В остальном приговор оставить в силе.

Комментарии

Советское уголовное право до Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. об усилении охраны личной собственности граждан знало похищение чужого имущества как тайное — кражу, так и открытое — грабеж и разбой, причем грабеж мог быть без насилия и с насилием. От кражи грабеж без насилия отличался тем, что для состава его требуется: с объективной стороны — сознание потерпевшего, что его имущество похищается, или сознание этого момента третьими лицами; с субъективной стороны — сознание виновного, что он действует явно для потерпевшего или третьих лиц. Грабеж без насилия карался советским уголовным правом более сурово, чем простая кража, именно по тому соображению, что грабеж хотя бы и без насилия свидетельствует о большей дерзости виновного. Его не останавливает от грабежа мысль, что потерпевший может оказать ему противодействие. С другой стороны, потерпевший может не оказать сопротивления, боясь, что грабитель не остановится и перед применением насилия. Поэтому в то время как УК РСФСР за простую кражу чужого имущества назначал санкцию в виде лишения свободы или исправительно-трудовых работ до 3 месяцев (ст. 162 п. «а»), простой грабеж карался лишением свободы сроком до одного года (ст. 165, ч. 1).

Но для обвинения за грабеж необходимо установить наличие его. В этом отношении судебная практика неправильно иногда квалифицировала как грабеж похищение имущества у бесчувственно-пьяного в условиях, исключающих «открытое» похищение имущества, в том смысле как закон понимает этот признак.

Верховный суд СССР уже дал толкование понятия грабежа и отличия его от кражи в определении Судебной коллегии по уголовным делам от 16 марта 1940 г.

Судебная коллегия отменила определение Московского городского суда, усмотревшего состав грабежа в действиях Б. и других, похитивших у лежавшего в нетрезвом состоянии гражданина часы. Судебная коллегия указала, что грабеж, определяемый законом как открытое похищение имущества в присутствии лица,

обладающего, пользующегося или ведающего им, предполагает такую обстановку хищения, при которой оба вышеуказанных признака — открытое похищение и присутствие потерпевшего — находятся между собой в неразрывной связи. Эта связь заключается в том, что в противовес краже, являющейся тайным похищением имущества, при котором потерпевший не знает, что его имущество похищается, для наличия грабежа как открытого похищения необходимо, чтобы потерпевший понимал, что его имущество становится предметом похищения. Поэтому одно только присутствие лица при похищении его имущества является недостаточным для квалификации хищения как грабежа, так как это присутствие не всегда дает основание квалифицировать хищение как открытое.

О ПРЕДЕЛАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ ТРАНСПОРТА ПО СТАТЬЯМ О ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ.

Постановление Пленума Верховного суда Союза ССР от 21 марта 1947 г.

Михайловский, работавший грузчиком городского участка Котласского порта, был привлечен к уголовной ответственности по п. «г» ст. 193-7 УК РСФСР по обвинению в том, что он дважды в августе 1946 г. совершил самовольную отлучку продолжительностью первая в 4 и вторая в 5 дней.

Определением подготовительного заседания Военного трибунала Северного бассейна от 18 сентября 1946 г. действия, инкриминируемые Михайловскому, были переквалифицированы на ч. 2 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. Внесенный по этому делу прокурором Северного бассейна частный протест в Военную водно-транспортную коллегия Верховного суда СССР был отклонен определением коллегии от 26 ноября 1946 г. по тем основаниям, что Михайловский поступил на транспорт по трудовому договору на 3 года и поэтому за прогул подлежит ответственности на общих основаниях по Указу от 26 июня 1940 г.

Генеральный прокурор СССР внес по данному делу в Пленум Верховного суда СССР протест, в котором указывает, что действия, инкриминируемые Михайловскому, подлежат квалификации как воинское преступление в силу указов Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля и 9 мая 1943 г., согласно которым работники железнодорожного и водного транспорта несут ответственность за преступления по службе наравне с военнослужащими. По мнению Генерального прокурора, исключение из этого порядка ответственности может быть лишь в отношении лиц, принятых на работу временно на одну навигацию или для выполнения каких-либо определенных, обусловленных специальным договором работ; Михайловский же, как поступивший на работу по договору на 3 года, не может рассматриваться как сезонный или

временный рабочий. Заключая договор трудового найма, работник тем самым соглашается работать на условиях, установленных законом для данного предприятия, в которое он поступает на работу, и принимает на себя все права и обязанности, существующие для работников этого предприятия. Далее Генеральный прокурор указывает, что изъятие этой категории работников из-под действия Указа от 9 мая 1943 г. влечет за собой вредную практику установления неоднородной ответственности для работников транспорта, поступивших на работу на неопределенный срок и поступивших на определенный, обусловленный договором срок, превышающий срок сезонных работ. Ввиду всего изложенного Генеральный прокурор считает необходимым отменить вынесенные по делу определения и дело передать на новое рассмотрение в подготовительное заседание Военного трибунала Северного бассейна.

Обсудив протест, Пленум полагает, что он не подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

1. Устанавливая общее положение, что работники транспорта несут ответственность за преступления по службе, как за воинские преступления, независимо от того, что работник поступил на работу по договору на определенный срок, Генеральный прокурор допускает исключение для работников, поступивших на временную или сезонную работу. Это исключение не вяжется с приведенным выше общим положением и приобретает характер произвольного отступления, не основанного на законе, если считать, что по смыслу указов от 15 апреля и 9 мая 1943 г. все работники транспорта подлежат ответственности, установленной этими указами.

2. Не является убедительным изложенное в протесте соображение о том, что работник, поступая на работу по договору, принимает на себя тем самым все права и обязанности, существующие на данном предприятии, а тем самым, как можно понять из протеста, и уголовную ответственность за преступления по службе, установленную для работников данного предприятия. Уголовная ответственность не может быть установлена в договорном порядке и возникает в случаях, прямо указанных в законе. Установление в договоре иного, не предусмотренного законом, порядка уголовной ответственности является лишь основанием для признания в этой части договора недействительным, как противоречащего закону. Поэтому условия договора и воля сторон при его заключении не могут быть привлечены в качестве основания для установления порядка уголовной ответственности за неисполнение договора, если порядок этой ответственности не основан на законе.

3. Равным образом не может быть признан убедительным довод протеста о нецелесообразности разнородной ответственности работников на одном и том же предприятии. Ответственность работников вытекает в данном случае из их правового положения. Если признать неоднородность правового положения, допускаемую

законом, то отсюда может следовать, что эта неоднородность порождает и неоднородную ответственность.

Обращаясь к основному утверждению протеста, следует признать, что работники транспорта, поступившие на работу на транспорт на определенный срок, не могут отвечать за преступления по службе, а в том числе и за самовольные отлучки и за самовольный уход, наравне с военнослужащими. Ст. 3 Указа от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на железных дорогах», распространенного Указом от 9 мая 1943 г. и на водный транспорт, устанавливающая ответственность работников транспорта за преступления по службе наравне с военнослужащими, не может применяться в отрыве от ст. 2 Указа от 15 апреля 1943 г., согласно которой все работники транспорта считаются мобилизованными и закрепленными для работы на транспорте. Сопоставление этих двух статей диктует необходимость сделать вывод, что ст. 3 Указа имеет в виду работников транспорта, закрепленных за транспортом. Что же касается лиц, поступивших на транспорт на определенный срок, независимо от его продолжительности, то, как лица, пользующиеся правом ухода с работы по окончании срока договора, они не могут рассматриваться как закрепленные за транспортом, и поэтому на них не может быть распространено действие ст. 3 упомянутого Указа. Законность же самого договора, предусматривающего поступление на работу на транспорт на определенный срок, не возбуждает никаких сомнений и не оспаривается и протестом. Поэтому следует признать, что эта категория работников должна отвечать за преступления по службе, в том числе и за прогул без уважительных причин и за самовольный уход не наравне с военнослужащими, а на общих основаниях. Ввиду этого следует также признать правильными определения Военного трибунала Северного бассейна и Военной водно-транспортной коллегии, квалифицировавшие действия, инкриминируемые Михайловскому, не по п. «г» ст. 193-7 УК РСФСР, а по Указу от 26 июня 1940 г.

По всем изложенным основаниям Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Протест Генерального прокурора СССР по настоящему делу отклонить.

Постановление Пленума Верховного суда Союза ССР от 21 марта 1947 г.

По приговору Военного трибунала Нижне-Волжского и Уральского бассейнов от 18 ноября 1946 г., оставленному в силе определением Военной водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР от 31 декабря 1946 г., Подшибякин был осужден по пункту «г» ст. 193-7 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы без поражения в правах по обвинению в том, что, будучи откомандирован из местного флота на 16-й строительный участок магистрали Астрахань — Москва, он, проработав некоторое время на этой

магистрала, самовольно оставил работу. Действия Подшибякина неправильно квалифицированы по п. «г» ст. 193-7 УК РСФСР, так как Подшибякин самовольно ушел, находясь на работе не на транспорте, а на строительстве Министерства связи. Между тем, работники транспорта несут ответственность наравне с военнослужащими только за преступления, совершенные ими на транспорте, и это правило не может распространяться на те случаи, когда работники транспорта откомандированы для работы на другие отрасли народного хозяйства. По изложенным основаниям действия Подшибякина подлежат квалификации по ч. 1 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. Ввиду изложенного Пленум Верховного суда Союза ССР постановляет:

Переквалифицировать действия Подшибякина Александра Артемьевича на ч. 1 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г., определив ему наказание в четыре (4) месяца тюремного заключения с зачетом времени, отбытого под стражей.

Комментарии

Постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Михайловского Н. А. разрешает важный вопрос о правовом положении лиц, работающих по срочным трудовым договорам на железнодорожном или водном транспорте. Пленум в своем постановлении по настоящему делу подчеркивает, что их правовое положение существенно отличается от правового положения лиц, считающихся согласно указам Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. и 9 мая того же года мобилизованными и закрепленными для постоянной работы на транспорте. Лица, работающие на транспорте по срочным договорам, не могут считаться мобилизованными и закрепленными на постоянную работу на транспорте, так как по истечении срока их договора они имеют право оставить работу на транспорте. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1945 г. установил ответственность работников железнодорожного транспорта за совершенные ими преступления по службе как за воинские преступления именно в связи с тем, что эти лица считаются приравненными к военнослужащим как мобилизованные и закрепленные на работе на транспорте. Весь смысл заключения договора на срочную работу на транспорт заключается в том, что эти лица не могут рассматриваться как мобилизованные. Иное правовое положение лиц, работающих на транспорте по договорам и влечет за собой иное решение вопроса об их уголовной ответственности за совершенные нарушения трудовой дисциплины. Так как они не считаются мобилизованными, то на них не может быть распространено действие главы о воинских преступлениях Уголовного кодекса. Поэтому обвиняемый по настоящему делу, работавший грузчиком в порту, за совершенный прогул не может отвечать как за дезертирство по пункту «г» ст. 193-7 УК РСФСР. Его ответственность должна определяться на общем основании, т. е. по ч. 2 ст. 5

Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1946 г. На такую позицию встал Пленум Верховного суда СССР, отклонив протест Генерального прокурора СССР по настоящему делу.

Принципиальное значение для понимания ответственности по Указу Президиума Верховного Совета от 15 апреля 1943 г. и 9 мая 1943 г. имеет и постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Подшибякина А. А. Работники транспорта несут ответственность за совершенные нарушения по службе как за воинские преступления, поскольку таким путем нарушаются интересы транспорта. Лишь в этом отношении их уголовная ответственность определяется на тех же основаниях, что и ответственность военнослужащих. Поэтому, если работник транспорта откомандирован на работу в иную отрасль народного хозяйства, то совершение там соответствующих нарушений трудовой дисциплины не может рассматриваться, как воинское преступление. В этом случае объектом является уже не работа транспорта, а иные хозяйственные интересы государства. Поэтому Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении по делу Подшибякина А. А., откомандированного с водного транспорта на строительство магистрали Астрахань—Москва Министерства связи СССР и самовольно оставившего место работы, с полным основанием не нашел в его действиях состава дезертирства, предусмотренного пунктом «г» ст. 193-7 УК РСФСР. Совершенное им преступление Пленум квалифицировал на общих основаниях как самовольный уход по ч. 1 ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. Пленум в своем постановлении по настоящему делу указал, что «работники транспорта несут ответственность наравне с военнослужащими только за преступления, совершенные ими на транспорте, и это правило не может распространяться на те случаи, когда работники транспорта откомандированы для работы в другие отрасли народного хозяйства».

О ПРЕДЕЛАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ ТРАНСПОРТА ПО СТАТЬЯМ О ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ.

Постановление Пленума Верховного суда Союза ССР от 4 апреля 1947 г.

По приговору Военного трибунала Винницкой ж. д. от 27 января 1946 г. Юрчук был осужден по п. «б» ст. 206-7 УК УССР к одному году исправительно-трудовых работ с удержанием из заработной платы 20% по обвинению в том, что, работая в качестве стрелочника ст. Казатин, он 31 декабря 1945 г. и 9 января 1946 г. явился на работу в нетрезвом виде и в связи с этим к работе допущен не был.

Определением Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 10 июня 1946 г., вынесенным в порядке надзора,

указанный приговор был отменен и дело производством прекращено за отсутствием в действиях Юрчука состава преступления. При этом коллегия указала, что по Правилам внутреннего распорядка, утвержденным СНК СССР 18 января 1941 г., появление в нетрезвом состоянии на работу влечет дисциплинарную ответственность; к тому же допущенное Юрчуком нарушение трудовой дисциплины не могло повлечь тяжких последствий, так как он к работе допущен не был.

Определение коллегии в части непризнания в действиях Юрчука признаков п. «б» ст. 206-6 УК УССР является правильным, однако этот вывод вытекает не из мотивов, приведенных коллегией, которые не могут быть признаны основанными на законе. Вопреки утверждению коллегии по Типовым правилам внутреннего трудового распорядка, утвержденным Совнаркомом СССР 18 января 1941 г., появление работника на работе в нетрезвом состоянии влечет не дисциплинарную, а уголовную ответственность, так как это нарушение трудовой дисциплины приравнено к прогулу без уважительных причин (ст. 26 упомянутых Правил). Поэтому, неправильность применения в данном случае п. «б» ст. 206-7 УК УССР вытекает не из указанных Типовых правил внутреннего трудового распорядка, а, наоборот, из того, что эти Правила не могут быть применены по данному делу.

Одним из основных признаков самовольной отлучки, караемой по ст. 206-7 УК УССР (ст. 193-7 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), и в том числе по п. «б» указанных статей, является незаконное отсутствие военнослужащего в воинской части в течение времени, указанного в законе. Так как работники железнодорожного транспорта, согласно ст. 3 Указа от 15 апреля 1943 г., несут ответственность за преступления по службе наравне с военнослужащими, следует признать, что закон о самовольной отлучке может быть к ним применен при совершении ими такого преступления по службе, которое по своим признакам совпадает с признаками, указанными в законе. Таким образом, обязательным условием применения к этим работникам п. «б» ст. 206-7 УК УССР является незаконное отсутствие работника на работе в течение времени, указанного в этой статье. То обстоятельство, что ст. 26 Правил внутреннего трудового распорядка приравнивает появление на работе в нетрезвом виде к уголовно-наказуемому прогулу, караемому по Указу от 26 июня 1940 г., не дает оснований в отношении транспортников приравнивать это нарушение к самовольной отлучке, поскольку ответственность транспортников за прогул в силу специального Указа от 15 апреля 1943 г. определяется не Указом от 26 июня 1940 г., а Положением о воинских преступлениях, на которое требование указанной ст. 26 Правил не распространяется. Поэтому появление работника транспорта на работе в нетрезвом виде, поскольку это нарушение не выразилось в отсутствии на работе, не может караться как самовольная отлучка.

Но правильно отвергнув (хотя и по неосновательным мотивам) в действиях Юрчука признаки п. «б» ст. 206-7 УК УССР, коллегия неправильно указала, что в действиях Юрчука вообще отсутствует состав преступления, потому что совершенное им нарушение трудовой дисциплины не могло повлечь тяжких последствий, так как он к работе допущен не был.

Нарушение работником транспорта трудовой дисциплины, в том числе и появление на работе в нетрезвом виде, если такое нарушение повлекло или могло повлечь последствия, указанные в ст. 56-3 «а» УК УССР (ст. 59-3 «в» УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), влечет уголовную ответственность по указанным статьям УК. Появление в нетрезвом виде на работе стрелочника, работа которого должна обеспечить правильность и безопасность движения поездов, несомненно, создает угрозу наступления последствий, указанных в приведенных статьях УК, так как они к числу этих последствий относят именно угрозу правильности и безопасности движения поездов. Поэтому стрелочник в приведенных случаях, как правило, подлежит уголовной ответственности по указанным статьям УК. Соображения коллегии о том, что в действиях Юрчука отсутствует состав преступления, так как он не был допущен к работе и поэтому совершенное им нарушение трудовой дисциплины не могло повлечь тяжких последствий, не является основательным. Прежде всего само отстранение Юрчука от работы при отсутствии заместителя или невозможности своевременного его замещения уже создавало угрозу тяжкими последствиями. Но даже и при условии своевременного его замещения устранение по независящим от Юрчука обстоятельствам, путем постороннего вмешательства возможности тяжких последствий, не снимает с него ответственности за создание условий, допускавших возможность их наступления и потребовавших принятия мер к их устранению. В этом именно и заключается смысл ст. 59-3 «в» УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, карающих не только при условии наступления тяжких последствий, но и при условии их возможного наступления, т. е. и тогда, когда тяжкие последствия в результате действий виновного могли наступить, но эта возможность была устранена благодаря постороннему вмешательству, не зависящему от виновного лица.

Поэтому следует признать, что и в этой части мотивы коллегии являются неправильными и что в действиях Юрчука имеются признаки ч. I ст. 56-3 «а» УК УССР, тем более, что он дважды допустил указанное нарушение трудовой дисциплины.

Учитывая, однако, что передача в настоящее время дела на новое рассмотрение представляется явно нецелесообразным, что хотя действия Юрчука и содержат состав преступления, но применение к нему мер уголовного наказания в данный момент не представляется безусловно необходимым, Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Во изменение определения Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 10 июня 1946 г. по делу Юрчука Ивана Степановича исключить из этого определения приведенные в нем мотивы и дело Юрчука производством прекратить не за отсутствием в его действиях состава преступления, а в силу ст. 5 УПК УССР.

Комментарии

Постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Юрчука И. С. имеет существенное значение для правильной квалификации нарушений трудовой дисциплины работников железнодорожного и водного транспорта. Согласно ст. 26 «Типовых правил внутреннего распорядка для рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений», утвержденных 18 января 1941 г. Совнаркомом СССР, появление рабочих и служащих на работе в нетрезвом виде влечет за собой для рабочих и служащих уголовную ответственность по части 2 ст. Указа Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. Иначе должен быть разрешен вопрос об ответственности за появление на работе в нетрезвом виде рабочих и служащих железнодорожного и водного транспорта. Согласно Указу Президиума Верховного Совета от 15 апреля 1943 г. о введении военного положения на всех железных дорогах, работники железнодорожного транспорта отвечают за преступления по службе наравне с военными служащими Советской Армии. Тот же порядок ответственности установлен для работников водного транспорта за преступления по службе Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1943 г. Поэтому прогул и самовольный уход работников железнодорожного и водного транспорта не может влечь за собой уголовную ответственность по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. Самовольный уход с работы этих лиц должен влечь за собой всегда ответственность как за дезертирство по ст. 193-7 п. «г» УК РСФСР и соответствующим статьям уголовного кодекса других союзных республик. Прогул работников железнодорожного и водного транспорта в зависимости от его продолжительности должен влечь за собой уголовную ответственность или как за дезертирство, или как за самовольную отлучку (п. «б» ст. 193-7 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), или ответственность в дисциплинарном порядке. Однако для преследования прогула по ст. 193-7 УК необходимо, чтобы он заключал в себе признаки состава преступления, предусмотренного этой статьей. Такая квалификация обязательно предполагает отсутствие в течение определенного срока работника транспорта на работе; как не заключает в себе состава преступления самовольной отлучки нахождение в нетрезвом виде военнослужащего в воинской части, так не может рассматриваться как самовольная отлучка и нахождение работника железнодорожного или

водного транспорта на работе в нетрезвом виде. Однако, если в этих действиях работников железнодорожного или водного транспорта отсутствует состав самовольной отлучки, то это не значит, что такие действия вовсе не могут влечь за собой уголовной ответственности. Появление в нетрезвом виде на работе не может влечь за собой уголовной ответственности, а должно влечь за собой лишь дисциплинарную ответственность в тех случаях, когда такое состояние работника транспорта не повлекло и не могло повлечь за собой тяжелых последствий, указанных в ст. 59-3 «в» УК РСФСР и в соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик. В тех случаях, когда выход работника транспорта на работу в нетрезвом виде повлек или мог повлечь указанные последствия, его ответственность должна быть определена по ст. 59-3 «в» УК. Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении по настоящему делу указывает, что появление в нетрезвом виде на работе Юрчука, работавшего на железнодорожном транспорте в качестве стрелочника, работа которого обеспечивает правильность и безопасность движения поездов, должно влечь за собой уголовную ответственность, так как появление Юрчука на работе в таком состоянии могло повлечь тяжелые для транспорта последствия. То обстоятельство, что эта возможность не превратилась в действительность благодаря вмешательству других лиц, не исключает ответственности Юрчука за то, что он своим нарушением трудовой дисциплины на транспорте создал угрозу возможности наступления таких последствий. В этих действиях имеется состав преступления, предусмотренный ст. 59-3в УК. Пленум Верховного суда СССР, считая, однако, нецелесообразным применить к Юрчуку наказание, производство по делу прекратил не за отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления, а в порядке ст. 5 УПК УССР (ст. 8 УК РСФСР).

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ДЕЗЕРТИРСТВОМ И НЕСВОЕВРЕМЕННЫМ ВОЗВРАЩЕНИЕМ ИЗ ОТПУСКА.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 5 апреля 1946 г.

По приговору Военного трибунала Ангарского и Байкало-Селенгинского бассейнов от 16 августа 1945 г. кочегар парохода «Байкал» Рагозин был осужден по п. «г» ст. 193-7 УК РСФСР с применением ст. ст. 51 и 53 того же УК к 5 годам лишения свободы условно с испытательным сроком в течение двух лет.

Приговором и материалами дела установлено, что Рагозин, получив 19 июля 1945 г. увольнение на берег с 12 до 18 часов, ушел к себе домой в село Киколу и пробыл там до 27 июля, после чего явился на работу.

Определением Военной водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР от 10 октября 1945 г., вынесенным по протесту Прокурора СССР, действия Рагозина переквалифицированы на п.

«а» ст. 193-10 УК РСФСР с оставлением без изменения наказания, назначенного по приговору. Коллегия при этом указала, что, будучи отпущен с судна до вечера 19 июля 1945 г., Рагозин не возвратился из отпуска в срок на работу, ввиду чего действия его, выразившиеся в несвоевременном возвращении из отпуска, а не в дезертирстве, должны квалифицироваться не по п. «г» ст. 193-7 УК РСФСР, а по п. «а» ст. 193-10 того же УК.

Определение коллегии является неправильным.

Основное различие, разграничивающее составы, предусмотренные в ст.ст. 193-7 и 193-10 УК РСФСР, заключается в том, что в первом случае лицо самовольно без разрешения оставляет часть, а во втором случае оно оставляет часть на законном основании, но несвоевременно возвращается обратно. Однако было бы неправильно во всех случаях разрешать указанный вопрос, исходя только из объективного критерия внешней правомерности оставления части без учета субъективных свойств действия в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Если по делу установлено, что получение обвиняемым разрешения на кратковременное увольнение или отпуск преследовало с его стороны задачу облегчить или замаскировать таким путем осуществление своего умысла на длительное незаконное оставление части, то такого рода действия нет оснований квалифицировать по ст. 193-10 УК. В этих случаях, поскольку длительность незаконного отсутствия сверх разрешенного отпуска или кратковременного увольнения раскрывает подлинное содержание умысла обвиняемого, действия последнего надлежит квалифицировать как самовольную отлучку или дезертирство в зависимости от обстоятельств дела.

Поэтому и по данному делу, по которому установлено, что, получив увольнение на 6 часов, Рагозин отсутствовал 8 дней, используя таким образом разрешение для длительного и незаконного оставления части, действия Рагозина надлежало квалифицировать не по п. «а» ст. 193-10 УК РСФСР, а по п. «г» ст. 193-7 того же УК.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Военной водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР от 10 октября 1945 г. по делу Рагозина Юрия Павловича отменить, оставив в отношении его в силе приговор Военного трибунала Ангарского и Байкало-Селенгинского бассейнов от 16 августа 1945 г.

Комментарии

Постановление Пленума Верховного суда СССР по настоящему делу не только касается вопроса о разграничении состава преступления дезертирства и невозвращения в срок из отпуска, но и более общего вопроса о важности внимательного анализа субъективной стороны совершенного преступления для правильной его юридической квалификации.

Преступление Рагозина Ю. П. выразилось в том, что он, получив 19 апреля 1945 г. увольнение с парохода на берег на шесть часов, отправился к себе домой и пробыл там без каких-либо на то уважительных причин восемь дней. Это преступление получило различную юридическую квалификацию в приговоре Военного трибунала, рассматривавшего это дело в качестве суда первой инстанции и в определении Военной водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР, рассматривавшей это дело в порядке надзора по протесту Генерального прокурора СССР. Военный трибунал квалифицировал эти действия как дезертирство по ст. 193-7 п. «г» УК РСФСР. Военная водно-транспортная коллегия усмотрела в действиях Рагозина состав несвоевременного возвращения из отпуска и квалифицировала поэтому совершенные им действия по ст. 193-10 п. «а» УК РСФСР. Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении по настоящему делу признал ошибочным определение Военной водно-транспортной коллегии и оставил в силе приговор Военного трибунала.

При рассмотрении вопроса о различии этих двух составов преступлений обращает на себя внимание прежде всего разница объективных свойств того и другого преступления. Для дезертирства (а равно и самовольной отлучки) является характерным самовольное, без разрешения на то начальства, оставление своей части или места службы, т. е. неправомерное оставление воинской части или места службы; для состава преступления несвоевременного возвращения из отпуска необходимо правомерное оставление воинской части или места службы и отсутствие уважительных причин, могущих оправдать несвоевременное возвращение в воинскую часть или место службы. Однако только этими объективными признаками не исчерпывается в действительности различие между двумя рассматриваемыми составами преступлений. Если несвоевременное возвращение в свою часть или место службы всегда предполагает правомерность самого оставления части или места службы, то дезертирство (а равно и самовольная отлучка) может иметь место не только тогда, когда оставление части или места службы является неправомерным, но и тогда, когда оно прикрывается внешней правомерностью. Для правильного проведения различия между рассматриваемыми преступлениями необходимо учесть и характер умысла субъекта в момент оставления им воинской части. На этот момент у нас не было обращено должного внимания и при теоретическом анализе этих воинских преступлений. Так, например, в работе В. М. Чхиквадзе и М. Я. Савицкого «Советское военно-уголовное право» при проведении разграничения этих составов преступлений обращено внимание исключительно лишь на объективную сторону состава преступлений. Относительно отличия несвоевременного возвращения от самовольной отлучки и дезертирства там писалось: «Отличия эти сводятся к следующему: а) при самовольной отлучке и дезертирстве субъект преступления самовольно остав-

ляет воинскую часть или место службы; в рассматриваемом составе преступления (несвоевременное возвращение) он оставляет часть на законном основании; б) самовольная отлучка и дезертирство выражаются в действии; рассматриваемое деяние выражается в преступном бездействии; субъект преступления не выполняет действий, которые обязан совершить (не является на службу); в) при самовольной отлучке и дезертирстве вовсе не применимо понятие уважительных причин: ни при каких условиях эти преступления не могут быть признаны совершенными по уважительным причинам; для рассматриваемого же состава преступления отсутствие уважительных причин является, как сказано, необходимым элементом» (В. М. Ч х и к в а д з е, М. Я. С а в и ц к и й, Советское военно-уголовное право, 1941).

Постановление Пленума Верховного суда СССР по настоящему делу показывает, что указанными признаками разграничение этих составов еще не исчерпывается, ибо при этом не обращается внимание на субъективную сторону обоих составов преступлений. Если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что получение разрешения на кратковременную отлучку является лишь средством маскировки умысла, направленного на длительное незаконное оставление воинской части или места службы, то при возвращении обратно в часть военнослужащего все совершенное не может быть квалифицировано лишь как несвоевременное возвращение из отпуска. Как с полным основанием указывает постановление Пленума Верховного суда по настоящему делу: «В тех случаях, поскольку длительное незаконное отсутствие сверх разрешенного отпуска или кратковременного увольнения раскрывает подлинное содержание умысла обвиняемого, действие последнего надлежит квалифицировать как самовольную отлучку или дезертирство в зависимости от обстоятельств дела».

Конечно, о наличии или отсутствии умысла на длительное оставление службы должны свидетельствовать с достаточной очевидностью все конкретные обстоятельства дела. Рассмотрение обстоятельств данного дела привело Пленум Верховного суда СССР к выводу, что получение кратковременного отпуска служило Рагозину лишь средством для осуществления своего умысла на значительно более длительное оставление места службы, дающее основание по действующему законодательству квалифицировать совершенное им преступление как дезертирство. Без учета субъективной стороны состава совершенного преступления любой дезертир при желании сможет сделать так, что его преступление получит иную и моральную и юридическую оценку, чем в действительности совершенное им преступление.

Постановление Пленума Верховного суда СССР по настоящему делу имеет и более широкое значение, чем лишь уточнение разграничения состава дезертирства и несвоевременного возвращения из отпуска. Это постановление Пленума фиксирует внимание суда на необходимость всегда тщательно исследовать субъек-

ективную сторону совершенного преступления для его правильной квалификации. Правильная квалификация совершенного преступления требует всестороннего анализа объективной и субъективной стороны преступления в их взаимной связанности. Квалификация преступления без должного учета субъективной стороны всего совершенного деяния может привести к серьезным нарушениям социалистической законности в осуществлении правосудия.

РЕАЛЬНАЯ СОВОКУПНОСТЬ ДЕЗЕРТИРСТВА И УКЛОНЕНИЯ ОТ НЕСЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПУТЕМ ПОДЛОГА

Постановление Пленума Верховного суда Союза ССР 19 апреля
1946 г.

По приговору Военного трибунала Тбилисского гарнизона от 31 августа 1945 г. Кухалейшвили был осужден по ст. 12 п. «в» Положения о воинских преступлениях к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах с конфискацией имущества, со снижением наполовину срока лишения свободы по амнистии от 7 июля 1945 г.

Приговором и материалами по делу установлено, что Кухалейшвили, дезертировав из воинской части в мае 1943 г., приехал к себе домой, где спустя некоторое время приобрел фиктивное свидетельство об освобождении его от службы в армии, по которому скрывался до января 1945 г. Явившись в январе в военкомат и представив свое фиктивное свидетельство с целью получения соответствующего подлинного документа об освобождении на основании представленного свидетельства, Кухалейшвили был задержан и привлечен к уголовной ответственности.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 января 1946 г., вынесенным в порядке надзора по протесту Прокурора СССР, действия Кухалейшвили были переквалифицированы на п. «г» ст. 7 Положения о воинских преступлениях и дело прекращено производством в силу амнистии от 7 июля 1945 г. Изложив обстоятельства дела, коллегия без всяких мотивов указала, что действия осужденного подпадают под признаки указанной статьи Положения о воинских преступлениях.

Как приговор Военного трибунала, так и определение Военной коллегии являются неправильными.

Квалификация действий Кухалейшвили, исходя из конкретных обстоятельств данного дела, могла бы считаться исчерпанной ст. 12 п. «в» Положения о воинских преступлениях, если бы оставление Кухалейшвили воинской части было совершено на правомерном основании или если бы приобретенное им свидетельство было им использовано в самой части в качестве средства для освобождения от службы и тем самым для придания видимой правомерности оставлению части. Поскольку же в данном случае

факту приобретения и использования подложного документа предшествовало неправомерное оставление Кухалейшвили воинской части, ни в какой степени не связанное с приобретенным впоследствии документом, то самовольное оставление части представляет собой самостоятельный состав преступления, подлежащий квалификации как дезертирство по п. «г» ст. 7 Положения о воинских преступлениях. Потому квалификация Военным трибуналом действий Кухалейшвили только по ст. 12 п. «в» Положения о воинских преступлениях является неправильной.

Равным образом, однако, является неправильным и определение Военной коллегии, изменившей квалификацию действий Кухалейшвили с п. «в» ст. 12 на п. «г» ст. 7 Положения о воинских преступлениях. Ст. 7 п. «г» Положения устанавливает, что самовольная отлучка свыше суток является дезертирством. Поэтому уже один факт самовольного оставления части Кухалейшвили на срок, превышающий одни сутки, независимо от намерения возсе уклониться от военной службы или возвратиться в данную часть, давал основание для применения к нему п. «г» ст. 7 Положения о воинских преступлениях. Но так как, уже находясь в состоянии дезертирства и будучи уже ответственным за него по п. «г» ст. 7 указанного Положения, Кухалейшвили с целью уклонения от военной службы приобрел фиктивный документ для видимой легализации своего преступного состояния и даже представил его в военкомат с тем, чтобы на этом основании получить подлинный документ, — эти действия Кухалейшвили представляют собой новый самостоятельный состав преступления, специально предусмотренный п. «в» ст. 12 Положения о воинских преступлениях, карающим за уклонение военнослужащего в военное время или в боевой обстановке от несения обязанностей военной службы, в частности путем подлога документов. При этом то обстоятельство, что приобретение и использование Кухалейшвили подложных документов было им предпринято с целью скрыть следы дезертирства, не может служить препятствием для применения п. «в» ст. 12 Положения о воинских преступлениях, так как в тех случаях, когда действия, предпринятые с целью сокрытия следов преступления, являются сами по себе уголовно-наказуемыми в силу соответствующего закона, они, на основании ч. 2 ст. 46 УК ГрузССР и соответствующих статей УК других союзных республик, должны квалифицироваться как самостоятельный состав преступления.

Ввиду всего изложенного и учитывая вместе с тем, что передача дела на новое судебное рассмотрение не вызывается необходимостью, так как в части обвинения Кухалейшвили по п. «г» ст. 7 Положения о воинских преступлениях дело подлежит прекращению в силу амнистии от 7 июля 1945 г., что явно нецелесообразно в данное время подвергать Кухалейшвили лишению свободы, тем более, что до совершения преступления он честно служил в Красной Армии, за что был даже отмечен правительственной наградой, — Пленум Верховного суда СССР, соглашаясь

с протестом председателя Верховного суда СССР, постановляет: Определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 января 1946 г. по делу Кухалейшвили Давида Огиевича отменить, оставив в отношении его в силе приговор Военного трибунала Тбилисского гарнизона от 31 августа 1945 г. и указав вместе с тем Военному трибуналу, что действия Кухалейшвили подлежали квалификации по совокупности по п. «г» ст. 7 и п. «в» ст. 12 Положения о воинских преступлениях; наказание, назначенное по приговору Кухалейшвили, считать условным с испытательным сроком в один год; конфискацию имущества из приговора исключить.

Комментарии

Постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Кухалейшвили не только решает вопрос о взаимоотношении составов воинских преступлений, предусмотренных ст. 7 и ст. 12 Положения о воинских преступлениях, но и затрагивает более общий вопрос о понимании реальной совокупности преступлений.

Пленум Верховного суда СССР признал одинаково ошибочным и приговор Военного трибунала, и определение Военной коллегии по настоящему делу. Военный трибунал Тбилисского гарнизона признал Кухалейшвили как военнослужащего виновным в уклонении в военное время от несения военной службы путем подлога документов, предусмотренном п. «в» ст. 12 Положения о воинских преступлениях. Военная коллегия в своем определении признала Кухалейшвили виновным в дезертирстве, что предусмотрено пунктом «в» ст. 7 Положения о воинских преступлениях. Различная квалификация действий Кухалейшвили влечет за собой различные юридические последствия в связи с амнистией от 7 июля 1945 г. Осужденные за преступления, предусмотренные ст. 7 Положения о воинских преступлениях, подлежат согласно амнистии от 7 июля 1945 г. полному освобождению от наказания. Осужденные за преступления, предусмотренные ст. 12 Положения о воинских преступлениях, не могут быть полностью освобождены согласно амнистии о наказаниях; назначенное осужденному за это преступление лишение свободы на срок свыше трех лет должно быть сокращено по амнистии наполовину.

Пленум Верховного суда в своем постановлении по настоящему делу признал наличие в действиях Кухалейшвили реальной совокупности дезертирства и уклонения от несения военной службы путем подлога. Для такого вывода Пленум Верховного суда были все основания. Действительно, не подлежит сомнению, что Кухалейшвили совершил дезертирство. Согласно ст. 7 п. «г» Положения о воинских преступлениях, состав дезертирства является оконченным, когда самовольная отлучка солдата продолжалась свыше суток. Поэтому состав дезертирства в действиях Кухалейшвили был уже налично, когда в мае 1943 г. истекли сутки с момента самовольного оставления им своей воин-

ской части. Совершение какого-либо преступления не дает права виновному безнаказанно совершать любые преступления, направленные на сокрытие совершенного преступления. Приобретение фальшивого документа об освобождении его от военной службы, проживание по этому документу и попытка обменять этот фальшивый документ на настоящий являются самостоятельным преступлением, совершенным Кухалейшвили после его дезертирства из рядов Армии, за которое он должен нести уголовную ответственность. Было бы ошибочным квалифицировать эти действия Кухалейшвили как преступление против порядка управления — использование заведомо подложного документа, предусмотренное ст. 72 ч. 21 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик. Такая квалификация была бы правильной, если считать, что Кухалейшвили в момент совершения этого преступления уже не являлся больше военнослужащим. Однако то обстоятельство, что Кухалейшвили самовольно оставил воинскую часть, вовсе не означает, что он перестал быть военнослужащим, ибо он не был демобилизован из рядов Советской Армии. Поэтому за совершение дальнейших преступлений, направленных против несения военной службы, он подлежит уголовной ответственности, как военнослужащий за соответствующее воинское преступление. Уклонение военнослужащего от несения обязанностей военной службы в военное время путем подлога документов предусмотрено п. «в» ст. 12 Положения о воинских преступлениях. Поэтому Пленум Верховного суда СССР счел необходимым квалифицировать все совершенное Кухалейшвили как реальную совокупность преступлений, предусмотренных п. «г» и п. «в» ст. 12 Положения о воинских преступлениях. Поскольку уголовное преследование по ст. 7 Положения о воинских преступлениях подлежит прекращению в силу амнистии от 7 июля 1945 г., Пленум отменил определение Военной коллегии Верховного суда и оставил в силе приговор Военного трибунала Тбилисского гарнизона по настоящему делу, указав ему, что действия Кухалейшвили должны быть квалифицированы по совокупности ст.ст. 7 и 12 Положения о воинских преступлениях.

Постановление Пленума Верховного суда по настоящему делу вместе с тем указывает и на те случаи, когда к военнослужащему за уклонение от отбывания военной службы могла быть применена лишь одна ст. 12 Положения о воинских преступлениях. Это возможно в двух случаях. Во-первых, в тех случаях, когда военнослужащий оставляет воинскую часть на правомерном основании, а затем для создания видимости правомерности дальнейшего нахождения вне воинской части совершает подлог соответствующих воинских документов. Во-вторых, это возможно и в том случае, когда подложный документ используется военнослужащим в самой части для осуществления уклонения от несения обязанностей военной службы. В этом случае оставление воинской части на основании представленного подложного документа или иного об-

мана надлежит рассматривать не как совокупность преступлений, а лишь как одно преступление, предусмотренное ст. 12 Положения о воинских преступлениях.

О ПРЕВЫШЕНИИ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИЕЙ СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ

**Постановление Пленума Верховного суда Союза ССР
от 4 апреля 1947 г.**

По приговору выездной сессии Военного трибунала Вооруженных Сил Союза ССР от 31 июля 1946 г. были осуждены за халатность по п. «а» ст. 206-17 УК УССР:

Г. — к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах и

Р. — к трем годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах.

Одновременно с приговором суд в порядке примечания к ст. 302 УПК УССР вынес определение войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР об освобождении осужденных от отбытия наказания, мотивируя свое ходатайство тем, что на тяжелые последствия, помимо халатности осужденных, повлиял ряд посторонних обстоятельств, а также тем, что оба осужденных длительное время добросовестно служили в Красной Армии и неоднократно отмечались правительственными наградами.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 сентября 1946 г., вынесенным по кассационным жалобам осужденных, приговор оставлен в силе. Вместе с тем коллегия определила отменить указанное определение Военного трибунала, учитывая тяжесть совершенного осужденными преступления и связанных с ним последствий.

Определение коллегии в части отмены определения Военного трибунала является неправильным и подлежит отмене по следующим основаниям:

1. Вынося свое определение, Военный трибунал осуществлял право, предоставленное ему законом, и действовал в пределах этого закона и в точном соответствии с ним (примечание к ст. 302 УПК УССР). Отменяя это определение по мотивам необоснованности ходатайства, Военная коллегия, во-первых, грубо нарушила закон, лишив суд первой инстанции права, предоставленного ему законом, и не пропустив ходатайства в Верховный орган власти, на что коллегия законом не уполномочена. Во-вторых, признав ходатайство необоснованным и отменяя его по этой причине, коллегия вошла в обсуждение ходатайства по существу и признала его не заслуживающим удовлетворения, т. е. приняла на себя не принадлежащие ей функции, и, присвоив себе компетенцию Верховного органа власти, разрешила вопрос, который подлежал раз-

решению исключительно Президиумом Верховного Совета СССР.

2. Независимо от того, что определение коллегии в указанной части подлежит отмене по уже изложенным основаниям, оно в этой части неправильно и по чисто процессуальным соображениям.

Определение Военного трибунала, представляющее собой самостоятельное судебное решение и не являющееся ни частью приговора, ни решением, повлиявшим на содержание приговора, могло стать предметом кассационного рассмотрения коллегии лишь в случае подачи на определение частной жалобы или частного протеста. Так как определение не было ни обжаловано, ни опротестовано, то вынесение коллегией в кассационном порядке решения, касающегося данного определения, независимо от его неправильности по существу, допущено с нарушением ст. 15 Закона о судостроительстве. Равным образом, коллегия не имела права входить в обсуждение определения Военного трибунала и в порядке надзора как потому, что невозможно одновременное рассмотрение дела в кассационном порядке и в порядке надзора, так и потому, что производство в порядке надзора в Военной коллегии допускается только при наличии протеста Генерального прокурора СССР или председателя Верховного суда СССР; такого протеста по данному делу не последовало. Не могла, наконец, коллегия входить в обсуждение определения Военного трибунала и в ревизионном порядке. Ревизионное производство заключается в рассмотрении вопроса о законности или обоснованности обжалованного (опротестованного) приговора или определения 1) помимо мотивов, изложенных в жалобе или протесте, и 2) в отношении подсудимых, для которых приговор или определение не обжалованы или не опротестованы. Однако и ревизионное производство предполагает в качестве обязательного повода наличие жалобы или протеста. Поэтому отсутствие жалобы или протеста на определение, являющееся, как уже изложено выше, самостоятельным судебным решением, не повлиявшим на содержание приговора и представляющим собой решение нового, не связанного с сущностью приговора вопроса о порядке исполнения приговора, могло стать предметом обсуждения в кассационной инстанции и ревизионном порядке только в том случае, если бы при наличии жалобы или протеста на это определение при обсуждении их кассационная инстанция вышла за пределы изложенных в них мотивов или лиц, которых они касались. Так как, однако, определение не было ни обжаловано, ни опротестовано, то рассмотрение его в кассационной инстанции не может быть произведено в ревизионном порядке, который при всех условиях не может выйти за пределы обжалуемого или опротестованного приговора или определения. В данном случае коллегия рассмотрела по существу в ревизионном порядке определение по жалобе не на это определение, а на приговор, содержание которого ни в какой органической связи с определением не находится.

Поэтому независимо от решения коллегии по существу она не вправе была выносить решение относительно определения Военного трибунала.

3. Определение коллегии в указанной части подлежит отмене также и потому, что вопреки общему духу советского процессуального закона и, в частности, ст. 26 Основ судопроизводства при отсутствии протеста прокурора она вынесла решение, отягощающее по существу положение подсудимых. Между тем, по действующему закону, даже при наличии протеста прокурора вышестоящий суд не вправе самостоятельно выносить решение, отягощающее положение осужденного, и должен передать дело на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции (применительно в ст. 349 УПК УССР).

По всем изложенным основаниям Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 сентября 1946 г. по данному делу в части, касающейся отмены определения Военного трибунала от 31 июля 1946 г., вынесенного в порядке примечания к ст. 302 УПК УССР, отменить.

Комментарии

Постановление Пленума Верховного суда СССР по настоящему делу разрешает ряд вопросов, касающихся объема прав кассационной инстанции. Кассационная инстанция не вправе отменить определение суда о возбуждении ходатайства перед верховными органами власти о помиловании осужденного. Отмена такого определения вышестоящей судебной инстанцией означает не что иное, как присвоение ею себе функции, принадлежащей верховным органам власти. Отмена такого определения суда означает по существу отказ осужденным в помиловании. Если ходатайство о помиловании осужденного направляется непосредственно в соответствующие высшие органы государственной власти, то вышестоящая судебная инстанция не вправе вообще входить в обсуждение обоснованности этого ходатайства по существу. Если же соответствующее ходатайство направляется специально через вышестоящую судебную инстанцию, то эта инстанция, не имея права отменить это определение суда, тем не менее может войти в обсуждение этого ходатайства по существу и представить свои соображения в соответствующие высшие органы государственной власти, разрешающие вопрос о помиловании осужденного.

Постановление пленума по настоящему делу наряду с указанным основанием отмены определения, вынесенного Военной коллегией, отменяет и ряд других допущенных коллегией процессуальных нарушений, связанных с отменой при рассмотрении кассационной жалобы осужденных вынесенного судом определения.

Определение суда первой инстанции о возбуждении ходатайства о помиловании не представляло собой составной части самого приговора. Как самостоятельное определение оно не могло стать предметом рассмотрения в кассационной инстанции, так как оно не было ни обжаловано осужденным, ни опротестовано прокурором. Поэтому, не касаясь вопроса о существовании этого определения, сам факт рассмотрения при этих условиях в кассационной инстанции определения, вынесенного судом первой инстанции, является нарушением ст. 15 Закона о судостроительстве.

Военная коллегия не могла отменить это определение суда и в порядке надзора. Это она не могла сделать не только потому, что нельзя одновременно рассматривать дело и в кассационном и в надзорном порядке, но и потому, что надзорное рассмотрение дела в Военной коллегии Верховного суда СССР может иметь место лишь при наличии на то принесенного протеста или Генеральным прокурором СССР, или председателем Верховного суда СССР.

Необоснованным является рассмотрение этого определения и в ревизионном порядке. Кассационная инстанция в ревизионном порядке имеет право выйти за пределы мотивов, изложенных в кассационной жалобе, при рассмотрении законности и при обоснованности обжалованного приговора или определения. Однако необходимым условием ревизионного производства является наличие кассационной жалобы или протеста по тому приговору или определению, которое становится предметом ревизионного рассмотрения. Определение Военного трибунала, которое Военная коллегия рассмотрела по существу в ревизионном порядке, не было вовсе предметом ни кассационного обжалования, ни кассационного протеста.

Поэтому следует признать, что у Военной коллегии не было процессуальных оснований к рассмотрению вынесенного Военным трибуналом определения, независимо от содержания самого определения. Наконец, следует иметь в виду, что отмена вынесенного определения является отягощением участи осужденных, что вообще кассационная инстанция в соответствии со ст. 26 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик не могла сделать. *Reformatio in pejus* допустимо лишь при рассмотрении дела по кассационному протесту прокурора, и то с обязательной передачей дела на новое рассмотрение суду первой инстанции.

НЕПРАВИЛЬНОЕ РАССМОТРЕНИЕ В КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ ПРОТЕСТА, КОТОРЫЙ МОГ БЫТЬ ВНЕСЕН ЛИШЬ В НАДЗОРНОМ ПОРЯДКЕ

**Определение Военной коллегии Верховного суда СССР
от 17 января 1947 г.**

Привлеченный к уголовной ответственности по ст.ст. 58-3 и 58-10 ч. 2 УК РСФСР гр. Щ-в Л. С. приговором Военного три-

бунала войск МВД Смоленской области 11 мая 1946 г. по суду был оправдан.

На этот приговор военным прокурором войск МВД Смоленской области 28 мая 1946 г. был внесен кассационный протест в Военный трибунал войск МВД Московского округа.

18 июня 1946 г. Военным трибуналом округа дело в отношении Щ-ва было возвращено без рассмотрения кассационного протеста прокурора за пропуском срока кассационного обжалования, и таким образом Щ-в по вступившему в законную силу приговору 10 июля 1946 г. был освобожден из тюрьмы.

На вошедший уже в законную силу приговор трибунала от 11 мая 1946 г. военным прокурором войск МВД Московского округа 2 сентября 1946 г. был внесен кассационный протест и одновременно возбуждено ходатайство о восстановлении пропущенного прокурором срока кассационного обжалования.

4 сентября 1946 г. Военным трибуналом войск МВД Московского округа вынесено два определения по настоящему делу: первое определение о восстановлении срока на подачу прокурором кассационного протеста по делу Щ-ва и второе определение об отмене приговора Военного трибунала войск МВД Смоленской области от 11 мая 1946 г. и о направлении дела в отношении Щ-ва на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в ином составе судей.

Оба определения Военного трибунала войск МВД Московского округа от 4 сентября 1946 г. являются неправильными и подлежат отмене по следующим основаниям:

1. На основании действующей ст. 400 УПК РСФСР ходатайства о восстановлении кассационного срока подаются в суд, вынесший приговор, поэтому по данному делу Военный трибунал округа не имел законных оснований выносить определение о восстановлении прокурору срока на подачу кассационного протеста прокурора прежде, чем Военный трибунал войск МВД Смоленской области не вынес своего определения по вопросу о восстановлении кассационного срока. Таким образом, Военный трибунал округа в данном случае нарушил ст. 400 УПК РСФСР и незаконно взял на себя функции суда первой инстанции.

Кроме того, Военный трибунал войск МВД Московского округа, рассмотрев ходатайство прокурора о восстановлении срока на подачу кассационного срока, нарушил ст. 345 УПК РСФСР, согласно которой кассационный срок может быть восстановлен лишь в случае уважительности его пропуска.

Из материалов дела не видно, какие мотивы приводились прокурором округа по данному делу в своем ходатайстве о восстановлении ему срока на подачу кассационного протеста. Но Военный трибунал округа в своем определении в качестве мотива уважительности пропуска срока прокурором на подачу кассационного протеста указал на несвоевременность получения дела прокуратурой округа.

По данному делу следует иметь в виду, что уже первый кассационный протест был подан прокурором войск МВД Смоленской области с пропуском кассационного срока, ввиду чего этот протест трибуналом округа не был рассмотрен и дело было возвращено.

Таким образом, военная прокуратура округа вступила по данному делу после пропуска кассационного срока, и поэтому ссылка трибунала округа на несвоевременное получение дела прокуратурой не может служить обстоятельством для признания уважительности причин несоблюдения срока по подаче прокурором округа кассационного протеста по делу Ш-ва. К тому же, если признать мотивы, приведенные трибуналом округа в обоснование уважительных причин по пропуску срока на подачу кассационного протеста прокурором округа, то тем самым узаконяется практика, по которой вышестоящий прокурор может по любому делу внести кассационный протест, независимо от срока его подачи, так как вышестоящий прокурор, как правило, или в большинстве случаев не может быть обеспечен получением дела в течение кассационного срока от суда, вынесшего приговор. Действующий же процессуальный закон в этом отношении никаких преимуществ прокурору не предоставляет, но, наоборот, ставит подсудимого в более благоприятные условия, предоставляя последнему, согласно ст. 400 УПК РСФСР, срок для обжалования 72 часа с момента вручения копии приговора, а прокурору в течение этого срока с момента провозглашения приговора.

В данном случае Военный трибунал войск МВД Московского округа, нарушив процессуальный закон и закон о судостроительстве, допустил рассмотрение дела в отношении Ш-ва, которое могло быть рассмотрено лишь в порядке надзора Военной коллегией Верховного суда СССР, если бы был внесен протест прокурора СССР или председателя Верховного суда СССР.

В силу изложенного и соглашаясь с протестом председателя Верховного суда СССР, оба определения Военного трибунала войск МВД Московского округа от 4 апреля 1946 г. как о восстановлении кассационного срока, так и об отмене приговора Военного трибунала войск МВД Смоленской области отменить, а приговор трибунала оставить в силе.

Комментарии

Согласно Закону о судостроительстве 1938 г., пересмотр приговоров, вошедших в законную силу, может иметь место по общему правилу в надзорном порядке. При этом закон строго ограничивает круг лиц, которым предоставлено право принесения протестов на предмет отмены приговора, вошедшего в законную силу. Пересмотр приговора, вошедшего в законную силу, может иметь место в виде исключения в кассационном порядке, когда в силу имеющихся уважительных причин суд, вынесший приговор, восстанавливает пропущенный кассационный срок. В судебной прак-

тике наблюдаются случаи явно необоснованного восстановления пропущенного кассационного срока обжалования приговора, и притом самой кассационной инстанцией, что придает кассационному протесту прокурора фактически то значение, которое по закону имеет лишь протест, поданный в порядке надзора.

Вынесенное Военной коллегией Верховного суда СССР определение по настоящему делу указывает на недопустимость подобного обхода закона.

По действующему УПК РСФСР (ст. 400) и уголовно-процессуальным кодексам других союзных республик ходатайство о восстановлении пропущенного срока для подачи кассационной жалобы или протеста должно быть принесено в тот же суд, который вынес приговор по данному делу. Пленум Верховного суда СССР в ряде своих постановлений уже отмечал недопустимость нарушения кассационной инстанцией в этом отношении требований закона. Так, в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1944 г. по делу Лопатина и Столяренко специально указывается на допущенное в этом отношении нарушение закона со стороны Верховного суда РСФСР. «В соответствии со ст. 400 УПК РСФСР ходатайства о восстановлении кассационных сроков по приговорам областных судов подаются в суд, постановивший приговор, и рассматриваются им уже в распорядительном заседании. При таком прямом категорическом указании закона Верховный суд РСФСР не имел права принимать к своему рассмотрению ходатайство прокурора РСФСР о восстановлении срока на подачу кассационного протеста» (Судебная практика Верховного суда 1944 г., выпуск X, 1945 г., стр. 13). Определение Военной коллегии Верховного суда СССР по настоящему делу указывает на аналогичное нарушение требований УПК, допущенное Военным трибуналом войск МВД Московского округа.

Ходатайство о восстановлении кассационного срока должно быть подано не только в суд, вынесший данный приговор, но должно еще обязательно иметь под собой и серьезные основания. УПК РСФСР в ст. 345 требует установления уважительных причин для пропуска подачи кассационного обжалования. Верховный суд СССР не первый раз обращает внимание на это наших судебных органов. Так, определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 28 февраля 1944 г. по делу Дашкевич указывало: «Горьковский областной суд без достаточных оснований восстановил срок для принесения кассационного протеста. По смыслу ст. 345 УПК РСФСР, кассационный срок может быть восстановлен в случае пропуска его по уважительным причинам. По данному делу прокурор в своем ходатайстве вообще не указал никаких причин, по которым срок был пропущен, и не привел никаких мотивов в обоснование своей просьбы. Что же касается мотивов, приведенных областным судом, то ни один из них не свидетельствует об убедительности причин пропуска кассационного

срока» (Судебная практика Верховного суда СССР, 1944 г., выпуск IV, стр. 20). Упомянутое уже выше постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Лопатина и Столяренко от 1 декабря 1944 г. специально указывает на нарушение ст. 345 УПК в связи с тем, что прокурор РСФСР в качестве мотива для восстановления срока кассационного обжалования указал, что ему не было известно о неправильном приговоре до поступления дела в Верховный суд РСФСР: «Если признать такой мотив уважительным, то тем самым узаконяется практика, по которой вышестоящий прокурор может по любому делу, поступившему в кассационную инстанцию внести кассационный протест, независимо от срока его подачи так как в этих случаях вышестоящий прокурор почти никогда не знает приговора до поступления его в кассационную инстанцию. Тем самым прокуратура уже не как орган надзора, а как сторона в процессе ставится в более благоприятные условия по сравнению с другой стороной, связанной жесткими сроками подачи кассационной жалобы. Между тем процессуальный закон в этом отношении не только не представляет никаких преимуществ прокурору, но, наоборот, ставит подсудимого в более благоприятные условия, поскольку согласно ст. 400 УПК РСФСР срок для обжалования предоставляется подсудимому в течение 72 часов с момента вручения ему копии приговора, а прокурору — в течение этого же срока с момента вынесения приговора» (Судебная практика Верховного суда СССР, 1944, выпуск X, стр. 14). На отсутствие каких-либо уважительных мотивов для восстановления пропущенного кассационного срока указывает и определение Военной коллегии Верховного суда СССР по настоящему делу. Указание Военного трибунала Московского округа в своем определении, что уважительной причиной пропуска срока на подачу кассационного протеста является несвоевременное получение дела прокуратурой округа, в действительности не может быть признано уважительной причиной. Военная прокуратура округа вступила в дело спустя несколько месяцев после того, как был подан протест военного прокурора войск МВД Смоленской области, который не был рассмотрен Военным трибуналом войск МВД Московского округа за пропуском кассационного срока. Принятие кассационной инстанцией к своему рассмотрению ходатайства о восстановлении пропущенного кассационного срока и признании приведенного мотива уважительным привело по существу к предоставлению прокуратуре тех прав, которые ей не предоставлены по нашему уголовно-процессуальному законодательству. На этом основании вышестоящий прокурор всегда бы мог внести по любому делу протест, независимо от срока его подачи, так как по общему правилу вышестоящий прокурор не может быть обеспечен получением дела в течение кассационного срока от суда, вынесшего приговор. Предоставление такого права прокуратуре есть нарушение Закона о судостроительстве 1938 г., специально определившего условия рассмо-

тения дела в надзорном порядке. Кассационное рассмотрение дела не должно подменять существующий надзорный порядок рассмотрения дела. Поэтому определение Военной коллегии Верховного суда СССР по настоящему делу с полным основанием указало, что Военный трибунал войск МВД Московского округа допустил рассмотрение дела, которое могло быть рассмотрено лишь Военной коллегией Верховного суда СССР по протесту Генерального прокурора СССР или председателя Верховного суда СССР.

РАЗЛИЧИЕ В ОБЪЕМЕ ПРАВ КАССАЦИОННОЙ И НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИЙ

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 12 июня 1946 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 12 июня 1946 г. протест Генерального прокурора Союза ССР на определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Таджикской ССР от 10/XII 1945 г. по делу Рахманова Убайда, рождения 1912 г., ранее не судимого, осужденного приговором Сталинабадского областного суда от 17/XI 1945 г. по ст. 141 ч. II УК Таджикской ССР к 8 годам лишения свободы с последующим запрещением занимать должности, связанные с финансовыми операциями в течение двух лет, а также с взысканием 28 400 р. в пользу Гиссарского райфо.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Таджикской ССР от 10/XII 1945 г. приговор в отношении Рахманова У. был отменен и дело направлено на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства. Одновременно с этим в своем определении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Таджикской ССР отклонила протест прокурора Таджикской ССР в отношении квалификации действий Рахманова по закону 7 августа 1932 г.

Протест Генерального прокурора СССР был принесен на указанное определение Судебной коллегии Верховного суда Таджикской ССР в части отклонения протеста прокурора Таджикской ССР.

Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Приговором Сталинабадского областного суда от 17/XI 1945 г. гр. Рахманов был признан виновным в том, что, состоя финансовым агентом Гиссарского райфо, присвоил себе из собранных им налоговых средств 28 400 руб. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Таджикской ССР в своем определении от 10/XII 1945 г. признала, что вменение Рахманову присвоения

21 000 руб. не является достаточно обоснованным. Областной суд, вопреки материалам дела, присвоение 21 000 руб. вменил в вину только одному Рахманову, исходя из того, что им были выписаны квитанции на получение этой суммы денег. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Таджикской ССР правильно указала, что суду первой инстанции надлежало обсудить степень виновности Рахманова и степень виновности Ямбулатова (другого обвиняемого по настоящему делу) в присвоении указанных 21 000 руб.

Считая, что вопрос о наличии в действиях Рахманова состава преступления, предусмотренного законом 7 августа 1932 г., или состава преступления, предусмотренного ст. 141 УК Тадж. ССР, не может быть разрешен без выяснения вопроса о действительном обращении им в свою собственность 21 000 руб., собранных по налоговым квитанциям, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда Таджикской ССР о передаче дела Рахманова на новое рассмотрение в Сталинабадский областной суд, но в ином составе, со стадии судебного следствия оставить в силе. Указать Сталинабадскому областному суду, что вопрос о квалификации преступления, совершенного Рахмановым, по закону 7 августа 1932 г. или по ст. 141 УК Таджикской ССР, должен быть разрешен судом в зависимости от установления в процессе судебного рассмотрения дела как размеров присвоенного им имущества, так и степени его виновности в преступлениях, совершенных им совместно с другими обвиняемыми по настоящему делу.

Комментарии

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Рахманова освещает вопрос о разнице в объеме прав надзорной и кассационной инстанций. При рассмотрении настоящего дела коллегия пришла к выводу о недостаточном выяснении судом размера присвоенного осужденным имущества и общей роли его в преступлениях, совершенных другими лицами, осужденными по настоящему делу. Коллегия не могла согласиться с протестом Генерального прокурора СССР, предлагавшего отменить определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Таджикской ССР об отклонении протеста прокурора Таджикской ССР. Согласиться с протестом Генерального прокурора СССР означало в конечном счете обязать областной суд квалифицировать совершенное Рахмановым преступление по закону 7 августа 1932 г. Однако одно отклонение протеста Генерального прокурора СССР означало бы вместе с тем подтверждение определения Верховного суда Таджикской ССР по настоящему делу. Это определение было вынесено по кассационной жалобе осужденного. Поэтому отмена вынесенного

областным судом приговора по настоящему делу и передача его на новое рассмотрение означали, что ни при каких условиях действия Рахманова не могли уже быть квалифицированы по закону 7 августа 1932 г., а должны были влечь квалификацию по ст. 141 УК Таджикской ССР (ст. 116 УК РСФСР). При отмене приговора по кассационной жалобе осужденного по мотивам, указанным в этой жалобе, суд не вправе ухудшить положение обвиняемого и квалифицировать его действия по закону, устанавливающему за совершенное преступление более тяжелое наказание. Согласно смыслу ст. 26 Основных начал уголовного судопроизводства СССР, повышение наказания при повторном рассмотрении дела возможно лишь при отмене приговора по кассационному протесту прокурора. *Reformatio in pejus* при отмене судебного приговора по кассационной жалобе осужденного противоречит принципам кассационного производства в советском суде. В ином положении находится надзорная инстанция. При рассмотрении дела в порядке надзора суд не связан в своих указаниях суду первой инстанции ни содержанием протеста прокурора, ни характером жалобы, поданной в кассационную инстанцию осужденным. Надзорная инстанция должна руководствоваться лишь интересами правильного применения закона. Поэтому принцип *reformatio in pejus* не может ограничивать содержание определений, вынесенных надзорной инстанцией. Исходя из этих соображений, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в своем определении по настоящему делу оставила в силе определение Верховного суда Таджикской ССР по делу Рахманова, но вместе с тем указала специально Сталинабадскому областному суду, что он не связан в вопросе о квалификации совершенного преступления фактом отмены судебного приговора Верховным судом Таджикской ССР по кассационной жалобе осужденного. Вопрос о квалификации преступления Рахманова, как должностной растраты или как хищения социалистической собственности, предусмотренного законом 7 августа 1932 г., должен быть разрешен в зависимости от установления в процессе судебного разбирательства дела как размеров присвоенного им имущества, так и степени его виновности в совершении преступлений совместно с другими обвиняемыми по настоящему делу.

ЧАСТНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПСИХИАТРОВ

I

Советское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство придает огромное значение судебно-психиатрической экспертизе. Если у следственных органов или у суда возникнут сомнения о психическом состоянии обвиняемого, то вопрос о вменяемости или невменяемости не может быть разрешен без производства судебно-психиатрической экспертизы (ст. 63 прим. 1 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). По-

рядок производства судебно-психиатрической экспертизы установлен Союзной инструкцией «О производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР» от 17 февраля 1940 г. Достаточно ознакомиться с этой Инструкцией, чтобы увидеть, насколько она максимально гарантирует полноту и правильность судебно-психиатрического заключения.

Согласно Инструкции, при проведении судебно-психиатрической экспертизы психиатрические учреждения и отдельные врачи должны руководствоваться соответствующими статьями Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, а также междоуведомственными и издаваемыми Министерством здравоохранения СССР инструкциями и приказами (ст. 3). Судебно-психиатрическое заключение дается на основании психиатрического исследования испытуемого, изучения материалов дела и сведений из прошлой жизни испытуемого, документов и справок о перенесенных в прошлом заболеваниях (ст. 6). Все медицинские учреждения обязаны представлять судебно-психиатрической экспертизе необходимые сведения и материалы об испытуемом (ст. 7). Судебно-психиатрический эксперт имеет право с разрешения следственных органов знакомиться с обстоятельствами дела, уяснение которых ему необходимо для производства экспертизы. Эксперт имеет право в процессе судебного следствия задавать вопросы потерпевшим, обвиняемым и свидетелям. В случае, когда представленные эксперту материалы недостаточны для дачи заключения, он заявляет о невозможности дать заключение и указывает, какие именно материалы, дополнительные исследования и опросы тех или других лиц ему необходимы для производства экспертизы. В случае непредставления эксперту просимых им данных он может отказаться от дачи заключения (ст. 14). В более сложных случаях судебная экспертиза производится в порядке стационарной экспертизы, причем для дачи заключения образуется особая экспертная комиссия, одним из членов которой должен быть врач, имеющий специальную судебно-психиатрическую подготовку (ст.ст. 23—26). Акт судебно-психиатрической экспертизы должен удовлетворять установленным требованиям (ст. 8). В особо сложных случаях экспертиза производится Центральным научно-исследовательским институтом судебной психиатрии имени проф. Сербского (ст. 10).

Оперативное руководство судебно-психиатрической экспертизой осуществляется Министерствами здравоохранения союзных и автономных республик и подчиненных им органов здравоохранения, методическое же и научное руководство — Министерством здравоохранения СССР через Научно-исследовательский институт имени проф. Сербского (ст. 2).

Поскольку психиатры, дающие заключения частным образом, не обладают правами, предоставленными судебным психиатрам на основании Уголовно-процессуального кодекса и Инструкции от 17 февраля 1940 г., поскольку они не могут так всесторонне озна-

комиться с материалами дела, их экспертиза не может быть полноценной. Вместе с тем частная экспертиза проходит вне надзора и контроля органов здравоохранения, без соблюдения тех строгих правил, которые установлены Инструкцией 1940 г. Так, согласно ст. 8 Инструкции 1940 г., судебно-психиатрическое заключение должно оформляться в виде акта. Акт должен состоять из следующих частей: 1) введения, содержащего указания на время и место производства экспертизы, состав экспертной комиссии, фамилию, имя, отчество и возраст испытуемого, краткое содержание уголовного дела с указанием статьи Уголовного кодекса, кем направлен испытуемый и по какому поводу; 2) сведений о прошлой жизни с указанием, от кого они получены, сведений о прошлых заболеваниях со ссылкой на документы, подтверждающие эти данные, и истории настоящего заболевания; 3) подробного описания физического неврологического и психического состояния испытуемого в период экспертизы и данных специальных лабораторных исследований; 4) заключительной части акта, содержащей ответы на все поставленные судебно-следственными органами вопросы, диагноз психического заболевания, если таковое имеется в момент совершения преступления и в период испытания, и связанное с этим решение вопроса о вменяемости, а также указание необходимых медицинских мер в отношении лиц, признанных душевнобольными.

Руководствуясь указанными соображениями, в своем постановлении от 16 ноября 1944 г. Пленум Верховного суда СССР по делу Телкова-Шеркова не признал силы процессуального акта за психиатрическим заключением проф. К., представленным непосредственно в Верховный суд СССР Генеральной прокуратурой СССР, поскольку такое заключение может приобрести процессуальное значение лишь в процессе предварительного или судебного следствия. Вместе с тем Пленум признал, что представленное заключение проф. К. дает основание ввиду противоречий двух имевшихся в деле судебно-психиатрических экспертиз передать дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, с производством психиатрической экспертизы в Институте имени проф. Сербского.

В своем постановлении от 5 апреля 1946 г. по делу Г. Пленум Верховного суда СССР указал, что хотя приложенное к жалобе защитника психиатрическое заключение само по себе и лишено процессуального значения экспертизы, но тем не менее по изложенным в нем соображениям может служить основанием для вторичного более глубокого исследования вопроса о психической вменяемости осужденного.

II

Обстоятельства дела К., по которому в Верховный суд СССР было представлено «заключение» проф. С., состоят в следующем:

Приговором народного суда 1-го участка Свердловского района гор. Москвы от 14/VII/1944 г. К., рождения 1918 г., уроженец г. Одессы, образование среднее, по происхождению из служащих, б/п., холост, осужден по ст.ст. 109 (злоупотребление служебным положением с корыстной целью), 77 (самовольное присвоение звания) и 170 УК РСФСР (подделка в корыстных целях официальных документов) и по Указу Верховного суда СССР от 2 мая 1946 г. (присвоение орденов и медалей) по совокупности к 7 годам лишения свободы без поражения в правах.

До этого К. был осужден в 1940 г. Военным трибуналом Прибалтийского Военного округа за самовольную отлучку из части к 3 годам лишения свободы. С началом Отечественной войны был направлен на фронт, но в октябре 1942 г. Военным трибуналом Третьей танковой дивизии был осужден за дезертирство к 10 годам лишения свободы с направлением в штрафной батальон. В декабре 1942 г. Военным трибуналом Третьей армии за симуляцию контузии был осужден к 10 годам лишения свободы с направлением в штрафную роту. Отбывая наказание, К. получил в феврале 1943 г. контузию и был направлен на лечение в госпиталь. При выписывании из госпиталя К. скрыл свою принадлежность к штрафной роте и выдал себя за гвардии старшего лейтенанта, в связи с чем в марте 1943 г. с соответствующими документами был направлен в кадровую часть армии. В мае 1943 г., находясь на службе в 97-м Отдельном противотанковом дивизионе 95-й стрелковой дивизии, К. учинил подлог в выданном ему удостоверении о своей службе в этой части с целью сокрытия своей последней судимости и пребывания в штрафной роте. Попав в мае по болезни в госпиталь, К., пользуясь доверчивостью сотрудников госпиталя, присвоил себе при оформлении документов звание «гвардии капитана».

Получив в июле 1943 г. освобождение от воинской службы по болезни, К. приехал в Москву, где проживали его родители, и поступил в артель «Художник». Работая в артели в должности начальника Отдела снабжения и сбыта, К. продал вверенную ему мануфактуру на 17 тыс. руб. и присвоил себе деньги. Кроме этого, на протяжении ряда месяцев 1943—1944 гг. незаконно носил планки двух орденов (Ордена Ленина и Ордена Трудового Красного Знамени) и двух медалей (За оборону Ленинграда и Севастополя), носил форму майора и выдавал себя за окончившего ВУЗ и члена ВКП(б).

В стадии предварительного следствия по преступлениям, совершенным в 1943—1944 гг., К. был подвергнут в Институте имени проф. Сербского стационарной экспертизе. Экспертная комиссия в заседании 5 мая 1944 г. признала К. вменяемым, с каковым заключением согласился и народный суд.

Акт экспертной комиссии, составленный согласно Инструкции о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР от 17 февраля 1940 г., гласит следующим образом:

Акт № 106 Судебно-психиатрической экспертизы на испытуемого.

Мы, нижеподписавшиеся, 5 мая 1944 г. в Центральном Научно-исследовательском институте судебной психиатрии имени проф. Сербского, в присутствии следователя Бажанова свидетельствовали испытуемого К., 26 лет, обвиняемого по Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 12/V 1943 г. Направлен в Институт на экспертизу, согласно Постановлению 2-го Отделения Следственного Отдела УНКГБ МО, в связи с заявлением матери испытуемого о том, что последний состоит на учете в невропсихиатрическом диспансере. 4/V 1944 г. испытуемый свидетельствовался в Институте амбулаторной экспертной комиссией, по заключению которой был помещен в отделение Института на стационарное испытание. Поступил в Институт в тот же день. Слов испытуемого и его матери известно, что в 5-летнем возрасте он перенес хорею, явления которой продолжались в течение двух лет. Учиться в школе начал 10 лет, поступив в 3-й класс, учился неровно, но отличался хорошими способностями. Окончал 7 классов. По характеру был всегда очень капризным, подвижным, неусидчивым. Быстро утрачивал интерес ко всему, что вначале его занимало, с детства имел склонность к фантазированию и лжи, почему люди, хорошо знающие его, часто не верили ему и сейчас, когда он стал взрослым. Испытуемый всегда был склонен к переоценке собственной личности, считал себя талантливым, умным, значительным. Рано пристрастился к азартным играм (к картам и биллиарду), из-за этого часто пропускал занятия в школе. Чтобы уплатить проигрыши, воровал у родных мелкие вещи. Ввиду трудностей в поведении родители добились помещения его в Болшевскую коммуну, но через год он был исключен оттуда за нарушение дисциплины. Работал по найму на различных предприятиях токарем, счетоводом, на административно-хозяйственных должностях. Работал также неровно, как и учился, часто конфликтовал с администрацией, почему нигде долго не удерживался. В 1938 г. был призван на действительную военную службу. Принимал участие в Польской и Финской кампаниях. Служил плохо, имел много взысканий за нарушение дисциплины. В 1940 г. был осужден на 3 года лишения свободы за самовольную отлучку из части. Около 1,5 лет отбывал срок наказания в лагерях, был досрочно освобожден и направлен на Ленинградский фронт. В 1942 г. был ранен, лежал в госпитале. При возвращении из госпиталя в часть опоздал на 13 суток, за что был осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание было заменено ему службой в штрафном батальоне, откуда он был переведен в штрафную роту за домогательство перевода в регулярную часть. В 1943 г., по его словам, был контужен во время разрыва авиабомбы, после чего якобы 17 суток находился без

сознания, не говорил и не слышал, в течение четырех месяцев продолжались явления общего паралича, которые постепенно обошлись, но слабость в правой ноге ощущалась потом в течение нескольких месяцев. От военной службы освобожден, по его словам, по ст.ст. 9-а и 10-б Приказа № 336 НКО СССР 1942 г. С 1933—1935 гг. состоял под наблюдением районного психиатра. Документов, подтверждающих все эти сведения, не оказалось. При обследовании в Институте в настоящее время отмечается следующее. Со стороны физической: выше среднего роста, диспластического телосложения, хорошего питания. Со стороны внутренних органов отклонений от нормы не отмечается. Со стороны нервной системы: зрачки узкие, правильной формы, равномерные; реакция их на свет и конвергенцию живая, при крайних положениях глаз отмечается легкий непостоянный горизонтальный нистагм (качание глазных яблок); остальные черепно-мозговые нервы без отклонений от нормы; сухожильные рефлексы равномерно-живые, патологических рефлексов нет; реакция Вассермана в крови (на сифилис) отрицательная. Со стороны психики: испытуемый в ясном сознании, правильно ориентирован в месте, времени и своем положении; в контакт вступает легко, на вопросы отвечает охотно, связно и последовательно; вначале не хотел давать о себе необходимые сведения, ссылаясь на провалы памяти, а затем изменил поведение и сообщил подробный анамнез. Во время беседы с ним каждый раз слегка рисуется, охотно и подробно рассказал о нескольких попытках на самоубийство. Называет себя «неудачником в жизни», «обездоленным», «обиженным судьбой». В отделении обычно добродушен, с окружающими корректен, держится внешне спокойно, охотно работает в мастерской, пишет повесть автобиографического содержания. Правонарушения не отрицает; говоря о нем, сильно волнуется, понимает всю серьезность своего положения, крайне обеспокоен своей дальнейшей судьбой. Суждения его толковы, связны. Формальные способности интеллекта (память, осмысление, критика) без отклонений от нормы. На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что К. душевным заболеванием не страдает, а является психопатической личностью со склонностью к фантазированию, лжи и реакциям истерического характера. Как недушевнобольной в отношении инкриминируемого ему деяния, совершенного им вне какого-либо болезненного расстройства душевной деятельности, К. следует считать вменяемым. В дальнейшем пребывании в Институте он не нуждается.

П.п. Председатель экспертной комиссии доцент Молочек.

Член экспертной комиссии, Зав. Клиническим отделением
ст. научный сотрудник Рабинович.

Докладчик психиатр-эксперт научный сотрудник Мороз.

III

Летом 1946 г. в Верховный суд СССР отцом К., а также адвокатом О. была по делу К. подана жалоба в порядке надзора. К жалобам были приложены три «справки», выданные проф. С. на бланках с грифом «Директор такого-то учреждения», но исходящие лично от проф. С. «Справки» гласят следующим образом:

I

К. я знаю в качестве больного с 1934 г. Последний осмотр имел место 20.VIII с. г.

К. относится к разряду патологических личностей, развитие которых было в значительной мере предопределено перенесенным в раннем детстве энцефалитом и хореей (пляска св. Витта). К тому же он происходит из наследственно крайне отягченной по линии психического отклонения семьи.

На почве органического поражения мозга у него развернулся так называемый «ан-этический синдром», выражающийся в немотивированных колебаниях настроений, хвастовстве, лживости, непоследовательности поступков, идущих нередко во вред самому себе.

Эти психопатические особенности личности усугубились благодаря перенесенному ранению и контузии на фронте.

Правонарушения, которые инкриминируются К., вытекают из органических дефектов психики, которые обрисованы выше.

Принимая во внимание, что психопатия К. развернулась на почве органического поражения центральной нервной системы, было бы правильно в этом случае говорить об «уменьшенной вменяемости».

Проф. С.

19—30/V 1945 г.

2

Справка

Дана в том, что в согласии с представленным мною заключением о состоянии здоровья К. он нуждается в систематическом психиатрическом лечении, предположительно так называемой электросудорожной терапии.

8/XI 1945 г.

Проф. С.

3

В дополнение к справке, выданной мной от 30/VIII 1945 г. в отношении К., считаю уместным сообщить, что ан-этический синдром, о котором я упоминал, включает в себе и проступки, касающиеся денежных растрат.

Такие лица отличаются слабоволием, легко поддаются под чужое тлетворное влияние и могут совершать растраты и тому подобное.

17/II 1946 г.

Проф. С.

При рассмотрении дела председателем Верховного суда СССР было обращено внимание на то, что проф. С. высказывается за наличие у К. «уменьшенной вменяемости».

Советскому уголовному праву чуждо такое понятие. Наш закон (ст. 11 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) имеет в виду вменяемость и невменяемость. Союзная инструкция от 17 февраля 1940 г. указывает, что эксперт дает заключение о вменяемости испытуемого в момент совершения преступления. «Заключение» проф. С. об уменьшенной вменяемости К. в свою очередь приводится адвокатом в поданной им жалобе в качестве аргумента в пользу «уменьшенной ответственности» К. Такого рода заключения, несомненно, противоречат и закону и Инструкции от 17 февраля 1940 г.

Поскольку далее проф. С. утверждал в своей «справке», что патологическое развитие личности К. было «предопределено» перенесенными им в детстве болезнями, что у него развился «ан-этический синдром», который включает в себе и такие действия, как растраты, председатель Верховного суда СССР счел необходимым обратиться к Центральному научно-исследовательскому институту имени проф. Сербского с просьбой дать заключение по ряду вопросов общего характера: о значении наследственности, о предопределенности патологического развития личности, о существовании «ан-этического синдрома». Одновременно Верховный суд СССР просил выслать копию истории болезни К., составленную во время нахождения его на испытании в Институте имени проф. Сербского.

Институт имени проф. Сербского, получив отношение Верховного суда СССР от 22 октября 1946 г., организовал авторитетную комиссию, тщательно изучил поставленные перед ним Верховным судом СССР вопросы и результаты своей работы сформулировал в нижеследующем протоколе:

Протокол

заседания комиссии Центрального научно-исследовательского института судебной психиатрии имени проф. Сербского, в составе: директора Института доцента Фейнберг Ц. М. (председатель), зам. директора Института по научной части действительного члена Академии медицинских наук профессора Гуревича М. О., председателя Экспертной комиссии Института проф. Бунеева А. Н., зав. Клиническим отделением профессора Халецкого А. М., зав. Клиническим отделением профессора Молочка А. И. и ученого секретаря Института старшего научного сотрудника Фрейерова О. Е.

Ознакомившись с вопросами, поставленными перед Институтом Верховным судом СССР в его отношении за № 6131/ОП от 22/X 1946 г., Комиссия Института им. Сербского пришла к следующему заключению:

Вопрос 1-й:

«Предопределяет» ли вообще и «в значительной мере» в частности перенесенный в детстве энцефалит и хорея патологическое развитие личности?

Ответ:

Нет, не предопределяет. Патологическое развитие личности в некоторых случаях может быть поставлено в связь с перенесенными в раннем возрасте мозговыми заболеваниями, в том числе энцефалитом и хореей.

Если клинически удастся установить зависимость между перенесенным в детстве заболеванием мозга и наступившими изменениями личности, то следует говорить о предрасположении к патологическому развитию личности, а не о «предопределении».

«Предопределение» вообще и предопределение «в значительной мере» обозначает фатальную обусловленность судьбы у детей, перенесших какое-либо мозговое заболевание. Такой взгляд на предопределение патологического развития личности вследствие биологических причин не разделяется советскими авторами.

Вопрос 2-й:

Влияет ли обязательно семейная наследственность (прямая или боковая) на патологическое развитие личности?

Ответ:

Современными научными данными определенно установлено, что нет оснований говорить об обязательном влиянии наследственности при патологическом развитии личности. Целый ряд душевных болезней, в происхождении которых видели проявление «рокового» наследственного отягощения, в настоящее время объясняется различными экзогенными (внешними) факторами. Имеется группа так называемых экзогенных психозов (шизофрения, циркулярный психоз, генуинная эпилепсия), где значение наследственных факторов в той или иной степени подтверждено научными исследованиями, однако даже при этих заболеваниях (например, в семьях шизофреников или эпилептиков) большинство (не менее 90%) потомства остается здоровым. Только неблагоприятное сочетание наследственного отягощения и вредных внешних экзогенных моментов может привести к патологическому развитию личности.

Вопрос 3-й:

Является ли понятие «ан-этического синдрома» понятием, твердо установленным в психиатрии? Можно ли считать правильным утверждение, что растрата, совершенная определенным лицом, является одним из признаков ан-этического синдрома, т. е. поступком, вытекающим из болезненного состояния?

Ответ:

Термин «ан-этический симптомокомплекс» предложен Альбрехтом для обозначения таких психических изменений после эпидемического энцефалита, которые, по его мнению, характеризуются антисоциальным поведением.

В советской психиатрии этот термин подвергся заслуженной критике и в настоящее время почти не употребляется, так как он, во-первых, не раскрывает существа психических изменений, свойственных энцефалитикам, выражающихся прежде всего в расторможении органических влечений, и, во-вторых, устанавливает прямую причинную связь между энцефалитом и преступлением, т. е. биологизирует социальные явления. Расторможение низших влечений при энцефалите вовсе не обязательно влечет к преступному поведению.

Утверждение, что растрата является поступком, прямо вытекающим из болезненного состояния, является неправильным и отражает ломброзианскую точку зрения.

Вопрос 4-й:

Правильно ли утверждение, что при психопатии указанный «ан-этический синдром» «органически предопределен» и ведет к фатальной неизбежности к совершению тех или иных преступлений? Не является ли эта точка зрения отражением неоломброзианских взглядов, осужденных советской психиатрией?

Ответ:

При психопатии устанавливается то или другое биологически обусловленное отклонение от норм, затрагивающее элементарные основы темперамента и характера. Формирование психопатической личности в значительной степени определяется внешними влияниями, социальными факторами. В особенности это касается сложных психических образований, какими являются понятия морали, нравственности, социального долга и т. д. При одинаковых психопатических задатках возможно разное поведение психопатов, разная социальная установка.

Утверждение, что при психопатиях так называемый «ан-этический синдром» «органически предопределен» и ведет к фатальной неизбежности к совершению тех или других преступлений, следует считать с точки зрения советской судебной психиатрии неправильным.

Это утверждение в полной мере связано с ломброзианскими и неоломброзианскими тенденциями в судебной психиатрии и в уголовном праве.

16 ноября 1946 г.

(Подписи).

V

Из приложенной к ответам Института имени проф. Сербского истории болезни К. видно, что в нее занесены данные о наследственности как по прямой, так и по боковой линии. Таким образом, указание защитника в надзорной жалобе, что этот вопрос был обойден молчанием при нахождении К. на испытании в Институте имени проф. Сербского объясняется тем, что история болезни не была в распоряжении защитника. Что касается того, что о наследственности ничего не говорится в акте экспертной комиссии, то занесение этих данных в акт не требуется Инструкцией от 17 февраля 1940 г. Во всяком случае вопрос о наслед-

ственности К. был в поле зрения экспертной комиссии, и его нельзя поэтому рассматривать как новое по делу обстоятельство.

На основании всего изложенного и не находя в деле других обстоятельств, которые говорили бы в пользу пересмотра дела К. в порядке надзора, и считая, что наказание, подлежащее по амнистии сокращению, вполне соответствует вине К., председатель Верховного суда СССР оставил жалобы отца К. и его защитника без последствий.

VI

Из полученных ответов Института имени проф. Сербского со всей очевидностью вытекает, что «заключение» проф. С. исходит из антинаучных ломброзианских и неоломброзианских установок, биологизирующих общественные явления, в частности, утверждение проф. С., что при психопатиях так называемый «анэтический синдром» «органически предопределен» и ведет с фатальной неизбежностью к совершению тех или иных преступлений, связано в полной мере с ломброзианскими и неоломброзианскими тенденциями в судебной психиатрии и в уголовном праве, осужденными советской психиатрией и советской теорией уголовного права. Такого рода «заклучения» не помогают, а мешают отправлению советского правосудия и не могут быть в дальнейшем терпимы.

В целях сообщения работникам юстиции необходимых сведений по судебной психиатрии Министерством юстиции СССР уже несколько лет тому назад изданы для юридических вузов и для юридических школ учебники по судебной психиатрии. Судебная психиатрия является обязательной дисциплиной в образовании советского юриста.

К сожалению, в медицинских вузах судебная психиатрия не преподается как специальная дисциплина. Нет до сих пор и специального руководства по судебной психиатрии для врачей. Такого рода заключение, как проф. С., показывает, что необходимо принять меры для повышения судебно-психиатрических знаний среди психиатров, для ознакомления их с правильными судебно-психиатрическими оценками психических заболеваний, для ознакомления их с основами советского уголовного законодательства и советской теории уголовного права.

Поскольку, согласно Инструкции от 17 февраля 1940 г., Министерству здравоохранения СССР принадлежит общее руководство судебно-психиатрической экспертизой в СССР, председатель Верховного суда СССР счел необходимым довести до сведения Министра здравоохранения СССР о «заклучении» проф. С. и о необходимости принять меры для повышения судебно-психиатрических и уголовно-правовых знаний среди советских психиатров.

ЗНАЧЕНИЕ ОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛУ

1. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 5 апреля 1947 г.

Судебная коллегия рассмотрела в заседании от 5 апреля 1947 г. протест председателя Верховного суда СССР на приговор Новосибирского областного суда от 18 июня 1946 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 5 июля 1946 г. по делу Русина Павла Васильевича и Изотовой Раисы Никитичны, осужденных по указанному приговору: Русин по ст. 59-3 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах по п.п. «а» и «б» ст. 31 УК РСФСР на три года с конфискацией имущества, Изотова по ст. 17-59-3 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы без поражения в правах.

Определением Судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 5 июля 1946 г. приговор в отношении указанных осужденных оставлен в силе.

Русин, а также осужденные, кроме него, по настоящему делу Мишанин и Изотов были признаны виновными в том, что, организовавшись в январе 1946 г. в бандитскую группу, вооруженную пистолетом, в течение января-февраля 1946 г. совершили семь бандитских налетов с целью ограбления на разных граждан на улицах города Новосибирска. Изотова Раиса была признана виновной в том, что, зная о бандитской деятельности Изотова, Мишанина и Русина, принимала от них для реализации вещи, добытые преступным путем.

Приговор в отношении Русина подлежит отмене, а в отношении Изотовой — изменению по следующим основаниям:

На предварительном следствии Мишанин на допросе 22 февраля 1946 г. показал, что он в январе познакомился с парнем, по имени Вася, с которым, а также с Изотовым он и совершал ограбления. Изотов на допросе от того же числа показал, что Мишанин познакомил его с неизвестным гражданином, по имени Василий, с которым они и совершили ряд ограблений. На суде Мишанин признался, что он знал «Васька» по Новосибирской тюрьме, в которой он, Мишанин, отбывал наказание по Указу от 26/XII 1941 г., но фамилии его не помнит. На протяжении предварительного следствия и на суде как Мишанин, так и Изотов утверждали, что ограбления они совершали с «Васьком» и ни разу не указывали на Русина как на своего сообщника. На суде оба они категорически отрицали участие Русина в грабежах. На суде Мишанин заявил, что он видел Русина один только раз, когда Русин женился на его племяннице. Точно так же Русин как на предварительном следствии, так и на суде категорически отрицал какое бы то ни было участие в преступлениях, совершенных Мишаниным и Изотовым.

Впервые в деле Русин упоминается при допросе Изотова 25 марта начальником следственного отдела капитаном Дергачевым (л. д. 41). На вопрос, знает ли он Русина, последовал ответ Изотова, что он Русина Павла Васильевича совершенно не знает и знаком с ним не был и что родственницы, у которой был бы муж Русин Павел Васильевич, у него нет.

В действительности Русин был женат на племяннице Мишанина, на которой он женился по возвращении с войны, и которого он вообще, как показал на суде, видел только раз на семейной вечеринке. Мишанин на следствии относительно Русина вообще не допрашивался.

19 апреля 1946 г. Русин был задержан по подозрению в незаконном хранении оружия (л. д. 67), что ничем не подтвердилось. В тот же день его предъявили для опознания потерпевшему от ограбления Гусенкову, а на другой день потерпевшей Ялышевой, которые и опознали в нем «третьего» грабителя. 30 апреля Русину было предъявлено обвинение в том, что после демобилизации из Красной Армии, в конце 1945 г., он «установил преступную связь со своими дальними родственниками Мишаниным и Изотовым и продолжительное время занимались уличными грабежами», почему и постановлено привлечь его по ст. 59-3 УК РСФСР (л. д. 81). В дальнейшем Русин был предъявлен для опознания потерпевшими Косыревой (6 мая), Шаповой (7 мая) и Пастуховой (8 мая), которые все опознали в Русине одного из трех грабителей.

В основу обвинения и осуждения Русина было положено «опознание» его потерпевшими.

Заявление потерпевших при опознании Русина заключается в следующем:

1) Гусенков (19 апреля, л. д. 83): «...Русин был одет в черное кожаное пальто... имел пистолет в руках... Русина я хорошо узнал по росту, голосу и в лицо».

(На суде 17 июня)

«...Тот, который сидит у стены, т. е. Русин, был с пистолетом, мы стояли на близком друг от друга расстоянии. Опознаю я его по разговору, видел его лицо и опознаю твердо...».

На вопрос прокурора Гусенков ответил:

«...Предъявили мне на опознание грабителей в конце февраля (в действительности 21 февраля был предъявлен к опознанию только Мишанин, а Русин был предъявлен только 19 апреля). Мишанина я опознал по голосу и лицу. Русина я опознал по голосу, по черной кожанке с воротником, по росту. Грабеж был в 10 часов 20 минут. На близком расстоянии все было видно хорошо, ночь была светлая. На опознание мне приводили трех, из них я сразу признал Русина» (в действительности на опознание Мишанина 21 февраля приводили четырех человек (л. д. 26/48), а на опознание 19 апреля только двух: Русина и Гордиенко (л. д. 83)).

2) Ялышева (20 апреля, л. д. 84)... «Сидящий передо мной грабитель Русин был вооружен пистолетом и угрожал в лицо первоначально мужу (Гусенкову), а затем мне... Сейчас я его хорошо опознала по росту, разговору и лицу, одет он тогда был в кожаное пальто...» (на суд Ялышева не явилась).

3) Косырева (6 мая, л. д. 85). ...«Пальто и другие вещи с меня снимал Русин, а рядом стоящий был с пистолетом, меня они успокаивали, а Русин говорил: «тише, тише» и закрывал рот... Я Русина хорошо опознаю, потому что у него голос хрипчатый, кроме этого, он был тогда в нетрезвом виде и поэтому у него голос был еще более хрипчат...».

(На суде 17 июня)

...«я узнала Русина по голосу и фигуре. Я утверждаю, что был Русин. Русин был одет в кожаное пальто, не помню, был ли ворот на пальто... 6 мая было опознание Русина. Ввели 3 человек, я опознала Русина по голосу, их при мне допрашивали...».

4) Щапова (7 мая, л. д. 86)... «Я опознаю Русина, потому что он, во-первых, сходит ростом именно с тем, что встречал меня, а главное я его опознаю по голосу, у него хрипчатый голос, что является характерным признаком... Русин был с пистолетом или с револьвером...».

(На суде 17 июня)

...«6 февраля я часов в 10 вечера шла домой. У улицы Гранитной и Некрасовой повстречались мне люди. Ночь была темная. Я видеть их не могла. Они отняли у меня 600 руб. денег... У Русина был наган. Мишанин раздевал. Русин был в меховой полудожке. Мишанин в полупальто, третьего я не заметила, он был в кожаном пальто... Русина я опознала по голосу и по своеобразному складу лица...».

(На вопрос адвоката):

...«Следователь меня спросил: «признаете ли Вы тех, кого я приведу». Я опознала Мишанина сразу...».

5) Пастухова (8 мая, л. д. 87). ...«Русин был с пистолетом. Русина я опознаю по его сдавленному голосу, он в точности говорит, как тот, который был с пистолетом, одет он был точно в чем, не помню, но мне кажется в полудожке. Кроме того, я опознаю Русина по его движениям».

(На суде 17 июня)

«...черный (Русин) хриплым голосом говорил: «посмотри сюда»... Русина я опознала по нацменовскому типу лица, он был черный...».

(На вопрос прокурора):

...«Русина я узнаю по хрипчатому голосу, по его фигуре, по его плечам, по выразительной физиономии... Русин был одет в чем-то темном, полукоротком...».

6) Ромашкина (только на суде)... «Я опознаю сидящего у стенки Русина по сросшимся густым черным бровям, он ни-

сколько не изменился. Он во время грабежа ударил меня наганом в глаза... Русина мне не предъявляли на опознание, только сейчас я опознаю его. Черный, т. е. Русин, был одет в полупальто... Я его хорошо помню. Он был близко от меня...».

Опознание личности обвиняемого может явиться одним из доказательств его виновности, но ввиду своеобразия этого доказательственного материала, составление актов опознания требует соблюдения особых методических правил, опирающихся на научно-обоснованные и практикой проверенные положения.

Изучение материалов настоящего дела показывает, что опознание производилось при условиях, возбуждающих серьезное сомнение в его доказательственной силе.

Опознание производилось через 2 и 3 месяца. Одно это довольно продолжительное истечение времени требовало сугубо осторожного подхода следственных органов к акту опознания. Между тем потерпевшим предъявлялось вместе с Русиным только или одно (акт опознания Гусенковым, Ялышевой, Шаповой, Пастуховой) или два лица (акт опознания Косыревой). Из числа предъявляемых с Русиным к опознанию лиц одно было рожденного 1923 г., другое 1925 г., т. е. разница между ними и Русиным (рожд. 1917 г.) была в шесть и восемь лет, весьма значительная. В отношении двух соопознаваемых вообще не указан возраст.

В протоколе не отмечено, в какой одежде предъявлялся Русин для опознания — в зимней ли, которая отобрана у него была в качестве вещественного доказательства, или же в иной и в какой именно.

Не указано, при каком освещении производилось опознание, что имеет важное значение, поскольку ограбления производились между 10 и 11 вечера.

Как видно из приведенных выше показаний потерпевших, признаки, по которым они признавали в Русине одного из грабителей, носят в значительной мере общий и довольно неопределенный характер: «хорошо узнаю по росту, голосу и лицу», «Русина я опознала по голосу и по своеобразному складу лица», «опознаю Русина по его движениям». Более конкретным является указание Ромашкиной, признавшей на суде Русина по «сросшимся черным густым бровям». Ромашкина и в первом своем заявлении от 13 января (л. д. 2, 98) показывала, что у одного из нападавших были «брови густые». Но в деле имеется фотография Русина (л. д., 68-9), из которой видно, что у Русина брови не густые и не сросшиеся. Свидетельница Пастухова признала Русина «по его плечам, по выразительной физиономии».

Конкретным является указание на опознание по «хриповатому» голосу (показания Косыревой, Шаповой, Пастуховой). Но только Косырева при первом допросе (6 февраля) показала, что у одного из грабителей был голос «хриповатый», прибавив при этом, что «все были пьяные».

Суд не остановился на противоречиях в показаниях свидетелей о том, светлая или темная была ночь 6 февраля. Так, Гусенков утверждал, что ночь была светлая, все было видно. Свидетельница Шапова показала, что 6 февраля ночь была темная и она не могла видеть ограбивших ее. Впрочем это не помешало свидетельнице опознать Русина не только по голосу, но и по «своеобразному складу лица». Свидетель Груздев показал на суде: «ночь 6 февраля была темная, лицо было видеть нельзя, это было часу в 10, и 11-м».

Из изложенного видно, насколько является сомнительной ценность актов опознания Русина как участника ограблений, совершенных Мишаниным и Изотовым. Если и нет по настоящему делу никаких оснований утверждать, что опознававшие сознательно искажали истину, то все же при опознании могла произойти невольная и вполне объяснимая ошибка со стороны опознававших. Поэтому является необоснованным утверждение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР о том, что Русин «уличен в совершении инкриминируемого ему преступления потерпевшими как участник бандитского нападения, причем Гусенков и Ромашкина утверждают, что огнестрельное оружие было у Русина. Не доверять показаниям потерпевшего оснований не имеется».

Независимо от изложенного в деле имеются данные, говорящие против виновности Русина:

Осужденные по делу Мишанин и Изотов, признавшие себя виновными в нескольких ограблениях, категорически отрицают участие в них Русина, хотя у них не было оснований к подобному отрицанию, если бы Русин в действительности являлся их соучастником. Личность Русина характеризуется положительным образом. Он проживал до своей мобилизации во время Отечественной войны в трудовой семье, ни разу не был судим, защищал Родину с оружием в руках, был ранен, награжден медалью «За отвагу» и орденом Славы 3-й степени.

При всех указанных обстоятельствах обвинение Русина не может считаться доказанным.

В отношении Изотовой следует считать доказанным, что она знала, что два пальца, которые она продавала, приобретены Мишаниным и Изотовым преступным путем. Вместе с тем по делу не установлено, что она знала, что Мишанин и Изотов образуют вооруженную банду. По всем обстоятельствам дела Изотова, зная о преступном источнике добытых вещей, не знала вместе с тем, в результате какого именно преступления они добыты. Поэтому ее соучастие должно рассматриваться как соучастие в таком преступлении, сомневаться в котором она во всяком случае не имела оснований. При таких условиях ее действия следует квалифицировать по ст.ст. 17 и 162 п. «в» УК РСФСР.

Ввиду всего изложенного Судебная коллегия по уголовным делам

определяет:

1) Приговор Новосибирского областного суда от 18 июня 1946 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 5 июля 1946 г. в отношении Русина Павла Васильевича за недоказанностью обвинения отменить и дело о нем производством прекратить, освободив его из-под стражи.

2) Приговор Новосибирского областного суда от 18 июня 1946 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Изотовой Райсы Никитичны изменить, квалифицировать ее действия по ст.ст. 17 и 162 п. «в» УК РСФСР, назначить ей наказание в виде десяти месяцев лишения свободы, а за отбытием наказания из-под стражи освободить.

Комментарии

Опознание является одним из видов свидетельских показаний. Наши процессуалисты не останавливаются на нем специально, но зато ему посвящают внимание авторы руководств по криминалистике. Наиболее полно исследуется вопрос об опознании в Методическом письме, составленном Всесоюзным институтом юридических наук (ВИЮН) и утвержденном Прокурором СССР А. Я. Вышинским: «Опознание личности обвиняемого при расследовании преступлений» (1936 г.).

Методическое письмо с самого начала подчеркивает, что необходимо помнить, что акт опознания отличается от допроса потерпевших или свидетелей. В то время как при допросе свидетель сообщает известные ему факты, при опознании требуется, чтобы свидетель или потерпевший установил, действительно ли предъявляемое ему лицо является тем лицом, которое он видел в момент совершения преступления. Допрашиваемый, т. е. в данном случае «опознающий», должен сделать сравнение или сличение виденных им двух «образов» своего восприятия: образа человека, виденного им в момент совершения преступления, и образа человека, предъявляемого ему теперь для опознания. На основании сравнения этих двух образов он и должен сказать, что опознает ли он предъявляемого ему человека за лицо, совершившее преступление. «И если он, — указывает Методическое письмо, — опознает его, то акт опознания является своего рода прямой уликой в отношении предъявляемого, т. е. доказательством, непосредственно указывающим на данное лицо, как на совершателя преступления».

Отсюда Методическое письмо и делает вывод, что производство опознания личности обвиняемого требует иной организации этого процессуального действия и иных методов проверки и оценки его достоверности как доказательства в деле, чем обычный допрос свидетеля.

Методическое письмо содержит ряд ценных указаний на то, какие моменты надо учитывать при производстве опознания личности обвиняемого, как должен вестись опрос потерпевшего или свидетеля-очевидца о личности преступника, излагает методику акта предъявления личности обвиняемого и т. д.

В сборниках судебной практики Верховного суда СССР нет постановлений или определений, относящихся до опознания. Но в своей статье «Оценка доказательств в кассационной и надзорной практике Верховного суда СССР»¹ проф. Гродзинский приводит несколько определений Судебной коллегии по уголовным делам за 1939—1942-й год, свидетельствующих о совершенно правильном подходе коллегии к этому виду доказательств.

По делу Орденидзе и Магавариани Судебная коллегия указала, что «одно опознание, в особенности при наличии неприязненных отношений между опознающим и опознанным, вообще недостаточно для обвинения в таком серьезном преступлении, как разбой. В материалах дела имеется ряд других обстоятельств, вызывающих основательное сомнение в правильности приговора. Прежде всего совершенно неправдоподобно, чтобы в лунную ночь, как показала потерпевшая, двое ближайших соседей решились на ограбление с изнасилованием, не маскируясь, заведомо зная, что они будут опознаны. Магавариани слепой на один глаз и по ночам ничего не видит. Его участие в ограблении вообще мало вероятно. Осужденные были арестованы рано утром 25 ноября, но ничего из похищенных вещей у них обнаружено не было (преступление же якобы имело место в ночь на 25 ноября)» (определение от 18 июля 1942 г.).

Совершенно правильно, приводя это определение, проф. Гродзинский пишет:

«Точность, конкретность, отсутствие противоречий и соответствие обстоятельств дела, требуемые от каждого свидетельского показания, приобретают, в частности, особо важное значение в тех случаях, когда речь идет об опознании свидетелем предъявляемого ему лица в качестве предполагаемого преступника. Опознание является нередко основным доказательством, определяющим исход всего дела в целом, и нуждается в особо тщательном и углубленном анализе. Для того чтобы опознание было признано убедительным, оно должно быть обосновано четкими и ясными указаниями на определенные индивидуальные приметы, позволяющие с достоверностью установить тождество опознаваемого с лицом, совершившим преступление; опознание же, лишённое категоричности, содержащее в себе противоречащие друг другу положения, сводящиеся к общим заявлениям о сходстве опознаваемого лица с преступником или же ограничивающиеся ссылкой на некоторые неопределённые приметы, не поддающиеся

ся надлежащей поверке, должно быть признано лишенным доказательной силы и значения».

По делу Марусика, признанного виновным в разбойном нападении совместно с другими лицами на Марию и Анну Акуленко, Судебная коллегия признала, что обвинение «основано на опознании Марусика потерпевшими и милиционером Бескоровайным. Однако показания этих лиц противоречивы. Потерпевшие только на суде заявили об опознании ими Марусика, тогда как на предварительном следствии они опознали других лиц, в частности Хромца, который судом оправдан; причем показания Акуленко Марии, милиционера Бескоровайного об одежде Марусика противоречивы» (определение от 16 февраля 1939 г.).

Методическое письмо подчеркивало необходимость важности правильного проведения первого допроса (потерпевшего или свидетеля-очевидца). Этот первый допрос должен дать более полные, исчерпывающие сведения не только об обстоятельствах совершенного преступления, но и о личности, о внешнем облике преступника. Нужно добиваться, чтобы в результате допроса в показании потерпевшего или свидетеля был отражен полный, своего рода «словесный портрет» преступника в том виде, как он запечатлелся в памяти допрашиваемых.

Проф. Гродзинский указывает, в свою очередь, что правильная организация предъявления опознаваемого лица требует, чтобы свидетель предварительно описал приметы преступника, после чего свидетелю должно быть предложено опознать преступника среди нескольких лиц, в числе которых находится и лицо, подозреваемое в совершении преступления. «При несоблюдении указанных условий, — пишет автор, — опознание может явиться результатом того влияния, какой оказал на свидетеля самый факт предъявления ему именно данного лица в качестве предполагаемого преступника; в этих случаях опознание, хотя бы внешне оно было точным, категоричным и лишенным противоречий, может оказаться совершенно неправильным по существу». Проф. Гродзинский ссылается далее на некоторые определения Судебной коллегии, из которых видно, что она придает огромное, подчас решающее значение той обстановке, в которой опознание имело место. Так, по делу Зудова, осужденного по ст. 74 УК РСФСР за нанесение в нетрезвом виде побоев Матюхину, единственным доказательством, на котором суд основал свой приговор, явилось опознание обвиняемого потерпевшим. «Однако, — указывает Верховный суд СССР, — самое опознание было произведено с нарушением установленных для этого процессуального момента правил... Зудов для опознания был приведен в общежитие, в котором проживал Матюхин, а не был показан ему среди других лиц». Кроме того, на очной ставке и на суде Матюхин категорически опознал Зудова, но нигде не сказано, по каким признакам он его опознал. Верховный суд нашел, что такое опознание «нельзя признать достоверным и что оно не может служить достаточным до-

казательством виновности Зудова» (определение от 29 января 1941 г.).

По тем же основаниям было отвергнуто опознание в качестве доказательства по делу Багирова, осужденного за совершенное вечером 25 января 1941 г. разбойное нападение на гр-ку Баджаниян. В определении указывалось, что единственным доказательством виновности Багирова является опознание его потерпевшей. Из объяснений обвиняемого и показания потерпевшей усматривается, что Багиров был доставлен в кабинет начальника уголовного розыска в тот момент, когда там находилась потерпевшая. Багиров пробыл в кабинете 10—15 минут, после чего был отправлен обратно в камеру. Через час после этого Багиров был снова вызван совместно с пятью заключенными в тот же кабинет, где и был опознан потерпевшей (определение от 10 декабря 1941 г.).

Рассматривая дело Русина, определение по которому полностью приведено выше, Судебная коллегия по уголовным делам пришла к неопровержимому заключению, что следственные органы нарушали при расследовании этого дела самые элементарные условия правильного проведения опознания. В дополнение к тому, что приведено в определении, следует сказать, что при опознании других обвиняемых были допущены еще более грубые нарушения. Так, при опознании Мишанин был одновременно и в единственном числе предъявлен потерпевшим Пастуховой и Свиножскому (л. д. 29). Должен был суд обратить внимание и на то, что подсудимые жаловались на допущение при опознании неправильных действий со стороны следователя. Так, Русин заявил на суде, что когда на опознании его признавали «по росту», то следователь Дергачев говорил: «а по голосу?» и писал «по голосу», хотя по нему его не признавали. Одна потерпевшая, по словам Русина, указала сперва не на него, Русина, а на другого, и тогда следователь указал на Русина, и она признала его. Обвиняемый Мишанин, отрицая ограбление Шаповой, заявил на суде, что сначала Шапова опознала не его, а другого, но «потом следователь сделал нарек, и она стала показывать на него».

То, что суд сомневался в виновности Русина, можно предположить хотя бы потому, что он, приговорив Мишанина и Изотова к расстрелу, в отношении Русина ограничился десятью годами лишения свободы. Между тем, как раз из показаний «опознавших» Русина можно было сделать вывод, что Русин являлся наиболее активным участником ограблений. По показаниям свидетелей (Гусенкова, Ялышевой, Шаповой, Пастуховой и Ромашкиной), именно Русин был вооружен револьвером, угрожал им и даже якобы ударил им одну из потерпевших.

При составлении Уголовно-процессуального кодекса СССР необходимо учесть недостатки нашей судебной и следственной практики в отношении акта опознавания и включить в кодекс ряд основных норм, положений, соблюдение которых являлось бы

обязательным при производстве опознания. Но, не дожидаясь издания союзного УПК, следует уже в настоящее время принять меры к устранению несомненно имеющихся, допускаемых на практике нарушений элементарных правил при производстве опознания. Методическое письмо, изданное в 1936 г., стало библиографической редкостью. Необходимо такого рода методическую инструкцию сделать достоянием следственных работников, работников прокуратуры и суда. Руководствуясь этими соображениями, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР вынесла по делу Русина частное определение, в котором она обращала внимание Генерального прокурора СССР на желательность переиздания Методического письма об опознании личности обвиняемого при расследовании преступлений, с учетом практики истекших лет. Вместе с тем Коллегия указала, что в отличие от Методического письма 1936 г. желательно, наряду с мотивировочной частью, основные методические указания облечь в нормативную форму инструкции.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	2

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

1. О возможности применения судами наказания лишь к лицам, совершившим определенное преступление. Руководящее постановление Пленума Верховного суда СССР от 12 июля 1946 г.	3
Комментарии	4
2. Восполнение пробелов общей части уголовного кодекса. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 17 мая 1946 г.	6
Комментарии	8
3. Недопустимость применения аналогии по субъекту преступления. Руководящее постановление Пленума Верховного суда СССР 29 ноября 1946 г.	12
Комментарии	15
4. Значение анализа субъективной стороны совершенного преступления для его правильной квалификации. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 января 1947 г.	20
Комментарии	26
5. Понятие эвентуального умысла. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 27 сентября 1946 г.	33
Комментарии	36
6. Превышение пределов необходимой обороны. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 июня 1946 г.	41
Комментарии	45

ВОПРОСЫ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

7. Квалификация убийства из ревности. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 23 октября 1946 г.	50
Комментарии	53
8. Субъективная сторона в составе похищения имущества. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 14 февраля 1947 г.	55
Комментарии	59
9. О необходимых признаках состава преступления разбоя. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 14 июня 1947 г.	61
Комментарии	64

10. Отличие грабежа без насилия от кражи. Определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 24 апреля 1946 г.	68
Комментарии	71
11. О пределах ответственности работников транспорта по статьям о воинских преступлениях. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 21 марта 1947 г.	72
Постановление Пленума Верховного суда СССР от 21 марта 1947 г. . .	74
Комментарии	75
12. О пределах ответственности работников транспорта по статьям о воинских преступлениях. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 4 апреля 1947 г.	76
Комментарии	79
13. Различие между дезертирством и несвоевременным возвращением из отпуска. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 5 апреля 1946 г.	80
Комментарии	81
14. Реальная совокупность дезертирства и уклонения от несения обязанностей военной службы путем подлога. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 19 апреля 1946 г.	84
Комментарии	86

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

15. О превышении кассационной инстанцией своих полномочий. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 4 апреля 1947 г. . .	88
Комментарии	90
16. Неправильное рассмотрение в кассационном порядке протеста, который мог быть внесен лишь в надзорном порядке. Определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 17 января 1947 г. .	91
Комментарии	93
17. Различие в объеме прав кассационной и надзорной инстанций. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 12 июня 1946 г.	96
Комментарии	97
18. Частные заключения психиатров	98
19. Значение опознания личности обвиняемого как доказательства по делу. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 5 апреля 1947 г.	109
Комментарии	114

Комментарии к №№ 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 17 написаны проф. А. А. Пионтковским, к №№ 2, 5, 10, 18 и 19 проф. М. М. Исаевым.

Редактор издательства проф. А. А. Герцензон.

Сдано в набор 1/VIII 1947 г. Подписано к печати 23/IX 1947 г.
Число тип. знаков в 1 печ. листе 46000, 7,5 печ. листа.